

Тюменский научный центр  
Сибирского отделения РАН  
ЦЕНТР ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Финансово-  
инвестиционная  
корпорация  
“ЮГРА”

---

# Этика успеха

*Вестник исследователей, консультантов и  
ЛПР*

*Выпуск 10, специальный*

## **РОССИЙСКАЯ ИДЕЯ УСПЕХА: ВВЕДЕНИЕ В ГУМАНИТАРНУЮ ЭКСПЕРТИЗУ** *Научно-публицистический доклад*

*Соредакторы: В.И.Бакитановский, В.А.Чурилов*

*Редколлегия: А. Г. Асмолов, Г. С. Батыгин,*

*Ю. В. Казаков, И. М. Клямкин,*

*А. Ю. Согомонов, Ю.В. Согомонов,*

*В.И. Шпильман*

### **Адрес редакции:**

625002 Тюмень, а/я1230, Центр прикладной этики; тел/факс (3452)24 02 26

103070 Москва, Старая площадь, 10/4, “Югра”,

тел (095) 206 03 57, факс (095) 206 60 89

© Центр прикладной этики, 1997

**Тюмень-Москва**

**1997**

**Этика успеха:** Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып.10, специальный. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. *Российская идея успеха: введение в гуманитарную экспертизу (научно-публицистический доклад)*. - Тюмень-Москва: Центр прикладной этики и Финансово-инвестиционная корпорация “Югра”, 1997. - 227 с.

Россия ищет идею. Трансплантирует чужую? Возрождает свою? Генерирует новую?

Идет конкурс идей. Ради бескомпромиссной победы одной из них над всеми другими? Ради их “мирного сосуществования”?

А может быть, нужен выход за пределы полярных ценностных систем? Понимающий диалог относительно способных к синтезу элементов этих систем и выращивание инновационной ценностной мозаики?

Российская идея успеха - безусловно, в ее этическом измерении - должна проявить себя в этой ситуации, ибо она может послужить катализатором инновационного поиска, заявив свою амбицию на собственную роль - возможно, на роль ядра - в ценностной мозаике. Но ради этого она должна стать предметом специальной экспертизы.

Гуманитарной экспертизе российской идеи успеха и посвящен проект, который открывается этим докладом.

© Центр прикладной этики, 1997.

# The Ethics of Success

*The Herald  
of Researchers, Consultants & Decision-makers  
Volume 10, special*

**THE RUSSIAN IDEA OF SUCCESS:  
AN INTRODUCTION TO  
HUMANITARIAN EXPERTISE  
*A scientific-publicistic report***

Editors: V.I.Bakshtanovsky, V.A.Churilov

Editorial Board: A.Asmolov, G.Batygin, Yu.Kazakov,  
I.Klyamkin, A.Sogomonov,  
Yu.Sogomonov, V.Shpilman

**Address:**

The Center for Applied Ethics. PO 1230 Tyumen 625002 Tel/fax (3452) 240226  
“Yugra”. 10/4 Old Square, Moscow 103070 Tel (095) 206 03 57 fax 2066089

© The Center for Applied Ethics, 1997

**Tyumen-Moscow  
1997**

**The Ethics of Success:** The Herald of Researchers, Consultants & Decision-makers. Vol.10, special. V.Bakshtanovsky, Yu.Sogomonov, V.Churilov. The Russian idea of success: an introduction to humanitarian expertise (a scientific-publicistic report). - Tyumen-Moscow: The Center for Applied Ethics & Financial Investment Corporation "YUGRA", 1997. - 237p.

Russia is looking for the idea. Is it transplanting alien one? Reviving the own? Generating a new?

There is competition of the ideas. For the uncompromising victory of one of them over others? For their "peace coexistence"?

And may it be necessary to go beyond the limits of polar systems of values? To start the understanding discussion of the capable of synthesis elements of these systems and to grow the innovating mosaic of values?

The Russian idea of success in its ethical dimension must manifest itself in this situation because it may be the catalyst of innovating search by declaring its ambition to play its own role - perhaps, central role - in the mosaic of values. However for this purpose it must become the object of special expertise.

The project beginning with this report is devoted to the humanitarian expertise of the Russian idea of success.

© The Center for Applied Ethics, 1997

## **СОДЕРЖАНИЕ**

### ***Предварительные замечания к проекту БЕЗ ИДЕИ УСПЕХА НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ ОБРЕЧЕНА НА БЕССИЛИЕ***

- Конкурс на выработку национальной идеи: инстинкт самосохранения власти через "госзаказ"; выражение аутентичного запроса становящегося гражданского общества; плод в определенном отношении управляемой коэволюции государства и общества? ..... 16
- Доктрина этики успеха может и готова стать предметом публичной экспертизы в рамках конкурсной процедуры ..... 18
- Особые замечания ..... 19
- Проект "Российская идея успеха: гуманитарная экспертиза", этапы его реализации ..... 19

### ***Часть первая ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИИ***

- 1. Дискурс на тему национальной идеи: уязвимость спора, попавшего в привычные рамки "идеофилии - идеофобии" ..... 21*
  - Скептик скорее всего прав, предупреждая об опасности создания новой "госидеологии". Но не относится ли национальная идея скорее к сфере культурологии, а не идеологии? .....21
  - Понять Россию умом и можно, и необходимо, но национальная идея по скороспелому заказу не возникнет: опережать должно развитие теоретических концепций ..... 24
- 2. Мозаичность ценностных оснований национальных идей общества переходного периода как результат "нового компромисса" и инновационного синтеза ..... 29*
  - "Программа-минимум": культура компромисса вполне адекватна ситуации конфликта версий национальной идеи ..... 29
  - "Программа-максимум": культура компромисса - эвристический инструмент аксиологического синтеза ..... 31
  - Коэволюция и конвергенция элементов различных версий национальной идеи возможны на основе синтеза традиционной и модернистской культуры ..... 35

3. “Моральное междуцарствие”: систематика, организованная относительно идеи успеха .....	40
• Какой диагноз точнее: “ценностный вакуум”, “моральный хаос”, “нравственно-психологическая неопределенность”?	40
• В дискурсе о национальной идее весьма активно заявляют о себе элементы идеи успеха .....	41
• Понимающая критика идеи успеха: несоответствие идеального образа тому, что “здесь и сейчас” .....	43
• “Антиуспешные” модели - продукт произвольного “обесмысливания” идеи успеха? .....	46
• “Евразийская модель морали успеха” - неоконсервативная версия? “Иные”? Значит не закрыты для “мозаики”?	51
4. Бытие в диалоге: гражданский парламент как возможная технология экспертизы и консультирования проектов национальной идеи .....	55

*Часть вторая*  
**ДОКТРИНА ЭТИКИ УСПЕХА:  
 ДЕРЗКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ  
 И НЕКОТОРЫЕ ОСНОВАНИЯ**

1. Апология .....	57
2. Моральный пафос доктрины .....	60
3. Предварительная атрибуция этики успеха .....	61
• Этосы как моральные конвенции о Кредо и Кодексах (“правилах игры”) .....	61
• “Этика успеха” - не метафора, а концепция прикладной этики .....	63
• Этика успеха - утопия или должное? .....	63
• Нормативно-ценностные системы в ситуации коэволюции: долгий путь к цивилизации достижений .....	64
• Нормативно-ценностные системы в ситуации коэволюции: приход цивилизации достижений .....	65
• Нормативно-ценностные системы в ситуации коэволюции: естественность “неестественной” морали .....	66
• Нормативно-ценностные системы в ситуации коэволюции: судьба естественной морали (новые роли) .....	65
• Нормативно-ценностные системы в ситуации коэволюции: самокритика этики успеха .....	68
• Вето на аксиологическую копиистику .....	68

• Медиаторный потенциал доктрины .....	69
4. <i>Этика успеха: доктрина родительного падежа</i> .....	70
• “Этика и успех” или “этика успеха”? .....	70
• “Родительный падеж”: запреты и повеления .....	70
• “Родительный падеж”: этическая безопасность идеи успеха .....	73
5. <i>Основные идеи доктрины</i>	
5.1. <i>Феномен успешной деятельности:</i>	
<i>человек, который успел состояться</i> .....	73
• Штрихи к образу человека успеха: западная, советская, постсоветская, общечеловеческая версии.....	74
• У состоявшегося человека есть своя модель переживания успеха .....	81
• Жизненный успех: возможно ли “главное содержание”? .....	86
• Симметрия и асимметрия делового и профессионального успеха .....	88
• Профессиональный успех как универсальный мотив самоидентификации мобильной личности .....	91
• Удачливым ты можешь и не быть. Успешным быть - обязан .....	93
• Успешность не сводится только к эффективности и результативности .....	95
• Деньги. Статус. Слава .....	97
• Шкала и номинации успеха .....	101
• Кредо и кодекс человека успеха .....	102
5.2. <i>Не-алиби в этике успеха</i> .....	104
• Успех как смысл и значение, долг и ответственность (моральная метафизика успеха) .....	104
• Успех как вдохновляющая цель жизни (моральная телеология успеха) .....	108
• "Я емь, потому что я свершаю": этическая праксиология успеха .....	111
• Моральная технология успеха Дейла Карнеги .....	116
• Моральный риск ориентации на успех: выход за пределы конформизма и неконформизма возможен .....	118
• Само по себе проклинание “Его Сучьего Величества Успеха” является подходом поверхностным. Плодотворнее - понимание природы моральной конфликтности идеи успеха .....	120
5.3. <i>Как возможны добродетели успеха?</i> .....	123
• Три отрицательных ответа .....	123
• От “этики характера” к “этике личности”.	
Произошло ли нечто аналогичное в духовной истории России? .....	124

• Ригористические и реалистические представления о “подлинной” морали .....	127
• Партнерство и “скромная этика контракта” .....	129
• Добродетели “упакованы” в ингибиторных нормах и правилах честной игры .....	130
<i>5.4. Успешность совместима с достоинством.</i>	
<i>Достоинство может быть успешным .....</i>	131
• Первый и Последний: знание и/или достоинство?.....	131
• Можно ли не допустить, чтобы Первый вырос циником, а Последний - неудачником? .....	133
• В Америке в обществе ценится успех, в школе - достоинство. В нашей стране школа настраивает на успех, не думая о достоинстве .....	134
• Неравенство в успехе, но равенство в достоинстве .....	136
<i>5.5. Моральная свобода уклонения от ориентации на успех .....</i>	137
• Гордость, гордыня, показная скромность .....	137
• Толерантность к альтернативным ценности успеха ориентациям .....	138
<i>5.6. Кому служит доктрина этики успеха .....</i>	140
• Восприятие доктрины: кто же пользователи? .....	140
• Так кому же служит доктрина? .....	143
• Не довлеет ли демонизируемый образ успеха в сознании части наших интеллектуалов? .....	144
• Общество может и должно направить энергетику неудачи в конструктивное русло .....	146

*Часть третья*  
**РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ЭТИКИ УСПЕХА:  
ВОЗМОЖНА ЛИ ЭТИКА УСПЕХА  
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?**

• Вопросы, которые мы выбираем .....	148
• Модернизация в России: говорят ли факты сами за себя? .....	149
• Является ли ориентация на успех источником “моральной порчи народа”? .....	149
• Четыре причины “неофобии” .....	150
• Поддается ли Россия цивилизационной атрибуции? .....	152
• Опыт АТР .....	153



• Трудности самоидентификации с цивилизацией достижений преодолимы .....	153
• Идея успеха органична для родины Ивана-дурака .....	155
• "Дурак" - герой интернациональный .....	157
• "Модели успеха" - еще не этика успеха .....	160
• Жестокий опыт успеха "по-советски": не совсем уж "утраченное время" .....	160
• О формуле "русской мечты" .....	162
• Неотвратимо ли "бремя наследственности"? .....	164
• Перестройка: сломлена ли "гравитация псевдоморфоза"? .....	165
• Реальные шансы этики успеха: динамизирующая роль целерационального типа действия и индивидуализма .....	166
• Вариабельность национальных моделей этики успеха .....	168
• Аксиологический маятник: драма "дурной бесконечности" .....	169
• Кто виноват? .....	171
• Этика успеха и российская ментальность: "рандеву" наконец состоялось .....	171
• Рандеву - акт творческий .....	173

*Часть четвертая*  
**ЦЕННОСТИ ЭТИКИ УСПЕХА**  
**В КОНТЕКСТЕ XXI ВЕКА**

• Этический консилиум эпохи .....	175
• Дорогой этики успеха. Иной не дано .....	175
• Современная цивилизация: моральный кризис .....	176
• Современная цивилизация: пути морального обновления .....	178
• Нравы постсовременности – исторические пределы этики успеха? .....	180
• В поисках морального баланса .....	181
• Антиэтика успеха .....	182
• Пострациональная мораль: новые роли этики успеха .....	183
• России предстоит завершить «Спор о "древних" и "новых"» .....	185
• Возрождаясь, не возвращаться в прошлое, а идти вперед! .....	187
<i>Приложение.</i> Содержание 1- 9 выпусков “Этики успеха” .....	189

## **CONTENTS**

### *Preliminary notes for the project* **WITHOUT THE IDEA OF SUCCESS** **THE RUSSIAN NATIONAL IDEA IS DOOMED TO BE** **FEEBLE**

- The competition for the national idea: is it the power's instinct of self-preservation through "state-order"; or the manifestation of authentic inquiry of the developing civil society; or the product of the partially controlled coevolution of state and society? ..... 16
- The doctrine of the ethics of success may become and is ready to become an object of the public expertise in terms of the competitive procedure ..... 18
- The special notes ..... 19
- Project "The Russian idea of success: humanitarian expertise", stages of its realization ..... 19

### *The First Part* **SEARCH OF THE NATIONAL IDEA:** **ANALYSIS OF THE PROBLEM SITUATION**

- 1. Discourse about the national idea: the dispute in the habitual terms of "ideophilia - ideophobia" is vulnerable* ..... 21
  - Skeptic seems to be right warning of the new "state ideology" danger. However the national idea concerns the culturology but not ideology, isn't it? ..... 21
  - To take Russia for granted is possible and necessary, but the national idea can't originate at once: the theoretic conceptions must be developed before ..... 24
- 2. Mosaic of value foundations of the national ideas of the society in transitional period as a result of "the new compromise" and innovating synthesis* ..... 29

- “Minimum program”: the culture of compromise is entirely adequate to the situation of conflict of the national idea’s versions ..... 29
- “Maximum program”: the culture of compromise is the creative tool of axiological synthesis ..... 31
- Coevolution and convergence of the elements of different versions of the national idea can be made on the base of traditional and modern culture synthesis ..... 35
- 3. “Moral interregnum”: systematics organized around the idea of success ..... 40
- Which diagnosis is more accurate: “value vacuum”, “moral chaos”, “moral-psychological indetermination”? ..... 40
- The elements of the idea of success are actively manifested in the discourse about the national idea ..... 41
- Understanding criticism of the success idea: unconformity of ideal and reality ..... 43
- “Anti-successful” models - is it the product of the intentional “depriving of purport” of the success idea? ..... 46
- “Eurasian model of the success ethics” - is it neo-conservative version? ..... 47
- “Different”? Is it mean opened for convergence? ..... 51
- 4. Existence in dialog: civil parliament as possible technology of expertise and consulting of the national idea projects ..... 55

*The Second Part*

**DOCTRINE OF THE ETHICS OF SUCCESS:  
AUDACIOUS AMBITIONS AND SOME FOUNDATIONS**

- 1. Apology ..... 57
- 2. Moral enthusiasm of the doctrine ..... 60
- 3. Preliminary attribution of the success ethics ..... 61
- Ethoses as moral conventions about Credo and Codes (about “rules of the game”) ..... 61
- “The ethics of success” is not a metaphor, it is a conception of the applied ethics ..... 63
- The ethics of success - is it Utopia or due? ..... 63
- The systems of norms and values in the situation of coevolution: a long way to the achievement civilization ..... 64

• The systems of norms and values in the situation of coevolution: advent of the achievement civilization .....	65
• The systems of norms and values in the situation of coevolution: the “unnatural” moral is natural .....	66
• The systems of norms and values in the situation of coevolution: the destiny of the natural moral (new roles) .....	67
• The systems of norms and values in the situation of coevolution: self-criticism of the success ethics .....	68
• Veto on the axiological copying .....	68
• The mediaterial potential of the doctrine .....	69
4. <i>The ethics of success: doctrine of the genitive case</i> .....	70
• “Ethics and success” or “the ethics of success”? .....	70
• “The genitive case”: prohibitions and imperatives .....	70
• “The genitive case”: the moral safety of the idea of success .....	73
5. <i>The principal statements of the doctrine</i>	
5.1. <i>The phenomenon of successful activity: a man who has had time to fulfil himself</i> .....	73
• Peculiarities of the image of man of success: western, soviet, post-soviet, general versions .....	74
• Self-fulfilled man has the own model of living through success .....	81
• Success in life: is “main contents” possible? .....	86
• Symmetry and asymmetry of business success and professional success .....	88
• Professional success as universal self-identification motive of the mobile personality .....	91
• You may be out of luck, but you must be successful .....	93
• Successfulness is more than just efficiency and productivity .....	95
• Money. Status. Fame .....	97
• The scale and nominations of success .....	101
• Credo and code of man of success .....	102
5.2. <i>Non-alibi in the ethics of success</i> .....	104
• Success as purport and meaning, duty and responsibility (the moral metaphysics of success) .....	104
• Success as inspiring aim of life (the moral teleology of success) .....	108
• “I am being because I am achieving”: the ethical praxiology of success .....	111
• The moral technology of success by D.Carnegie .....	116

• The orientation to success is moral venture: it is possible to go beyond the limits of conformism and nonconformism .....	118
• Only damning of His Bitch Majesty Success is superficial approach. To understand the nature of the moral conflicting of the idea of success is more fruitful .....	120
<i>5.3. How may the goodness of success be possible?</i> .....	123
• Three negative answers .....	123
• From “character ethics” to “personality ethics”. Did any analogous event happen in the spiritual history of Russia? .....	124
• The rigoristic and realistic ideas of the “true” moral .....	127
• Cooperation and “modest ethics of contract” .....	129
• Goodness is “packed” into the inhibitory norms and rules of the fair play .....	130
<i>5.4. Successfulness is compatible with dignity. Dignity can be successful</i> .....	131
• The First and The Last: learning and/or dignity? .....	131
• Is it possible to prevent The First from becoming a cynic and The Last from becoming a fail? .....	133
• In America success is valued by society, dignity - by school. In our country school motivates to success without thinking about dignity .....	134
• Inequality in success but equality in dignity .....	136
<i>5.5. The moral freedom to evade the orientation to success</i> .....	137
• Pride, self-assumption, demonstrative modesty .....	137
• Tolerance for the orientations alternative to the ethics of success .....	138
<i>5.6. Whom does the doctrine of the success ethics serve?</i> .....	140
• Perception of the doctrine: who are users? .....	140
• And whom does the doctrine of the success ethics serve? .....	143
• Does the demonic image of success predominate in the mind of the part of the our intellectuals? .....	144
• Society can and must direct the energy of failure to constructive way .....	146

*The Third Part*  
**THE RUSSIAN MODEL OF THE ETHICS OF SUCCESS:  
 IS THE ETHICS OF SUCCESS POSSIBLE  
 IN CONTEMPORARY RUSSIA**

- *The questions we choose* ..... 148
- *The modernization in Russia:  
do the facts say for themselves?* ..... 149
- *Is the orientation to success  
source of the “moral spoilage of people”?* ..... 149
- *Four reasons for “neophobia”* ..... 150
- *Can Russia be attributed to any civilization?* ..... 152
- *The experience of APA* ..... 153
- *The difficulties of self-identification  
with achievement civilization can be solved* ..... 153
- *The idea of success is natural  
for the motherland of Ivan the Fool* ..... 155
- *“The Fool” is international hero* ..... 157
- *“The models of success” are not yet the ethics of success* ..... 160
- *Hard experience of the Soviet model of success:  
it is not completely “wasted time”* ..... 160
- *About the formula of “the Russian dream”* ..... 162
- *Is “the burden of heredity” unavertible?* ..... 164
- *“Perestroika”: is “the gravitation of pseudomorphosis” broken?* ..... 165
- *The real chances for the ethics of success: moving role  
of the objective-rational action and individualism* ..... 166
- *Variability of the national models of the success ethics* ..... 168
- *Axiological pendulum: drama of “evil endlessness”* ..... 169
- *Who is in fault?* ..... 171
- *The ethics of success and the Russian mentality:  
“rendezvous” has happened at last* ..... 171
- *Rendezvous is the creative act* ..... 173

*The Fourth Part*  
**THE VALUES OF THE SUCCESS ETHICS  
 IN CONTEXT OF THE ÔÏI CENTURY**

- *The ethical diagnosis of the epoch* ..... 175

- *On the way of the success ethics.*  
*There is not another way* ..... 175
- *Contemporary civilization: the moral crisis* ..... 176
- *Contemporary civilization: the ways of moral renovation* ..... 178
- *Postmodern customs - are these the historical limits  
of the ethics of success?* ..... 180
- *In search of the moral balance* ..... 181
- *Anti-ethics of success* ..... 182
- *Post-rational moral: the new roles of the success ethics*..... 183
- *Russia is to complete  
«the dispute of “the ancient” and “the new”»* ..... 185
- *Reviving, go ahead but not return to past* ..... 187

*Appendix.*  
Contents of previous volumes 1 - 9 ..... 189

## *Предварительные замечания к проекту БЕЗ ИДЕИ УСПЕХА НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ ОБРЕЧЕНА НА БЕССИЛИЕ*

Многообразие предлагаемых сегодня идей, программ и проектов возрождения России, ее вхождения в постиндустриальную цивилизацию очевидно. Однако даже в тех из них, где явно прочитывается апелляция к личности, ее интересам и духовным силам, слабо артикулируется *идея успеха*. Речь идет об идее, для которой самоценен выбор ориентации на успех, значимо культивирование как стремления к достижениям - важнейшей жизненной установки, так и умения строить стратегию служения делу, ответственное подтверждение призвания успешными - по высоким моральным и деловым критериям - результатами и их оценка самим субъектом, группой, обществом.

С достаточной долей категоричности мы рискуем предположить, что без идеи успеха любой призыв к возрождению России может обернуться, вольно или невольно, лишь возвращением к непреодоленной еще архаике (с ее конфронтационным отношением к модернизации) или, в лучшем случае, бесперспективным топтанием на месте. Провал реформ неизбежен, если в представленных на своеобразный "конкурс" версиях *национальной идеи* будут и далее преобладать подозрительные относительно *идеи успеха* настроения и интенции, доминировать такие обращения к потенциалу личности, в которых ее стремление к нравственному совершенству едва лишь связаны, а то и даже буквально отчуждены от ее достижительных устремлений.

*Идея успеха* рассматривается нами как предмет мировоззренческой, морально-философской *доктрины*, своеобразной *практической философии* современности, способной - с высокой степенью вероятности - по мере реформирования страны превратиться из идеи для *творческого меньшинства* в участницу конкурса идей *общенационального, общедемократического масштаба*.

*Конкурс на выработку национальной идеи: инстинкт самосохранения власти через "госзаказ"; выражение аутентичного запроса становящегося гражданского общества; плод в определенном отношении управляемой коэволюции государства и общества?*

Вопросительный знак в этом заголовке фигурален и относится к риторическому вопросу - ибо мы заранее выбираем последний ответ.



Но в реальных дискуссиях доминируют ответы первого и второго типа. Такое доминирование неизбежно, если так и останется не проясненной разница между проблемой выработки *государственной идеологии* и формированием *общенациональной идеи*.

И действительно, размышления над возникшей после второго тура президентских выборов духовно-нравственной ситуацией показывали, что наиболее острым как был, так и по-прежнему остался вопрос о необходимости преодоления исторически сложившегося культурного раскола России (который отчасти нашел свое отражение и в процентном соотношении голосов "победителей" и "проигравших", а также в раскладе сил внутри блоков - в рутинных условиях давно ставших демократий такой раскол не послужил бы источником особого интереса).

Ситуация осени 1996 года внесла в этот вывод противоречивые дополнения. С одной стороны, проявилась точка зрения, согласно которой *сегодня* идеологическая проблематика в значительной мере утратила свою актуальность, уступая место технологическому конструированию оперативных и среднесрочных сценариев развития страны. С другой - полагались вполне серьезными основания говорить об уже открывшемся конкурсе идеологических доктрин, предлагаемых как для определенным образом обновленной команды "победителей" прошедших президентских выборов, так и для участников следующих президентских и депутатских выборов.

Зима 1996 - 1997 гг. показывает, что из этих двух позиции скорее подтвердилась вторая. Говоря же о предметном поле зафиксированного ею конкурса доктрин, и сегодня можно с достаточной уверенностью принять диагноз-прогноз тех экспертов, которые говорили о надвигающемся смещении центра противостояния с проблемы выбора общественно-политического *строя* реформируемой России на проблему выбора его культурных, *ценностных* оснований. Принять их тезис о сдвиге с *политизированной* линии "коммунисты - либералы" на *цивилизационную* линию "западники - патриоты". Этот сдвиг объясняется, по мнению упомянутых экспертов, в частности, тем обстоятельством, что при ожидаемом улучшении экономической ситуации должны обостриться противоречия "прозападно"- и "прорусски" ориентированных экономических (а значит, и политических) групп.

По мнению этих экспертов, весьма вероятно, что среди включившихся в гонку "мозговых центров" самым активным и даже агрессивным из идеологических проектов, которые, пусть и не всегда явно, заявлены на конкурс, окажется тот, что стремится *соединить* элементы либерализма и державного (авторитарного) патриотизма.

Правда, соединить не “на равных”, а с поддержкой "националистической подкладки" как для первой пропорции, так и для второй.

В свою очередь, мы предполагаем, что основной проблемой, поднятой до самого высокого государственного уровня, станет не просто самоопределение к двум стратегиям - (1) Россия на общем пути развития современной цивилизации или (2) Россия на особом пути, но либо (а) жесткий выбор между ними, либо (б) *создание весьма рискованной - методологически, психологически и т.д. - конвергентной и мозаичной конфигурации ценностей, природа которой во многом определится самой процедурой “конструирования”*.

*Доктрина этики успеха может и готова стать предметом публичной экспертизы в рамках конкурсной процедуры.*

Представляется, что в случае предпочтения последнего варианта прогнозируемый многосторонний риск самого замысла - “*синтезировать*” национальную идею из элементов, содержащихся в различных ее моделях - можно смягчить, если процесс “идеологической инженерии” предварить публичной экспертизой наличных рабочих гипотез. Роль необходимой для такого рода экспертизы модели, конкретной, контрастной, по сути своей неконфронтационной, способна, как мы полагаем, выполнить разрабатываемая Центром прикладной этики *доктрина этики успеха*. Более того, она вполне может попытаться выступить в качестве системообразующего элемента, ядра конвергентной национальной идеи.

Доктрина этики успеха возникла, формировалась и будет развиваться совсем независимо от “госзаказа” на национальную идею (так трудно отличаемого от столь беспокоящего общественность утопического заказа на “госидеологию”), от того, кем он будет выполняться в условиях одновременного проявления и остро скептического восприятия самого “заказа” и предлагаемых им темпов и методов, и рьяного принятия его “к исполнению”.

В процессе апологии и критики этой доктрины есть возможность прояснения действительности и мнимости противостояния нормативно-ценностных систем “либерализма” и “патриотизма”, с одной стороны, реальной меры поляризации “модернизационного” или “деградационного” диагнозов - с другой, а также подлинной или гипертрофированной альтернативности “общего” и “особенного” путей развития страны.

| *Особые замечания.*

Первое из них связано с принятыми нами безусловными самозапретами: (а) на этнонациональную версию понятия "национальная идея", (б) на такой "госстатус" искомой идеи, при котором национальная идея намеренно или нечаянно отождествляется с государственной идеологией с присущими последней моноидеологизмом и "внедренческим" экстремизмом.

Другие замечания не претендуют на безусловность.

Прежде всего речь идет о "нагруженных" отрицательными коннотациями понятиях "доктрина" и "амбиции". Мы рискнули их использовать, вполне понимая возможные упреки и в "доктринерстве", и в "амбициозности". Но ведь справедливость таких упреков применительно к докладу все же не априорная?

Далее. Полагая жанр нашего доклада научно-публицистическим, мы намеренно стремились к максимальному использованию материалов СМИ (вероятно, в ущерб научным публикациям, хотя и в СМИ мы отбирали чаще всего публикации исследовательского плана), несущих, как нам представляется, особую нагрузку, ибо публицистика имеет вполне значимое влияние на формирование как широко понимаемого экспертного сообщества, так и собственно общественного мнения.

Кроме того, обратим внимание на то обстоятельство, что на старте проекта (осень 1993-го) нам казалось (и мы так писали в декларациях-заявках), что главная задача России - преодолеть настроение *бегства от успеха*. Но сегодня наряду с этим, отнюдь не улетучившимся, настроением, столь характерным для "морального большинства", среди тех социальных групп, которые уже приняли для себя идею успеха, практически оформляется, может быть, еще более опасное явление - *бегство от этики успеха*. А может быть, и прямое *изгнание* этики успеха из сферы достижительской активности, во всяком случае - из активности предпринимательской, политической, административной.

| *Проект "Российская идея успеха: гуманитарная экспертиза", этапы его реализации.*

Проект предполагает консультативный опрос экспертов в два тура, отражающих своим алгоритмом известную закономерность этапов экспертизы, когда последующий тур предполагает работу с материалами предшествующего. Материалы экспертного опроса будут опубликованы в очередных выпусках журнала "Этика успеха" в 1997 году.

Своеобразным “полевым документом” для опроса и должен послужить данный доклад, намеренно оформленный в жанре рабочих гипотез. Именно гипотез, ибо национальная идея, на наш взгляд, не столько “вырабатывается”, сколько “обретается” - в процессе поиска. Поисковый тезаурус гипотез при этом - тезаурус прежде всего научного поиска, который не может быть подменен надеждами на одни только “откровения души” лидеров художественного сознания или житейские выводы здравого смысла.

*Еще одно замечание.* Мы достаточно отчетливо представляем как масштабы проблем, так и их многозначность и сложность, чтобы осознать всю безнадежность намерений обрести удовлетворительные ответы на них в пределах ограниченных знаний. Не сочувствия, снисхождения и милости мы ожидаем, а понимания того, что в один прием просто невозможно даже понять весь массив проблем. Какая-то его часть представляет далекую от скорого разрешения задачу общественности в целом, оказавшегося в ситуации “парадигмальной анархии”. Какую-то часть вопросов все же рискнем обсудить сейчас и в последующих работах, представляющих нашу доктрину. Рискнем, отдавая себе отчет в неполноте, предварительности и все еще невысокой инструментальности предлагаемых ответов.

В свою очередь, адресуя доктрину не только профессиональным экспертам, приглашаемым в проект, а более массовидному субъекту, мы стремимся к пониманию природы нашего современного читателя. И, может быть, нашей самоиронии, выраженной с помощью цитаты из книги Михаила Булгакова, будет достаточно, чтобы показать нулевые амбиции авторов доктрины в отношении слишком распространенного сегодня намерения “учить жить”? “...Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? - спросил Берлиоз. - Да, консультантом...”.

Непредписательная стратегия консультирования. Категорическое неприятие ролевого репертуара “пастыри” - “паства”. Принципиальная установка на диалогическое взаимодействие этической (и в целом гуманитарной) науки и практики нравственной жизни. Все эти установки создают непреложный кодекс проекта, в центре внимания которого рождение и развитие этики успеха в современной России.

*Часть первая*  
**ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ:  
АНАЛИЗ ПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИИ**

**1. Дискурс на тему национальной идеи:  
уязвимость спора, попавшего  
в привычные рамки “идеофилии - идеофобии”**

Намерение занять взвешенную позицию в ситуации острого столкновения стремлений, с одной стороны, противостоять "заказу" и, с другой - охотно выполнить его; предположение о неэффективности априорной формулировки проблемы; ориентация не на “выработку” идеи, а на ее *поиск и открытие*; трактовка доктрины этики успеха как одного из атрибутов искомой национальной идеи (если она будет удовлетворять ряду условий, сформулированных в предварительных замечаниях), - все это требует прежде всего анализа проблемной ситуации.

*Скептик скорее всего прав, предупреждая об опасности создания новой “госидеологии”. Но не относится ли национальная идея скорее к сфере культурологии, а не идеологии?*

Начнем с “идеофобической” (“скептическая” - еще слишком мягко сказано) позиции. Сам факт “госзаказа” (или “госнаказа”) и, особенно, способ его предъявления, не могут не вызвать вполне естественной настороженности или даже категорического отторжения, понятных всем, кто еще не забыл о характере государственной идеологии в ее тоталитарной версии.

Выразителям первой тенденции сомнение и отторжение присущи и в отношении правомерности “заказа”, его необходимости, и в отношении его реалистичности, и, особенно, с точки зрения его последствий. Показательны уже сами заголовки и подзаголовки соответствующих публикаций в СМИ. “Плач по идефиксу” - название статьи О.Спасова в ЛГ (28.08.96). “Выращивание алюминиевых огурцов” - статья О.Нехорошева в “Сегодня” (27.09.96). “До счастья без малого год. Может ли Россия прожить без общенациональной идеологии?” - статья Б.Орлова (ЛГ, 28.08.96). “Больше храмов, хороших и разных. К вопросу о фантоме общенациональной идеологии” - статья Е.Сагаловского в НГ (19.11.96). “Идеалы и правила. История России превращается в сеанс одновременной игры с

различными национальными идеями” - статья А.Андреева (НГ, 22.05.96) и т.д.

Что касается возможных негативных последствий скоротечного исполнения "заказа", показательно суждение Д.С.Лихачева, отметившего в одном из последних интервью, что общенациональная идея - это “не просто глупость, это крайне опасная глупость. ...Единомыслие - это искусственность. Естественно многомыслие, многоидейность” (Известия, 27.11.96.).

“...Ограничение сферы действия, если не полное забвение гражданского общества”, предвидит А.Загородников в статье “Национальная идея” или “идея нации” (НГ, 19.10.96). Александр Мелихов называет свою статью "Пугающие политические грезы" (ЛГ, 03.04.96). Автор пишет об обязательной рамке для определения интеллигенцией своей роли: "Сегодня интеллигенция может одно - не колыхать: масса "простых людей" на все раздражители мира может отвечать только фашизмом того или иного цвета - у нее просто нет возможности реагировать иным способом”.

“Позитивная” группа суждений тоже может быть представлена заголовками со страниц СМИ. Например: “Смысл национальной идеи. Необходим проект совместной жизни, обращенный в будущее” (В.Шаповалов в НГ от 23.08.96).

Содержательно “идеофилия” представлена в СМИ как утвердительными ответами на кажущийся ряду авторов уместным вопрос о необходимости государственной (национальной) идеологии, так и суждениями о неправомерности пренебрежения современными политиками и политологами в отношении телеологических и аксиологических проблем.

Так, Т.Соловей и В.Соловей<sup>1</sup> пытаются рационально трактовать прецедент “госзаказа” и объяснить мотивы инициирования поиска национальной идеи “сверху”. Авторы отмечают, что “сама по себе публичная постановка этой проблемы первым должностным лицом государства может быть расценена как начало возвращения государства в сферу идеологии”, и потому полагают вполне закономерным и такой вопрос: “какими обстоятельствами мотивированы обращение президента и необходимость государственного вмешательства в область идеологии?”.

Лишь на первый взгляд может показаться, что “заказ” президента отражает стремление “снять идейную биполярность

---

<sup>1</sup> Соловей Т., Соловей В. Нуждается ли Россия в идеологии? // НГ-сценарии. 1996, вып.6.

отечественного социума”, - полагают авторы. Дело в том, что, с их точки зрения, “гораздо более серьезную опасность для российского общества может представить актуализация социальных и социокультурных противоречий, достигших в наше время критических величин. Снятие этих противоречий и сплочение отечественного социума - задача идеологической доктрины, что заведомо предполагает ее общенациональный (интересы *всех россиян*), а не групповой (интересы “новых русских”, среднего класса и т.п.) характер”.

В этой связи авторы выдвигают тезис о том, что для современной России “именно идеология дает наиболее полный и развернутый ответ на общечеловеческий кризис”. В качестве основного аргумента служит положение о том, что “доминирование прагматизма, деидеологизация естественны и закономерны для стабильных обществ, но не для страны, как наша, находящейся в ситуации системного кризиса. В этом смысле фукуямовский “конец истории”, априори подразумевающий “конец идеологии”, должен переживать Запад, а не Россия”<sup>2</sup>.

Вполне созвучно и суждение Л.А.Аннинского о причинах “заказа” на национальную идею. “Вожди велят “выработать” идеологию тогда, когда назрело: там и сям растет черт знает что, меж тем как потребного не хватает... Почему у нас в России так болезненно стоит сейчас этот вопрос? Потому что распад нам действительно грозит. Я думаю, что это скорее угроза, чем реальность, но угроза реальная. Причина ее - недавняя катастрофическая смена идейных систем...”<sup>3</sup>.

В свою очередь, В.М.Межуев считает бедой современной отечественной политологии ее попытки постоянно делать “вид, что с целями все в порядке, что они очевидны и ясны”, а вся проблема заключается лишь “в отсутствии средств, соответствующих технологий, необходимых для их достижения”. В действительности главная причина кризиса и самой политики, и науки о ней состоит “в неясности, неопределенности тех целей, которые она ставит перед собой, и тех ценностей, которыми она руководствуется”<sup>4</sup>.

Соглашаясь с В.Межуевым в том, что “ценностями надо заниматься”, Л.Шевцова на том же заседании заметила удивительное обстоятельство: “прагматичные американцы тратят деньги и время на анализ ценностей и подвижек в идейной сфере, а мы полагаем, что

---

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Аннинский Л.А. От себя не спрятаться // Век. 1996, №37.

<sup>4</sup> Межуев В.М. Выступление на заседании Общественного Совета газеты “НГ-сценарии” // НГ-сценарии. 1996, вып. 6.

проблема ценностей и идеологии только для "кухни". По ее мнению все "технологические" сценарии, "не отражающие столкновение и борьбу ценностей, неизбежно повиснут в воздухе"<sup>5</sup>.

Итак, в дискурсе о национальной идее есть, казалось бы, все, что необходимо с точки зрения "надежд и угроз": и понимание рискованности для общества выполнения "планового задания" по "выработке" госидеологии, и попытка рационального обоснования позитивной роли идеологии в переходный период, и аргументация в пользу телеологических аспектов политологических сценариев... Остаются открытыми "лишь" два вопроса: (а) что делать со множеством идеологий и идей, которые уже заявили о своем существовании в современной России - ведь плюрализм и есть нормальное свойство их бытия даже в ситуации системного кризиса; (б) чем "компенсировать" идеологический плюрализм в ситуации обостренной потребности общества в самоидентификации, в потребности найти точки согласия без утраты расхождения в интересах?

Предпосылки своего ответа на эти вопросы мы вынесли в заголовок этой рубрики. Но только предпосылки.

*Понять Россию умом и можно, и необходимо, но национальная идея по скороспелому заказу не возникнет: опережать должно развитие теоретических концепций.*

В завершение по необходимости не полного обзора обратимся к четырем весьма точным диагнозам-прогнозам ситуации вокруг проблемы поиска национальной идеи, Речь пойдет о подходах, представленных в статьях Э.Баталова<sup>6</sup>, В.Никонова<sup>7</sup>, И.Пьянкова<sup>8</sup>, С.Митрофанова<sup>9</sup>.

Баталов Э. в своей статье подчеркивает, что известный призыв президента приступить к поиску национальной идеи не содержит

---

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Баталов Э. Чем заполним идейный вакуум? // Свободная мысль. 1996, № 11.

<sup>7</sup> Никонов В. Пугающий успех. Национальная идея не может быть национальной // Век. 1996, №38.

<sup>8</sup> Пьянков И. Позволят ли умом понять Россию? Почвенность и беспочвенность поисков новой "русской идеи" // Независимая газета. 1996, 27 декабря.

<sup>9</sup> Митрофанов С. Нужна ли нам русская идея? Идет конкурс на невразумительные формулы // Независимая газета. 1996, 18 октября.



четкого разграничения национальной идеи и некоей национальной идеологии, что отражает представления и настроения широкого круга интеллектуалов и политиков. “Люди испытывают ностальгию по идеологии. Не по марксизму-ленинизму конкретно, а по идеологии как фактору Стабильности и Порядка, полагая, что может существовать какая-то “прогрессивная”, “демократическая” или иная передовая идеология, которая, будучи взята на вооружение государством и внедрена в общественное сознание, приведет к искомым результатам”. Однако, подчеркивает Э.Баталов, один из истоков подобных заблуждений содержится в отождествлении идеологии с национальной идеей или национальным идеалом.

Никонов В. рассматривает три основные национальные идеи, которые знала истории России: (1) “Москва - третий Рим”, (2) “самодержавие, православие, народность” и (3) коммунистическая идея, и делает вывод о том, что не только все эти идеи для современности “в основном мертвы”, но и вообще “поиски новой национальной идеи в прежних идеологических измерениях либо бесперспективны, либо опасны”, опасны прежде всего “пугающим успехом” этнической версии национальной идеи. Кроме необходимости учета такой опасности в процессе поиска национальной идеи, автор подчеркивает, что *наполнение* национальной идеи и “тем более, отчуживание ее в простой и доступной формуле”, становление такой идеи “как органичной большинству россиян” представляет собой “дело исключительной сложности”.

Отметим в качестве косвенного комментария, что забегать вперед и предлагать лапидарные формулы до того, как созданы концепции, не просто неразумно, но и слишком рискованно. Во-первых, уже заметна тенденция, когда “если и идет конкуренция, то отнюдь не между теми или иными грамотными, исторически и философски проработанными системами, а, скорее, между ... слоганами. Конкуренция не вин, а мехов...”<sup>10</sup>. Во-вторых, весьма справедливо в этой связи и замечание Л.А.Аннинского в упомянутом выше интервью “Веку”. В ответ на вопрос корреспондента о том, не думал ли Л.А.Аннинский о девизе, который бы подошел современной России (ведь государственные идеологии, как правило, оформлены в краткие девизы: “Американская мечта”, “Мой дом - моя крепость”, “Вперед, Италия” и т.п.), - автор отвечает: “угадать, какие слова встанут у нас в строку завтра, невозможно. Сочинять их специально -

---

<sup>10</sup> Митрофанов С. Нужна ли нам русская идея? Идет конкурс на невразумительные формулы.

для этого надо обладать интуицией Сергея Владимировича Михалкова”. В то же время, по мнению автора, можно попробовать “представить себе то “поле”, которое должно быть покрыто этой формулой”.

Пьянков И. в своей статье стремится рассмотреть Россию как объект управления и в соответствии с теорией менеджмента выделяет несколько постулатов. Среди них: управление требует формулировки осознанных целей и шкалы приоритетов, которые и являются своеобразной идеологией. В свою очередь, “эта идеология должна быть идеологией успеха”. По мнению автора, президент прав в своем “заказе”: России нужна новая созидательная, активную часть народа под свои знамена собирающая национальная идея... Сегодня России навязана идеология широко известного содержания: “Остров невезения в океане есть...” С такой идеологией о возрождении не стоит и думать”.

Фиксируя, что “пока для российской идеи, к сожалению, есть только дрожжи былых исканий да робкие попытки ряда ученых набросать ее абрис”, автор обращает внимание на то, что в свое время - в 70-х годах - американцы, почувствовав свое отставание на фоне того вызова, который шел от Японии, мобилизовали на модернизацию “Американской мечты” своих обществоведов. “Наши же идейные искания пока по большей части сведены к изложенным на страницах газет движениям души художников, писателей и актеров”. Правда, завершает автор свои размышления пессимистическим прогнозом по поводу вопроса, вынесенного им в заголовок статьи.

Кстати, о самом понятии *поиск* применительно к национальной идее. Это понятие - вольно-невольно - нередко воспринимается как элементарное, ибо не выделяется смысл *научного поиска*. Поэтому, во-первых, надо взвешенно отнестись к позиции, согласно которой собственно “искать” не надо: все уже имеется. Имеется, например, в здравом смысле народа - поэтому слово “найдите” в “заказе” президента Лев Тимофеев считает неуместным: “нужды нет искать то, что у всех на виду”. Автор подчеркивает, что “идеология всегда присутствует в жизни человека, если под этим словом мы имеем в виду не мертвую доктрину, но свод идей, которыми мы руководствуемся в своей повседневной жизни”. Поэтому, по мнению автора, “идеология - вот она, у всех на виду, - и даже имя ее всем известно: это идеология здравого смысла”<sup>11</sup>.

---

<sup>11</sup> Тимофеев Л. Наивная формула победы. Здравый смысл как национальная идеология // Известия. 1996, №147.

Другая версия - национальная идея уже есть в творениях великих деятелей русской культуры. “Вы ищете единую национальную идею? - спрашивает Владимир Толстой. – Внимательному читателю ее не так трудно отыскать у Льва Толстого и Федора Достоевского, у Ивана Бунина и Ивана Ильина... Ее, право же, нужно искать в великой русской национальной культуре, а не на политической помойке”<sup>12</sup>. Про эффект поиска на “политической помойке” - спору нет. Про предпосылки, содержащиеся в русской культуре - тоже. Однако, на наш взгляд, точнее, в цитированной выше статье, высказался И.Пьянков - сегодня мы имеем скорее “только дрожжи былых исканий”.

Во-вторых, “поиск” - не случайное понятие, но в определенном смысле альтернативное. Альтернативное “инженерному” и даже “проектному” подходу, во всяком случае - прекритическому экстремизму. “Выращивание” - более точный смысл, связанный с процессом поиска национальной идеи. Или - “обретение”. “Проблему можно было бы сформулировать так: очень резко обострилась потребность в обретении нового мировоззрения. “Я думаю, - пишет Г.Э.Бурбулис, - что в этом случае будет уместен термин “обретение”, а не “создание”. “Создание” - как бы претензия на некий сознательно конструируемый и реализуемый проект изменения действительности, а “обретение” означает что объект нашего поиска уже обладает существованием, и задача состоит в том, чтобы прояснить его. Для меня это классическая задача, смыслы не выдумываются, в них вслушиваются. И мировоззрение не привносится в общество, а вырабатывается с учетом базовых оснований жизнедеятельности”<sup>13</sup>.

Автор *четвертой* из выделенных нами в качестве примечательных диагнозов-прогнозов статьи - С.Митрофанов не ограничивается во многом реально отражающим ситуацию подзаголовком и проблематизирует ее следующим образом. “Нужна ли нам идеология (есть версия, что нужно строить как раз не идеологическое общество, а правовое), если нужна, то вытекает ли она из культурной традиции, создается ли идеология авторами и по президентскому высочайшему повелению, или авторы всего лишь угадывают, вербализуют то, что разлито в народной толще? Я

---

<sup>12</sup> Владимир Толстой. Не надо искать национальную идею. Праправнук Льва Толстого советует Борису Ельцину перечитать русскую классику // Независимая газета. 1996, 19 сентября.

<sup>13</sup> Бурбулис Г.Э. Культура целеполагания в российской стратегии модернизации // Этика успеха. 1994, вып.2, с.10.

подозреваю, что однозначных ответов нет и быть не может. Идеологии создаются, и они угадываются, их заказывают монархи и они действуют неявно в виде народных традиций и мифов, их императив диктуют исторические угрозы, и этот императив может вполне уловить грамотный правитель и даже выразить в Указе, как бы над этим Указом академики ни смеялись. В любом случае все эти искусственно созданные, уловленные и неявно присутствующие идеологические версии сталкиваются и где-то там суммируются во что-то уже по-настоящему инвариантное”.

С нашей точки зрения, эта продуктивная проблематизация все же не исключает достаточно определенных ответов. Речь может идти, полагаем мы, не просто об одновременном сосуществовании таких процессов, как “выработка” идей по инициативе государства и их созревание в недрах культурной традиции общества, но именно о *коэволюционности* этих процессов - во-первых, при необходимой и оправданной *“намеренности”* государства относительно процесса становления гражданского общества - во-вторых<sup>14</sup>.

Выдвигая такого рода *гипотезу, основываясь на доктрине этики успеха*, мы не можем не ввести ряд ограничений. К ограничениям условным относится, например, требующая обстоятельных доказательств установка на то, что доктрина этики успеха связана с поисками национальной идеи - этому посвящены последующие части доклада. К безусловным ограничениям относятся уже названные в предварительных замечаниях запреты на этнонациональную версию понятия “национальная идея”, на статус государственной идеологии для искомой идеи и связанные с ним моноидеологизм и установку на “внедрение”.

Далее. Мы рассматриваем ситуацию с “заказом” на национальную идею скорее как стимул и повод для активизации подготовительного теоретического процесса, интеллектуального поиска в сфере современного мира ценностей. Мало осознать, что национальная идея (и тем более идеология) по скороспелому “заказу” не “возникнет”, не “выработается”, и что их появление на свет под влиянием государственной “намеренности”, описываемое с помощью таких терминов, как “проращение”, “проявление”, “оформление” и т.п., является *майевтической* деятельностью. Сегодня опережающими относительно и “намеренности”, и “майевтики” должно быть развитие

---

<sup>14</sup> См., например: Будь лицом: ценности гражданского общества // Под ред. В.И.Бакштановского, Ю.В.Согомонова, В.А.Чурилова. Т. 1, 2. - Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1993.

теоретических концепций. И именно на такое опережение ориентируется доктрина этики успеха.

И еще. Фиксируя ситуацию обнаружившегося противостояния "идеофилии" - "идеофобии", полагаем важнее всего последующий анализ *диалогических* устремлений участников дискуссии, а особенно - тех подходов, которые демонстрируют не просто потенциал идеологического плюрализма, но и определенные синтетические предложения для своеобразной "мозаики" идей, форма которой, как нам представляется, более всего подходит для выращивания национальной идеи.

## ***2. Мозаичность ценностных оснований национальных идей общества переходного периода как результат "нового компромисса" и инновационного синтеза***

Обращаясь к участникам экспертного опроса за консультацией по поводу смысла самого понятия "национальная идея", пользуясь сегодня скорее метафорическим его истолкованием, мы должны перейти к обсуждению вопроса о взаимодействии моделей национальной идеи России, сосредоточившись при этом на анализе *ценностных оснований* имеющихся моделей и проблеме компромиссного согласования этих оснований по критериям гибридности, конвергентности, синтеза.

*"Программа-минимум": культура компромисса  
вполне адекватна ситуации конфликта версий  
национальной идеи.*

Продолжая аналитический обзор суждений по поводу национальной идеи, отметим, что проявившиеся подходы, акцентирующие возможность и необходимость синтеза идеалов и ценностей в процессе формирования искомой национальной идеи, опираются на известные предпосылки.

"Программа-минимум" для конкурса моделей национальной идеи заключается в том, что практикуемая сегодня, хотя бы на уровне намерений, установка на неконфронтационность в политической сфере была трансформирована и в сферу идейного конфликта, чтобы и в этой сфере была воспринята *культура компромисса*.

Общество в целом (или государственная власть) не может принять решение в пользу одной из моделей национальной идеи таким образом, чтобы отвергнуть и тем самым как бы "отменить" другие. Необходимым условием неконфронтационного сосуществова-

ния идей выступает в этой ситуации принцип *толерантности*. Скорее, *должно* выступать, ибо это далеко не элементарное для отечественного сознания и практики понятие. Наиболее “легкая”, как бы “минимальная” версия его смысла - культура *терпеливого* сосуществования с “другими”, в “инакости” которых не акцентируется объективный конфликт *интересов*.

Более рациональная интерпретация данного понятия предполагает *рациональный* подход к ситуации, когда конфликт понимается не только с точки зрения нормы *пассивно-терпеливого* сосуществования, а толерантность рождается предоставлением каждому “иному” какой-то “доли чего-то или шанса на что-то”. В другом случае толерантность оборачивается не трансформацией ценностей, а их аннигиляцией, то есть аномией, терпимостью к аморализму<sup>15</sup>.

В практической сфере столкновения ценностей, стоящих за той или иной версией национальной идеи, уместной представляется логика “нового компромисса”, претендующая на избавление общественной практики от норм “игры с нулевой суммой” и, напротив, обеспечивающая “игру” по нормам компромисса, не требующего победы одной ценности за счет поражения другой. Выделим в этой связи рассуждение В.Шляпентоха<sup>16</sup> о новом компромиссе ценностей. Автор отмечает, что многие современные события - в бывшем Союзе и странах Восточной Европы, в Югославии, в современной Америке - заставили его вернуться к постулату, согласно которому в мире нет абсолютных ценностей, конфликты между ценностями являются сутью нашей жизни, а так как принятие важных решений почти всегда означает выбор одной ценности за счет попрания другой, то, “соглашаясь рассматривать в каждом отдельном случае данную ценность в качестве главной, мы что-то должны приносить ей в жертву” (с.152). В.Шляпентох отмечает специально роль Верховного суда США в законодательном закреплении действующего в данной временной ситуации компромисса между разными ценностями, механизм которого квалифицируется автором как “ограничения, налагаемые на абсолютные ценности, вовлеченные в конфликт”. Характеристика автором некоторых казусов в сфере нового компромисса ценностей актуализирована схожестью ситуаций с Россией. Так, например, он

---

<sup>15</sup> Федотова В. Между “святым” и “звериным”. Толерантность в посткоммунистических обществах // Независимая газета. 1996, 19 ноября.

<sup>16</sup> Шляпентох В. Ценности в посткоммунистическом мире // Время и Мы. Москва - Нью-Йорк. 1994, №124.

говорит, что казавшаяся несколько лет назад почти абсолютной такая ценность, как "право наций на самоопределение", сегодня, после горького опыта советских республик и Югославии, не кажется уже таковой.

“Программа-максимум”: культура компромисса -  
эвристический инструмент аксиологического  
синтеза.

Возвращаясь к рациональной версии понятия толерантности, акцентирующей и право, и возможность для каждого иметь в диалогическом бытии свой шанс, мы переходим к более перспективному пониманию ситуации конкурса национальных идей. Речь идет о том, что, как мы полагаем, культура компромисса не только адекватна ситуации конфликта версий национальной идеи, но еще и продуктивна в качестве средства для самого трудного из синтезов - аксиологического.

Аксиологический синтез - преодоление односторонности, а не “снятие”. Преодоление, которое сохраняет различные ценности в рамках новой конфигурации на основе взаимной дополнительности (комплементарности) и компромисса. Речь идет о синтезе, у которого могут быть и *слабая*, и *сильная* версии. Обратим в этой связи внимание на то, что, трактуя вопросы экуменизма, Ю.А.Шрейдер отмечает слабую версию единства - как равноприемлемого для всех христиан учения путем усреднения и компромисса, как объединяющего синтеза или доминирования лучшего, передового, прогрессивного. В то же время автор выделяет принцип нераздельности и неслиянности как сильную версию единства: “...полнокровные горизонтальные связи обеспечиваются лишь движением по вертикали, ибо усваивать духовное богатство в разнообразии исторических и культурных форм способна лишь духовно развитая личность”<sup>17</sup>.

В работах А.С.Ахизера, в том числе опубликованных и в журнале "Этика успеха", показана актуальность исследования меры сочетания *инверсии и медиации* относительно такой формы существования массовых нравственных идеалов, как *дуальная оппозиция* (соборный идеал - авторитарный идеал; вечевой - либеральный идеал и т.д.). Автор отслеживает смену *инверсионных* циклов в отношениях конфликтующих идеалов (“быстрое, логически моментальное переосмысление смысла любого явления, отождествляемого с одним полюсом, на смысл, возникающий при

<sup>17</sup> Вопросы философии. 1991, №5, с.94.

отождествлении с другим”) циклами *медиативными*, в которых осуществляется попытка выхода за рамки исторически сложившихся дуальных оппозиций, за рамки сложившейся культуры (“медиация нацелена на формирование нового результата, элемента культуры, включающего синтез потенциалов каждого из полюсов, но превосходящего ограниченность каждого из них и обоих вместе”)<sup>18</sup>. Свой прогноз современного периода развития России (с 1991 года) А.С.Ахиезер связывает с анализом возможности нарастания потенциала не инверсии, а именно *медиации*, которая, “по крайней мере, в тенденции, порождает накопление творческих инноваций, прогресс, оттесняющий ранее сложившиеся циклы, выдвигая нравственные оппозиции, например, содержащие либеральный полюс” (с. 152-153).

Характеризуя различные типы идеалов в Российской истории (синкретический-традиционный-вечевой, авторитарный, либеральный, утилитарный), А.С.Ахиезер в другой своей работе<sup>19</sup> подчеркивает, во-первых, слабость либерального идеала с его достижительным характером (этот идеал, в частности, включает “способность подчинять все формы организационных отношений достижению все более высокой эффективности в усложняющемся, динамичном мире”), с трактовкой развития и эффективности как высшей ценности, слабость - в отличие от вечевого идеала, - связанную с ограниченностью почвенных сил либерализма в России, с отсутствием в обществе “необходимой для господства либерализма критической массы людей, живущих на основе соответствующих ценностей” (с. 221-222).

Особое место автор уделяет утилитарной нравственности, рассматриваемой им в качестве переходной формы от идеалов традиционных к либеральным, в качестве амбивалентной формы, которая сама в себе несла разрушение традиционного идеала и предвестие идеала либерального. “Утилитаризм широко известен в истории человечества и истории мысли. В России он формировался с большим трудом, складываясь в двух основных формах. Он возник еще в древности в процессе распада синкретизма, выделившись как результат развития взгляда на мир как на бесконечный набор реальных и потенциальных средств. В этом важное отличие утилитаризма от вечевого идеала, который не вычленяет средства из синкретического

---

<sup>18</sup> Ахиезер А.С. Достижительный характер либерального идеала: прогноз тенденций // Этика успеха. 1994, вып.3.

<sup>19</sup> Ахиезер А.С. Динамика нравственности как основа прогноза // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. - М., 1994.



целого, не отчленяет их ни от условий, ни от целей деятельности. Утилитаризм совпадает с либерализмом в оценке средств, но они принципиально расходятся в отношении к целям. Либеральный идеал превращает сами цели в подлежащую разрешению проблему, тогда как утилитаризм следует некритически воспринимаемым сложившимся целям. Утилитаризм возникает как умеренный, для которого характерно отсутствие осознанной связи между трудом и его результатами (что влечет неспособность превращать эту связь в подлежащую разрешению проблему). В умеренном утилитаризме преобладает стремление приобретать готовые блага, начиная с собирательства до социального иждивенчества как в локальном сообществе, так и в большом обществе, в современном государстве. Развитый утилитаризм характеризуется способностью подчинять труд, деятельность, отношения получению эффективного результата. Его можно рассматривать как отдаленного предшественника либерализма. Утилитаризм был исторически нацелен на приспособление к традиционному идеалу, но одновременно нес угрозу его разрушения" (с. 222).

Плодотворен вывод А.Ахиезера об особом типе *гибридных* идеалов. Автор полагает, что в современной России с ее сложным историческим путем потребность в таких идеалах "возникает в результате глубокого культурного и социального раскола, характеризующего общество. Этот раскол приводил и приводит к тому, что новые сложные проблемы вынуждены решать вместе разные слои, следующие различным, возможно, противоположным системам нравственности" (с. 222-223).

Вероятно, в таких идеалах заложена идеологическая (морально-психологическая) хитрость. Автор подчеркивает, что "эти гибридные идеалы, несмотря на весь привкус искусственности, неорганичности, который несет в себе даже само слово "гибридность", выполняют необходимую социальную функцию - они являются одной из форм попытки общества объединить людей, разделенных разными, возможно, противоположными, ценностями, таким образом, чтобы они не знали, не подозревали об этих различиях, принимали их за несущественные, малозначимые" (с. 223).

Демонстрируя исторический механизм этой "хитрости", А.С.Ахиезер характеризует масштабную попытку большевиков - их "официальная идеология была нацелена на отождествление массового, тяготеющего к синкретизму сознания с элементами расчлененного, глубоко рефлексированного мышления, делалась попытка отождествить народную правду и истину науки. При этом достижения науки

использовались для попыток имитировать синкретизм, формировать систему псевдосинкретизма" (там же).

Механизм гибридизации идеалов вполне актуален. "Современные политические партии, пытаясь усилить свое влияние на разные группы, также, стихийно или осознанно, формируют гибридные идеалы. Это означает включение в их арсенал несовместимых между собой, но приемлемых для разных групп идей; абстрактность принципов, допускающих различную, даже противоположную, интерпретацию; а затем работу, обосновывающую тождество этих различий (например, миролюбие, равенство прав народов и одновременно - стремление к присоединению новых территорий), попытки "доказать", что это одна и та же идея" (с.223).

Представляется, что это последнее наблюдение А.С.Ахиезера должно быть проанализировано так, чтобы выделить и разделить в данном механизме элементы того, что прикладная этика считает конкретизацией ценностей - об этом пойдет речь во второй части нашего доклада - (соответственно, морально оправданный консенсологический потенциал "гибридизации"), и собственно манипуляторскую "хитрость".

Важно и прогностическое предположение автора, который в другой своей работе "Возможность прогноза социокультурной динамики России", опубликованной в указанном сборнике, настойчиво подчеркивает "возрастание значимости гибридного идеала, сочетающего архаичное иждивенчество с ростом индивидуализма, который в массе своей не поднялся до активного, творческого отношения к поиску новых, более эффективных форм труда, деятельности, требующих активного отношения к сложившимся отношениям. Но именно этому противостоит приверженность к сложившимся формам культурной практики как источнику благ. Способность людей жить, принимать решения в условиях расколотой дуальной оппозиции вечного коллективизма и атомизированного индивидуализма представляет собой узловую проблему дальнейшей социокультурной динамики" (с. 293-294).

Прогнозируя конфликт идеала развитого утилитаризма с "умеренным", автор подчеркивает и его конфликт с традиционным преклонением перед сложившимися отношениями людей, неизбежный при попытках подчинить эти отношения представлениям об эффективности. "Так как в обществе слабы юридические традиции, процедуры замены одних отношений другими, эта деятельность достаточно часто выходит за рамки форм, нравственно приемлемых для общества, т.е. приобретает криминальный характер" (там же).

По мнению автора, "важным предметом прогнозирования является возможность формирования идеологических форм нового синтеза, учитывающих имевшие место сдвиги в массовом сознании, соответствующий этому синтезу прогноз политической власти, а также приемлемую для этого синтеза меру допустимости рыночных отношений" (там же).

Итак, имеются известные методологические предпосылки для исследования ситуации конфликта версий национальных идей. Естественно перейти к анализу реальных прецедентов, конкретных "заделов" в этом духе.

*Козволюция и конвергенция элементов различных версий национальной идеи возможны на основе синтеза традиционной и модернистской культуры.*

Переходя к конкретным попыткам поиска новых компромиссов и инновационных синтезов в дискурсе о национальной идее, обратимся к "анализу случая" - к материалам шестого выпуска "НГ-сценариев".

Примечателен с точки зрения нашей темы диагностический тезис В.Межуева. Фиксируя ситуацию, в которой "одни взывают к рынку и частной собственности, усматривая в них ключ к решению всех проблем, другие - к патриотическим чувствам и национально-государственным интересам", автор обращает внимание на то, что "каждый смотрит на другого как на смертельного врага и противника", при этом фактически "не понимая, что ставит общество перед ложной дилеммой, фальшивой альтернативой, обрекает людей на заведомо ошибочный выбор, не имеющий никакой исторической перспективы".

Суть ложной дилеммы автор видит в том, что "первые трактуют демократию как антинациональную и антигосударственную идею, вторые изображают национальную идею как антидемократическую. Одни ратуют за свободу частного лица от государства, даже если эта свобода реализуется в ущерб государственным интересам России, другие во имя этих интересов готовы пренебречь правами и свободами отдельного человека". И мало того, что "оба эти пути ведут в тупик", дело еще и в том, подчеркивает автор, что "оппозиция одних другим - мнимая", ибо "наши либералы в своей ненависти к патриотам... - мнимые демократы, а наши патриоты в своем неприятии демократии - мнимые защитники национального интереса".

Что касается конструктивных рассуждений, то, по мнению автора, "противоестественное сочетание монетаризма и "византизма", пропагандируемое некоторыми нашими демократами, отнюдь не

компенсирует отсутствие подлинно национальной идеи". При этом В.Межуев уточняет, что "ностальгия по прошлому является собой пример не национального, а консервативно-почвеннического мышления, имеющего своим истоком доцивилизационный, патриархальный уклад жизни. Национальный интерес растет из качественно иного состояния, отмеченного чертами как раз решительного разрыва с этим прошлым. Он возникает в ситуации перехода от сословного к гражданскому обществу или, как говорили раньше, от "естественного" к "правовому" состоянию. Только люди, обладающие равными правами, образуют нацию, и только государство, соблюдающее и защищающее эти права, является национальным".

Вероятное решение проблемы, полагает автор, заключается в том, чтобы "примирить между собой наконец ценности и цели демократического и национального развития России". Подчеркивая, что такое примирение - при отечественной истории, отечественных традициях, национальном характере - совершить непросто, автор пытается систематизировать предмет согласования. "Как сочетать, например, друг с другом права частного лица, отстаиваемые либерализмом, с моралью русского человека, отдающей приоритет коллективным, общим интересам и целям? Насколько согласуются между собой "православная этика", послужившая основой русской духовности и культуры, с "духом" современной - демократической и рыночной - цивилизации? Как, короче, модернизировать, цивилизовать Россию, сохранив ее независимость и самостоятельность, ее особое место и облик в мировом концерте стран и народов". И тем не менее ответить на эти трудные вопросы "необходимо, если мы хотим все же, сравнившись с развитыми странами Запада и Востока, оставаться самими собой"<sup>20</sup>.

В развернувшейся полемике А.Мигранян, отмечая, что "мы потеряли один тип господствующих ценностей, но получили массу конкурирующих ценностных систем", утверждал, что среди этих ценностей "предстоит определить: какой, собственно говоря, тип преобладающих систем ценностей или мировоззрений, если хотите, был бы наиболее адекватен, эффективен для нашей страны". Такая готовность *предпочсть* определенный тип ценностей, а не "новый синтез", представляется нам спорной.

Более сложно выстроил отношение к позиции А.Ципко. Признавая возможность идеологического выбора, выбора между

---

<sup>20</sup> Межуев В. Россия как Атлантида // НГ-сценарии. 1996, вып.6.

политическими ценностями, он подчеркивает, что нет и не должно быть выбора между нравственными ценностями: “есть только выбор между нравственностью и безнравственностью”.

Оставляя для специального раздела доказательство нашего понимания современной ситуации как ко-эволюции трех типов морали, отметим очевидную правоту автора в тезисе о подлинности выбора между нравственностью и безнравственностью и спорность тезиса об отсутствии выбора между нравственными ценностями. “Есть выбор между “убий” и “не убий”- подчеркивает автор. Да, это та общечеловеческая ипостась морали, которая “склеивает” любые нормативно-ценностные системы. Но ведь есть и выбор между нормами и ценностями традиционной и современной морали. Именно в этой ситуации и важен поиск “инновационного синтеза”.

От “анализа случая” перейдем к позициям по поводу самих способов формирования национальной идеи. Выделим весьма радикальный подход Т.Соловей и В.Соловей, согласно которому в особых обстоятельствах надо отойти от парадигмы развития классических идеологических систем. В этих обстоятельствах возможно и даже целесообразно отношение к формированию идеологии “как к технологической задаче”. Не очень беспокоясь за рискованный термин, авторы предлагают вести речь об “идеологической инженерии”, о том, чтобы “сконструировать идеологию из элементов тех старых и новых идеологических систем, которые бытуют в российском обществе”.

Авторы подчеркивают специально: “не служит здесь препятствием и то обстоятельство, что несущие конструкции новой идеологической схемы могут быть почерпнуты из конкурирующих и даже враждующих идеологических систем. Любая идеология в основе своей мифологична, но в эпоху информационного общества и виртуальной реальности она легко строится из откровенно взаимоисключающих элементов. Гораздо более существенно, чтобы “кирпичики” - основные идеи и положения конструируемой доктрины - соответствовали обыденным взглядам и представлениям людей, были укоренены в российском обществе и не встречали массового отторжения с его стороны”<sup>21</sup>.

Отметим, что в этой, в известном смысле постмодернистской, позиции речь не идет о собственно национальной идее, но сама интенция на конструирование представляет интерес с точки зрения тенденций современного дискурса о способах формирования национальной идеи.

---

<sup>21</sup> Соловей Т., Соловей В. Нуждается ли Россия в идеологии?

Что касается конкретных содержательных предложений синтезирующей направленности, отметим суждение Н.Гульбинского<sup>22</sup>. Автор полагает, что “социалистическая идея является, пожалуй, единственной способной синтезировать традиционные для россиян представления о сильном лидере, ведущей роли государства в экономике, коллективизме и высокой социальной защищенности с “неолиберальной” идеей свободы, которую удалось сохранить, несмотря на все авторитарные поползновения последних лет, и с которой граждане России, очевидно, не готовы расстаться. Эта идея в ее современном, адаптированном к условиям России понимании”, может и должна, - отмечает автор, - стать “интегрирующей идеологией”. (Ср.: “...Российское общество ныне пытается определить те соотношения и формы связи, которые позволили бы соединить такие ранее несоединимые в нашей культуре состояния и ценности, как ... сохранение прочного общественного начала и утверждение определенной свободы, которой должен пользоваться каждый человек.” - Г.А.Аванесова<sup>23</sup>.)

В то же время стремление к синтезу идей воспринимается и скептически, и отрицательно. “На самом деле команде Бориса Ельцина вроде и не из чего выбирать”, - рассуждает И.Троицин<sup>24</sup>. По мнению автора, “невозможно, а если вдуматься, и губительно для 150-миллионного российского общества стать коллективом индивидуалистов”. И все же, пусть и в скептической интонации, но актуальный вопрос: “Есть ли, однако, возможность соединить несоединимое - традиционный российский коллективизм с новым российским индивидуализмом, без которого вроде бы не обойтись?”.

“Бесперспективность усилий” в направлении “выработки” национальной идеи обусловлена, по мнению В.Костикова, “и тем, что ничем другим, как суррогатом, политическим китчем, “новая” идеология быть не может”. Во-первых, отмечает автор, “работа над новой идеологией неизбежно будет отражать политические страсти, конъюнктуры и интриги политического момента. При ярко выраженной потребности в общественном согласии, при агрессивности левого фланга, неорганизованности демократов и

---

<sup>22</sup> Гульбинский Н. Не списывайте социализм! Только потому, что кто-то его не так строил // Литературная газета. 1996, 20 ноября.

<sup>23</sup> Аванесова Г.А. Национальная Идея: где она скрыта и где ее можно найти? // Клуб “Реалисты”. - Российская национальная идея. - Информационно-аналитический бюллетень №19. - М., 1996, с. 11-12.

<sup>24</sup> Троицин И. Сегодняшний Борис Ельцин отличается от вчерашнего. Новая русская идея - государственная // Век. 1996, № 31.

подверженности центра давлению работа над новым документом будет идти по линии негативных компромиссов”.

Во-вторых, “даже если над новой идеологической стройкой не будут висеть грозные облака, все равно мы получим идеологический компот, где в общепатриотическом и общедемократическом сиропе будут плавать непеременимые атрибуты нынешней политической демагогии - державность, народность, соборность, социальность, коммунитарность, евразийство, почвенничество, славянское единство, то есть не переводимые на юридический язык эмоциональные приблизительности, с помощью которых мы опять заболтаем реальные реформы, реальные интересы России и реальное государственное строительство”<sup>25</sup>.

Вероятность таких последствий, разумеется, не исключена. И все же конструктивнее представляется нам не уход от риска, а поиск способов его преодоления. Среди соответствующих предложений - необходимость ухода от сугубо политической по своей природе поляризации.

Так, по мнению А.Кара-Мурзы, жесткая поляризация типа “модернизация или деградация” могла бы быть естественной, “если бы не одно обстоятельство: практическое отсутствие в нашем обществе интегрального представления о проблеме. Более того, политическая поляризация, в свою очередь, искусственно растаскивает эту комплексную проблему на два больших, мало соприкасающихся сегмента, когда каждый из противоборствующих лагерей выуживает из огромной кучи разрозненных малоосмысленных фактов только те, что ему подходят, и нанизывает их на свой отдельный партийный “шампур”. В итоге на опекаемом властью “модернизационном” полюсе господствует оптимистический фатализм: “верной дорогой идем, господа”, “конечный успех гарантирован историческими законами”. В противоположном, оппозиционном лагере нарастает манихейское отрицание истории: “все не так, ребята, но пусть враги (читай: “временный оккупационный режим”) не радуются - будет и на нашей улице праздник”.

Совпадая в диагностической части с В.Межуевым, данный автор не останавливается на констатации трудности проблемы интегрирования идей. Он полагает, что “обсуждение проблемы “модернизация или деградация” требует совершенно нового - не

---

<sup>25</sup> Костиков В. Время властвовать поступками // Московские новости. 1996, №36.

партийного, а гражданского, в идеале - общенационального статуса".  
"Думаю, сегодня разрозненные интеллектуальные усилия должны быть объединены и направлены на "отшелушивание" политизированных псевдопроблем и на интегральный, и в то же время очень конкретный, подсчет факторов "новой космогонии", проработку конкретных сценариев развития"<sup>26</sup>.

Завершая обзор наиболее привлекательных с точки зрения нашей темы суждений и позиций, ограничимся лишь одним вопросом. Следует ли отождествлять объединяющую общество, народ, страну *национальную идею* и те цементирующие "скрепы", которые выполняют ту же солидаристскую работу, но другим образом - мы говорим о праве, религии, морали, о культурных традициях и нормах, на которых зиждятся любые ценностные гибриды, симбиозы и т.п.?

### **3. "Моральное междуцарствие": систематика, организованная относительно идеи успеха**

Какой диагноз точнее: "ценностный вакуум", "моральный хаос", "нравственно-психологическая неопределенность"?

Прежде всего, важно определиться, с каким из феноменов, а точнее, с каким из толкований духовной ситуации имеет дело идея успеха. Представляется, что наиболее близким является феномен "междуцарствия". Его природу наглядно описал Макс Лернер в своей характеристике ситуации т.н. "моральных революций" в Америке. "Американцы страдают не столько от падения нравов, сколько от (если вырвать выражение Ницше из его контекста) морального междуцарствия. Один король умер, а другого еще не помазали на царствование; так же обстояло дело с моральным междуцарствием и в Римской империи, когда языческая мораль уже рухнула, а христианская мораль еще не сложилась. По сути дела, хотя американская литература и философия отражают постоянные поиски новых формул морали, пока не ясно даже, откуда взойдет солнце нового царствования - из какого этоса вырастет новая американская мораль"<sup>27</sup>. Мы полагаем, что многое в такого рода диагнозе может быть отнесено и к сегодняшним российским обстоятельствам.

---

<sup>26</sup> Кара-Мурза А. Модернизация versus деградация // НГ-сценарии. 1996, вып.6.

<sup>27</sup> Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Том 2. - М., 1992, с.164.



В то же время, феномен “морального междуцарствия” в сегодняшней духовной ситуации России хотя и “имеет место” - нет доминирующей нормативно-ценностной системы, - но все же должен, как нам представляется, рассматриваться в контексте реальной активности нескольких типов морали, пусть не властвующих “единолично”, но и не породивших абсолютного морального хаоса, т.е. рассматриваться в контексте *коэволюционного* сосуществования в рамках современности трех этик (традиционной, рациональной, пострациональной нормативно-ценностных систем или подсистем), о котором пойдет речь во второй части настоящего доклада.

Что касается феномена “конкурса” различных версий национальной идеи, то, не преследуя здесь задачи представить, даже аннотированно, *каждую* из базовых концепций, рассмотрим лишь те теоретические конструкции, в которых акцентировано отношение (любое: позитивное, негативное, нейтральное) к ценности успеха.

*В дискурсе о национальной идее  
весьма активно заявляют о себе  
элементы идеи успеха.*

Есть ли в современной отечественной литературе - публицистической, исследовательской, - посвященной национальной идее, обращения к идее успеха? Вопрос далеко не риторический. Представим поэтому несколько интересных подходов.

"Если бы у нас сегодня уже оформилось разделение госвласти и предпринимательства, то российской национальной идеей могло бы стать представление о возможности опереться на собственные силы в желании преуспеть, в том числе экономически", - полагает А.Загородников<sup>28</sup>.

"Формула для новой России могла бы выглядеть так: поддержка коллективизма и взаимопомощь в бытовых повседневных вопросах, но постепенное утверждение индивидуализма в сфере производственно-профессиональной", - утверждает И.Б.Чубайс<sup>29</sup>.

Цитируя плехановское объяснение цены вестернизирующих инноваций в России (социальное положение “благородных” сдвигалось в сторону западного стандарта за счет сдвига положения “подлых людей” в сторону стандарта восточного), А.Кара-Мурза

<sup>28</sup> Загородников А. Национальная идея и частные интересы // Независимая газета. 1996, 20 сентября.

<sup>29</sup> Чубайс И.Б. Новая российская идея // НГ-сценарии. 1996, вып.6; ср. его же: От русской идеи - к идее Новой России. - М.: Изд-во “ГИТИС”, 1996, с.36.

подчеркивает, что дело не просто в социальном размежевании общества. "Без идущей в авангарде элиты модернизационного прорыва никогда не было и заведомо не будет у нас. Выражаясь метафорически, чтобы общество реформировалось, кто-то должен отправиться на "тот берег" первым, а затем, построив надежный корабль (на этом берегу его уже строить не из чего), вернуться и забрать остальных.

Наша проблема в том, что у основной массы населения есть веские основания сомневаться, что "ребята, ушедшие в отрыв", за ними вернутся. Отсутствие достаточной общественной легитимности тех, кто на сегодня оказался впереди, - вот главная на сегодня российская проблема"<sup>30</sup>.

Г.Сунягин замечает, что двумя типами русских людей - героя и шута (например, Нагульнова и Щукаря) - русский народ не исчерпывается. "К счастью, дело обстоит не так. Издревле, еще с домонгольских времен, на Руси был, а в некоторых местах превращался и в ведущий, тип самодетельного упряма, желающего до всего дойти своим умом и быть счастливым на свой манер. Тип этот оказывался необычайно жизнестойким, именно им во многом были заложены основы материальных и духовных богатств русского народа...

Если эта традиция самая древняя и самая живучая, еще не вытоптана, мы не пропадем. По мере того, как герои, поддерживаемые люмпенизированными "дураками", будут терпеть поражение за поражением в претенциозном устремлении возродить Великую Россию (в который раз и какой кровью!), на арену должны выходить и уже выходят другие люди, которые, избавившись от намерения дать счастье всему человечеству, смогут просто вовлечь в дело конкретных живых людей вокруг них"<sup>31</sup>.

"Хотя в наше время многим кажется наивным мыслить простыми формулами, именно в такую - простую и наивную - формулу укладывается вся мудрость народной идеологии: Бог, Отечество, семья, личный успех. Только эта идеология приведет Россию к духовному подъему и материальному благоденствию", - пишет Лев Тимофеев в уже цитированной нами статье<sup>32</sup>.

---

<sup>30</sup> Кара-Мурза А. Модернизация versus деградация.

<sup>31</sup> Сунягин Г. Какую судьбу мы выбираем? // Первое сентября. 1996, 14 марта.

<sup>32</sup> Тимофеев Л. Наивная формула победы. Здравый смысл как национальная идеология.

Выделим подход, актуализированный вовлечением его автора в проект “Этика успеха”. “До сих пор, - пишет Г.Э.Бурбулис, - все дискуссии относительно того, куда идет Россия и каково ее ближайшее будущее, носят, мне кажется, чрезмерно онтологизированный и традиционно рационализированный характер. Появляется соблазн построить ориентацию в навязанных из рафинированной интеллектуальной традиции знаках: Восток - Запад, информационная цивилизация - традиционная цивилизация, капитализм - социализм, самобытность и ее утрата. Как эвристические приемы, стимулирующие некую познавательную, интеллектуальную активность, эти традиционные ориентиры имеют значение. Но, может быть, пора включить и такую необычную координацию, когда категория успеха и ценность успеха становится в одинаковой мере как тем фонариком, которым мы освещаем путь, ведя этим лучиком у себя под ногами, так и тем маяком, который может защищать нас в океане исторической действительности от столкновения с издержками нашего традиционализма и всего того, что можно назвать "российский фундаментализм в действии", нерасшифрованный до конца и постоянно перелицовывающийся в разного рода угрозы сбоку, слева и так далее”<sup>33</sup>.

Апеллируя к либеральным, по сути, подходам, непосредственно или хотя бы косвенно включающим в сферу своего поиска идею успеха, сразу попытаемся уклониться от бесплодных моментов неизбежной полемики - прежде всего по поводу того, что идея успеха является "носителем бездуховности" и проч. Как апология, так и самокритика идеи успеха - специальная задача последующих частей нашего доклада.

*Понимающая критика идеи успеха:  
несоответствие идеального образа  
тому, что “здесь и сейчас”.*

Здесь мы обратимся к некоторым работам авторов, которые сотрудничают с журналом “Этика успеха” и, полагая культивирование этики успеха необходимым для нашей реформируемой страны, обнаруживают возмущающее несоответствие идеального образа такой этики и практикуемой морали.

А.С.Панарин называет свой дискурс *чрезвычайным*: “рассуждения о "морали успеха" в разоренной и отчаявшейся стране необычны до крайности. Но, с другой стороны, до крайности нужны нам сегодня носители этой морали - без них не поднять страну”.

---

<sup>33</sup> Бурбулис Г.Э. Культура целеполагания в российской стратегии модернизации // Этика успеха. 1994, вып. 2, с. 15.

Нужны потому, что, с точки зрения автора, “главная наша опасность сегодня связана с утратой самоуважения - с предельно низкой самооценкой, порождающей комплекс неудачников, которым нечего терять”<sup>34</sup>.

В то же время и потому, что, полагает А.С.Панарин, “судя по типичным представителям "морали успеха", у нас она носит не столько мобилизующий характер, связанный с этикой протестантского усердия, сколько чисто эмансипаторский: в ней чувствуется позиция людей, которым не надо накапливать - им нужно только легализовать то, что уже есть. Ясно, что этот специфический вариант "морали успеха" рожден в условиях номенклатурной приватизации: вчерашней социалистической элите в самом деле не надо ничего накапливать - ей надо только позволить сделать владением то, чем она и прежде распорядилась и пользовалась”<sup>35</sup>.

Автор подчеркивает, что многие современные отечественные аналитики занимают позицию “скептической пронизательности, не склонной раздавать кредиты доверия своим обанкротившимся соотечественникам”. В свою очередь, он разделяет позицию В.Франкла, согласно которой ценность человека “...еще не является действительностью, а лишь простой возможностью: тем, чего еще нет, но что находится лишь в становлении, что может и что должно стать”, и потому верит “в эвристические возможности, связанные не с логикой объяснения, а с логикой понимания, помогающей открывать альтернативы в, казалось бы, безальтернативных ситуациях”.

По мнению А.С.Панарина, статус долженствования в современной российской культуре крайне низок - возможное объяснение он видит в реакции на “былое засилье идеологии, то и дело подменяющей сущее должным”. В то же время “должное - это такая категория, без которой можно обойтись лишь при анализе неорганического мира. В мире культуры должное не меньше детерминирует поведение людей, а, следовательно, и ход общественной эволюции, чем сущее. При этом важно подчеркнуть неправильность (и несправедливость, несправедливость) деления людей на носителей сущего и носителей должного, на рабов настоящего и пионеров прогресса. Проблема состоит не в том, как "заменить" "старых людей" "новыми", а в том, чтобы открыть механизмы внутренних духовных преобразований - таинственную алхимию

---

<sup>34</sup> Панарин А.С. Модель успеха: дискурс в чрезвычайных обстоятельствах // Этика успеха. 1994, вып.3, с. 141.

<sup>35</sup> Панарин А.С. Евразийская модель политического успеха // Этика успеха. 1994, вып.2, с.50.

культуры, превращающей "неблагообразный" материал в "благообразный". Именно с этих позиций автор считает необходимым рассматривать проблему "морали успеха", как она стоит в современной отечественной ситуации<sup>36</sup>.

Реальное осуществление идеи успеха (с точки зрения автора, под "моралью успеха" в обычной интерпретации понимается некий вариант "американской мечты", т.е. "дерзновенность индивидуального самоутверждения на фоне общей убежденности, что рыночная экономика - открытая система, в которой каждому вновь прибывшему найдется место") в нашей современной политической и социально-экономической ситуации представляется А.С.Панарину направлением движения общества к все более откровенному делению "на угрюмое большинство пасынков приватизации, все откровеннее загоняемых в гетто, и жизнерадостное меньшинство номенклатурных носителей "морали успеха". А.С.Панарин считает, что сетования "официозного либерализма" на "неисправимо плохую наследственность "совкового" народа, якобы отвергающего ценности рыночного успеха с позиций общинной "антиэкономической" морали, связаны с непониманием "творческого парадокса неоконсерватизма". На Западе этот парадокс состоял в том, что "экономический либерализм как способ возрождения самостоятельного общества неподопечных граждан уповал не на крайности эмансипаторства, а на восстановление жесткой самодисциплины, коренящейся в недрах старой протестантской морали. Экономические либералы в социокультурном смысле были консерваторами и искали опору в соответственно ориентированном "моральном большинстве". Наш номенклатурный либерализм, напротив, может выжить только в разлагающей атмосфере вседозволенности, и его гедонистическая "ирония" прямо направлена против отечественного "морального большинства"<sup>37</sup>.

Обсуждая возможности культивирования идеи успеха в современной России, Н.Е.Покровский ставит сторонникам этого подхода вопрос: "Вы готовы иметь дело с океаном и менять направление океанских течений?". Автор не считает, что этого в принципе не следует обсуждать. "Но если думать об "океанических" задачах, то и относиться к ним приличествовало бы соответственно, а не просто так играть в модернизацию, как играют на мелочь в преферанс: выиграю или проиграю, будь что будет".

---

<sup>36</sup> Панарин А.С. Модель успеха: дискурс в чрезвычайных обстоятельствах, с. 141-150.

<sup>37</sup> Панарин А.С. Евразийская модель политического успеха, с.50.

Автор подчеркивает, что переход от “этики неконкуренто-ориентированности” к “этике успеха” нельзя рассматривать как простую замену одного кирпичика структуры на другой, как переключение “выключателя” из одной позиции в другую. “Так не получится. Мы имеем дело с океаном. Повторяю, я не считаю, что темы изменения этической парадигмы не должны обсуждаться. Безусловно, должны. Но с полным сознанием того, что мы касаемся некоего колосса, массива истории и культуры”<sup>38</sup>.

Нам еще предстоит специально вернуться к лишь затронутым здесь сюжетам в тех частях доклада, которые непосредственно посвящены современной российской ситуации.

“Антиуспешные” модели - продукт произвольного  
“обесмысливания” идеи успеха?

Обращение к доктринам, конфронтующим - прежде всего в моральном плане - с идеей успеха, требует учитывать заявляемые в них акценты на поиск “третьего пути”, т.е. чего-то, стоящего и “по ту сторону” как ориентации на успех, так и отказа от рода ориентации. В то же время нельзя не учитывать и то обстоятельство, что на практике этот “третий путь”, как нам представляется, реально связан именно с “антиуспешной” моделью национальной идеи.

Наиболее полярная идея успеха и в этом смысле прямо “антиуспешная” модель национальной идеи - соответствующим образом истолкованная “русская идея”, опирающаяся в этом истолковании лишь на одну из традиций русской нравственной философии. Не рассматривая здесь специально современных работ о русской идее, написанных сторонниками разных интерпретационных линий русской нравственной философии (с одной стороны, Ю.Бородаев, А.Гулыгой, В.Сагатовским и др. и, с другой стороны, И.Чубайсом, А.Яновым и др.), зафиксируем лишь непосредственно относящуюся к нашей теме позицию, четко противопоставляющую идею успеха (“чисто” западную) и идею т.н. “общего дела” (“чисто” русскую).

Так, с точки зрения В.Н.Сагатовского, в понятие “общего дела” всеединство и софийность прилагаются к определенной программе деятельности, “в которой высвечивается сам характер человеческой деятельности в этом мире”. Автор отмечает, что “русская культура, подобно культуре Востока, достаточно интравертирована, углублена во внутреннее созерцание, в котором,

---

<sup>38</sup> Покровский Н.Е. Как реформировать океан? Заметки неделового человека // Этика успеха. 1996, вып.8, с. 50.

однако, душа не исчезает в мировом духе, но питается из его источника”. Экстравертированность русской культуры, ее “направленность вовне, в отличие от культуры Запада, управляется не голой субъективностью, но душой, преображенной духом”. Поэтому, подчеркивает В.Н.Сагатовский, ”Общее Дело” русской культуры и ”бизнес”, ”деловой человек” - явления совершенно разного порядка. ”Общее Дело” совершается кроткими и любящими (хотя и способными, когда надо, победоносно противостоять злу силой), а не ”деловыми” и ”крутыми”. В последнем случае дело направлено на успех: личный - в прагматизме, общественный - в марксизме”.

И вот эта-то “направленность на успех” выглядит, с точки зрения автора, как абсолютно лишенная высокого нравственного смысла. “Есть потребности - их надо удовлетворить, и в этом деле стараться быть первым (“догнать и перегнать!”). Вопрос “во имя чего” оставим, мол, утопистам и лживым идеологам). Не то в ”Общем Деле” - здесь смысл, высшая ценность и деятельность слиты в единое целое... Поскольку общий смысл задается соборностью, всеединством и софийностью, то, понятно, Общее Дело не может противостоять миру и объединяет людей не на основе взаимной выгоды и согласования интересов в ”общественном договоре”, но, в конечном счете, на основе любви”<sup>39</sup>.

*Евразийская модель “морали успеха” - нео-консервативная версия?*

Пытаясь ответить на вопрос о возможности - в связи с намерениями реформаторов - развития именно на массовом уровне ”морали успеха”, приходя к “обескураживающим констатациям” (“слишком много шансов было упущено и во времена хрущевской оттепели, и после 1985 г., и после августа 1991”), фиксируя, что в отличие от Японии и Германии после 1945 в сегодняшней России индивидуальное самоутверждение и национальное достоинство “существенно разошлись в стороны” (ибо “индивидуальное самоутверждение ”новых русских” в значительной степени выступает как своего рода эмиграция из национальной жизни, как разрыв с традициями ”совкового народа”), один из авторов евразийской версии идеи успеха А.С.Панарин приходит к выводу о том, что “модель вестернизации сегодня уже скомпрометирована в России”. И главной причиной этого считает то, что “проворное племя ”новых русских”

---

<sup>39</sup> Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? - С.-Петербург: ТОО ТК ”Петрополис”, 1994, с. 140-141.

узурпировало процесс модернизации, приспособив такие ценности, как рынок, демократия, приватизация, плюрализм исключительно к своим нуждам, лишив их того общедемократического потенциала, которым они изначально обладали”.

Дело еще и в том, полагает автор, что в этих условиях “можно ожидать политически оформленной реакции самобытничества и нового изоляционизма”, хотя, “оценивая интеллектуально-организационный потенциал нынешних носителей "самобытного сознания", можно утверждать, что доминантным течением в современной России они стать не в состоянии”.

В этой ситуации автор предполагает, что “цивилизационная логика современности, вероятно, будет вести нас в другом направлении: от Атлантики к Тихому океану, где формируется мощный, наиболее динамичный центр мирового развития, по своим традициям и тенденциям существенно отличающийся от атлантического, а по некоторым критериям способный выступать и в качестве прямой альтернативы прежней европоцентричной модели”. При этом в русской культурной и политической традиции “посттрадиционалистский, связанный с сибирским и дальневосточным первопроездничеством, "ориентализм" издавна служил в качестве разумного противовеса эмансипаторско-гедонистическому комплексу столичной культуры, особо подверженной западническому эпигонству”.

А.С.Панарин специально уточняет несколько моментов, относящихся к исследуемой им новой - "евразийской", “альтернативной западническому эпигонству” - разновидности "морали успеха". Во-первых, ему представляется, что “возрастание роли социокультурного и морально-психологического факторов в современном цивилизационном процессе заставляет совершенно иначе посмотреть на культурное наследие. С позиций модернизации, отождествляемой с вестернизацией, оно в основном рассматривается как помеха, снижающая адаптивно-имитационные возможности стран-реципиентов западного опыта. ...Однако в свете концепции постиндустриального общества опыт вестернизаторов приходится оценивать по-другому. По целому ряду критериев обнаруживается, что вестернизаторы ослабляют постиндустриальный потенциал нашей культуры, неумолимо преследуя все то, что не соответствует односторонне понятым императивам экономического либерализма. Культура, наука, образование - все те сферы, в которых концентрируется главный потенциал нации, поставлены в условия, предопределяющие их неуклонную деградацию. Прагматика эконо-



мического либерализма оказывается прагматикой неразумного эгоизма, не умеющего мыслить в долгосрочной перспективе”.

Во-вторых, одну из важнейших проблем в рамках альтернативной модели реформаторства автор связывает с тем, “возможен ли российский предприниматель как творческий тип постэкономической, постиндустриальной эпохи, инициатива которого питается энергетикой духовных импульсов, в том числе и идущих от современного производства”. При этом “нам необходимо не отступающее, замыкающееся в гетто, национальное сознание, что нам обещает философия самобытничества, а динамичное, открытое как во времени (к будущему), так и в пространстве (к поиску партнеров и союзников). В этом смысле только сублимация импульсов всеобщего духовного производства может нам дать такой тип национального предпринимательства, которое способно и к сохранению национальной идентичности, и к коммуникации с внешним миром”.

И еще раз автор говорит, что постиндустриальная идентичность связана с культурой (духовным производством), которая всегда является “национальной по форме”. “Это совпадение постиндустриализма с национализмом в высшей степени характерно для динамично развивающихся стран тихоокеанского региона. Экономический рост там понимается как материализация духовной энергетики, связанной с возвышающей логикой самоутверждения, с личным и национальным достоинством”<sup>40</sup>.

Позволим себе самый минимальный комментарий. Не обсуждая здесь “подлинность” или “неподлинность” характеристики данной модели как евразийской (ибо известны и иные интерпретации - например, так называемая “туранская этика”), отметим лишь одно. Как нам представляется, эта модель идеи успеха с точки зрения авторской интенции являет собой практически готовый для нашего проекта гуманитарной экспертизы пример именно конвергентной позиции в сегодняшних спорах разных версий национальной идеи. С точки же зрения содержательной проработки этой интенции еще только предстоит решить задачу продуктивного дискурса, может быть и начав его.

Попытка обозначить своеобразие евразийской версии идеи успеха, как она живет в условиях современной России, предпринята и Л.А.Аннинским в ответе на вопрос авторов данного доклада: “Российская модель успеха - это особый путь; исторический этап на цивилизованном пути, где мы просто немного отстаем; евразийская версия?”. В кратком виде ответ автора: “евразийская версия”. При

---

<sup>40</sup> Панарин А.С. Евразийская модель политического успеха, с. 50-58.

первом уточнении ответ таков: евразийство - наша геополитическая прописка. "Только прописка, не более, но - неотменимая прописка".

Другое дело, "если кто-нибудь полагает, что России как евразийскому государству пора исчезнуть, расколоться на части. Сибирь - по боку, Дальний Восток - сам по себе, донские казаки и питерцы - разные народы. Тогда версия будет не евразийская, а какая-то иная. Но я к такому варианту не готов". А если "Россия останется Россией, то и модель будет соответствующая. По параметрам - евразийская. По наполнению - российская. Как то и было на протяжении веков".

Нельзя сказать - отмечает автор, что "демократия России не по духу. Или: коммерческий успех - не для русского человека. Может так повернуться, что и русский человек Чичиковым обернется, Штольцем заделается, американскими этикетками себя оклеит. А потом из-под наклеек все равно выглянет свое, родное".

«Что до "успеха" - он вне дискуссии. Успевать надо, соображать надо, считать надо, конкретные проблемы решать надо, и все это - не задаваясь глубокомысленно-гамлетовскими вопросами, вроде: "по-русски" это или "не по-русски"? Потому что цивилизация - явление не "русское", не "американское" и не "японское", а - общечеловеческое. То есть: универсальное, профессионально-техническое (включая технологию власти, управления и т.д.).

А вот духовный смысл - это то, что совсем на других скрижалях пишется. Это и у европейцев (атлантистов), и у американцев (черных, желтых, краснолицых и бледнолицых), и у "тигров Азии", и у прочих чемпионов цивилизации - все разное. И, пожалуй, только задним числом можно все это уразуметь рационально, а в процессе жизни - только интуитивно, спонтанно, событийно.

То есть: поколение за поколением ложится в землю, проклиная бога-душу-мать, а потомки, обернувшись, ахают: как же много они для нас сделали, это ж успех всемирный...

На какое-то время потомкам делается легко, а в следующее мгновение они уже сами ложатся в землю, проклиная свой жребий, свою судьбу и неотвязную русскую "многострадальность"<sup>41</sup>.

И столь же краткий комментарий к этой позиции. Очевидно, что национальная культура влияет не только на орнаментовку, на культурный колорит общецивилизационного инварианта модели

---

<sup>41</sup> Аннинский Л.А. Успех "по-русски" // Этика успеха. 1994, вып.3, с.113-117.

успеха, но и на ее существо. Однако авторы, выделяющие евразийскую модель успеха, не раскрывают ее именно в содержательном плане. Это обстоятельство оставляет образ модели неясным, не сфокусированным на конкретных характеристиках. И это понятно. Нам еще предстоит в последующих разделах доклада попытаться объяснить феномен еще только начинающейся “встречи“ общецивилизационного инварианта с его, как сказал Л. Аннинский, “культурным наполнением”.

| "Иные"?

| Значит не закрыты для “мозаики”?

Для темы нашего доклада проект “Иное. Хрестоматия нового российского самосознания” представляет интерес прежде всего с точки зрения своей методологической устремленности - с точки зрения практического воплощения заявленного метода в реальные теории у проекта, как нам представляется, еще все впереди. Поэтому и обращаемся мы прежде всего к его манифестационной части.

“...У слова "иное" - особая судьба и особый смысл в русском языке” - пишет С. Чернышев. И определяет “на сегодня главное” значение слова "иной": “другой, не такой, не этот”. Кроме того, выделяет “более частный, но притом самый модный ныне смысл термина”. По мнению автора, этот смысл - “на публицистической фене” есть “несуществующее третье”. Именно так, с его точки зрения, “свидетельствует лозунг "Иного не дано” - странноватый отечественный перевод латинской фразы "Tertium non datur”. Под таким “иным-несуществующим” подразумевается, полагает автор, провозглашение двуполусной картины, которая основана “на парах противоположных понятий (запад - восток, открытое общество - закрытое общество, цивилизация - варварство и т.п.)”. “Наше обществознание, говорит С. Чернышев, “пользуется двумерными понятийными координатами, заимствованными у западной социальной науки (больше взять неоткуда, мы не выбрали - других просто не оказалось). Но все чаще выясняется, что для описания феноменов нашей жизни эта сетка оказывается или непригодной, или мистифицирующей, вводящей в заблуждение”.

Именно в процессе поиска выхода из этого “гносеологического тупика” и “происходят таинственные обретения нового смысла”, когда “иное само по себе, взятое без "не”, превращается в третье, намек на переход от дихотомической понятийной системы - к троичной. Благодаря этому целая треть мира, не имевшая статуса в мире Tertium non datur и потому как бы невидимая, вдруг возникает в поле зрения и оказывается не менее, если не более реальной, чем привычные полюса оппозиции”.

Переходя к “троичному мышлению”, к “радикальному расширению концептуального пространства”, “поднимаясь над плоскостью”, “мы обретаем чудесную способность увидеть такой странный предмет-единорог, как Россия”. Автор предполагает, что этот предмет “имеет собственный онтологический статус, свое смысловое пространство, отличное как от задворок Запада, так и от предбанника Востока. Полнокровное, органичное бытие, а не убудочная “самобытность”.

И как раз “инакость, троякомыслие - вот что сближает необъединимых, уникальных иноков, участников проекта”<sup>42</sup>.

Интересна - с точки зрения поиска синтезирующих подходов к национальной идее - нацеленность проекта на теоретические разработки, “направленные на построение “конфигураторов” - моделей, адекватно синтезирующих две и более концепции, с разных сторон описывающие один объект...”<sup>43</sup>.

Возможно, в качестве конкретной версии “инакового” видения места и роли идеи успеха в современной России может рассматриваться концепция автора книги о русском национальном характере К.Касьяновой<sup>44</sup>. Из комплекса идей, представленных в книге, наш особый интерес привлекает концепция целеполагания в российской культуре. Здесь мы представим ее по материалам, специально подготовленным автором для журнала “Этика успеха”.

Работа К.Касьяновой о русском национальном характере - это размышления социолога над сравнением результатов исследования по тесту ММРІ (Миннесотский многофакторный личностный опросник) на некоторых российских выборках со средней, полученной на американских выборках. Выборки несоразмерны, но расхождения, по мнению автора, очень выразительны и не производят впечатления случайных, а интерпретация их интересна и заслуживает внимания.

Исследователь приходит к выводу, что одна из черт русского национального характера - его эпилептоидная акцентуация. В эпилептоидном типе имеется в том числе и склонность “к разработке детальных планов и к поэтапному неуклонному их осуществлению. Эпилептоид, с этой точки зрения, является человеком очень

---

<sup>42</sup> Чернышев С. Апология составителя // Иное. Хрестоматия нового русского самосознания - М.: Аргус, 1995, с.1-3.

<sup>43</sup> Там же. Чернышев С. Иное дано. Концепции российских реформ: от обзора - к синтезу. Исследовательский проект, с.12.

<sup>44</sup> Касьянова К. Русский национальный характер. - М.: Институт национальной экономики, 1994.

организованным, очень целеустремленным и сугубо индивидуалистичным. По нашему собственному внутреннему ощущению и по наблюдениям иностранцев, не отличаемся мы этими чертами: ни целеустремленностью, ни индивидуалистичностью”.

В то же время “слабо выражена в нас та черта, которую весьма уважают американцы и называют "достижительностью" ("achievement")". Но хотя в этом убеждены очень многие, иное показал адаптированный к отечественным условиям тест ММРІ. По мнению К.Касьяновой, тест “уверяет нас, что мы лучшие достижители, чем американцы. На шкалах, связанных с достижительностью, наши средние своим профилем отличаются от американских средних. Мы в целом и в среднем имеем большую силу воли и большую упорядоченность, чем американцы. По "конкурентности" мы совершенно совпадаем со "средним американцем”.

При этом по шкалам "целеустремленность" и "деловая установка" сопоставление тестовых результатов и независимых оценок “дает странный результат: люди с наиболее сильно выраженными качествами "целеустремленности" и "деловитости" выбирают по этим шкалам наименьшее число баллов. "И что же мы видим? По "целеустремленности" и "деловой установке" мы отклоняемся по сравнению с американцами вниз, т.е. в худшую сторону”.

Если “люди, признаваемые по независимым от теста оценкам хорошими достижителями, оказываются то вверху, то внизу, и то же происходит с теми, кого признают достижителями слабыми”, то, полагает автор, “по всей видимости, шкала эта на нашей выборке не работает”. Что это означает? “Что мы вовсе не достижители или, наоборот, сильные достижители? Ни то, ни другое. Это означает, что *те качества и способы, которые предусмотрены в данной американской шкале, в нашей культуре для достижения целей являются иррелевантными. И это - самое интересное заключение, которое можно вывести из сопоставления данных*” (здесь и в последующих цитатах из работы К.Касьяновой разрядка наша - В.Б., Ю.С., В.Ч.).

Из анализа отклонений и высказанных по этому поводу предположений автор считает возможным “попытаться весьма осторожно сформулировать гипотезу о том, что в нашей культуре существуют собственные архетипы целеполагания и целедостижения, не похожие на западноевропейские”. К.Касьянова предполагает, что “*наш соотечественник в среднем, оказавшись в ситуации действия, отдает предпочтение действиям ценностно-рационального типа перед целерациональными. И это обуславливает своеобразие модели целедостижения*”.

Автор утверждает, что “мы выработали такую культуру, которая как бы говорит нам: "добиваться личных успехов - это не проблема, любой эпилептоид умеет это делать очень хорошо; а ты поработай на других, постарайся ради общего дела!". И культурный эпилептоид старается. Как только на горизонте появляется возможность реализации ценностно-рациональной модели, культурный эпилептоид с готовностью откладывает свои планы и всякие "житейские попечения", он чувствует, что вот наступил момент, и он может, наконец, сделать "настоящее дело", то дело, из которого лично он никакой выгоды не извлечет, - и вот это-то и есть в нем самое привлекательное. Никакое личное и полезное для него самого дело не делает культурный эпилептоид с таким удовольствием и запалом, с каким он осуществляет ценностно-рациональную модель, он вкладывается в нее целиком, он переживает при этом бурю эмоций, положительных и отрицательных, - это действует в нем сентимент, безошибочно указывающий на "социальный архетип", заключенный в данной ценностно-рациональной модели”.

В то же время “такое отвлечение культурного эпилептоида в ценностно-рациональную сферу, случающееся с ним довольно часто, и понижает его достижительность. Свои дела он откладывает, а ценностное действие, как правило, не завершается каким-то определенным результатом: в нем это и не предусмотрено, ведь оно - часть какой-то коллективной модели, по которой должны "продействовать" многие, прежде чем что-то получится. И оказывается наш соотечественник человеком, который вечно "суется" в какие-то чужие дела, а свои собственные не делает”.

Однако, “это только со стороны так кажется. На самом деле он делает чрезвычайно важное дело - он "устраивает" свою социальную систему в соответствии с определенными, известными ему культурными стандартами, а в хорошо отрегулированной социальной системе его собственные дела должны сами устроиться какими-то отчасти даже таинственными и неисповедимыми путями”, - пишет К.Касьянова<sup>45</sup>.

Интересные и убедительные по-своему результаты исследований К.Касьяновой представляются нам в то же время и достаточно гипотетичными, тем более, что они опираются на материалы, отражающие специфику страны, каковой она пребывала 20 лет назад. Что касается изменений за эти годы, сошлемся хотя бы на

---

<sup>45</sup> Касьянова К. “Русский национальный характер”: 20 лет спустя // Этика успеха. 1996, вып.9, с.196 - 208.

исследования по проекту “Новое поколение выбирает успех?”, представленные в Ведомостях НИИ ПЭ, выпуски 4, 5, 6 (Тюмень, 1996 г.). Что касается теоретической схемы автора, то по ней мы выскажем свои соображения в третьей части доклада.

В целом же аналитический обзор ценностных оснований дискурса о национальной идее и связи ее с идеей успеха позволяет сделать вывод: *для инновационного синтеза есть и четко выраженные намерения, и некоторые “заделы”*.

#### ***4. Бытие в диалоге: “гражданский парламент” как возможная технология экспертизы и консультирования проектов национальной идеи***

Считаем весьма эффективным способом организации конструктивного диалога теоретических концепций, являющихся как бы ценностным основанием различных версий национальной идеи, экспертно-консультативную институцию с условным названием “Гражданский парламент”.

Возникшая в рамках демократического политического движения (одна из версий автора этой идеи - В.С.Библера - опубликована в первом томе упомянутой выше коллективной монографии “Будь лицом: ценности гражданского общества”), идея *гражданского парламента* разрабатывается здесь не с точки зрения некоей “оппозиционной институции”, “теневой структуры власти” и т.п. (термин “парламент”, заимствованный из политико-правового тезауруса, указывает лишь на форму представительства и потому вполне может быть заменен другими: ассамблея, форум, конгресс, круглый стол и проч.), но как социальная технология преодоления идейно-нравственного раскола. Конкурс моделей национальной идеи (и вообще идеологических доктрин) в этом случае и обретает цивилизованную методологию, становясь конкурсом-диалогом. Диалогом, протяженным в достаточно длительном времени, и вместе с тем интенсивным. Программа-максимум здесь - выращивание мозаичной модели национальной идеи, программа-минимум - самоценный процесс диалога авторов и сторонников доктрин, определяющих выбор путей развития России.

Наша рабочая гипотеза исходит из представления о *гражданском парламенте* как институции, репрезентирующей аксиологическую, этико-культурологическую стратификацию нарождающегося гражданского общества и специфические ценностные конфликты его субъектов. Выбор такого основания стратификации позволяет говорить об идее гражданского парламента

как прежде всего идее своеобразной *экспертной системы, моделирующей ценностный континуум нарождающегося гражданского общества*, представляющей собой полигон для конкурса-диалога современных доктрин по поводу национальной идеи России. Естественно, доктрин, отстаивающих либо “общий”, либо “особый” путь России в современном мире ценностной вселенной, а так же “иных” доктрин.

Вполне понятные опасения в "гиперморальности" предлагаемого подхода снимаются, как нам кажется, пониманием того обстоятельства, что поиск согласия по моральной проблематике - лишь стержень, но не все грани поиска, и осуществляется такой поиск в процессе достижения гражданского согласия, исторического компромисса и т.п.

Важно иметь в виду и то обстоятельство, что экспертное моделирование выполняет и проектную роль, выступает в качестве технологии "преднамеренности", катализатором зарождения и укрепления "островков" реального процесса выращивания Общественного Договора по поводу национальной идеи.



*Часть вторая*  
**ДОКТРИНА ЭТИКИ УСПЕХА:  
ДЕРЗКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ  
И НЕКОТОРЫЕ ОСНОВАНИЯ**

***1. Апология***

В преамбуле доклада мы предложили гипотезу о том, что этика успеха, рассматриваемая как *мировоззренческая доктрина*, своеобразная *практическая философия* современности, способна - с высокой степенью вероятности - по мере развития страны превратиться из идеи для *творческого меньшинства* в участницу конкурса идей *общенационального масштаба*.

"Способна"?! Но почему же еще не стала таковой? И до сих пор слишком робко пыталась ею стать?

Казалось бы, очевидно, "почему": доктрина этики успеха - не просто дерзка, если иметь в виду ее притязание на собственную нишу и в практике нравственной жизни, и в этической теории, и в конкурсе версий национальной идеи, но и - по распространенному убеждению - атрибутивно конфликтна в отношениях как с отечественными архетипами, так и с традициями, в том числе и научными. Но ведь не "очевидно"! Конфликтна, но лишь с некоторыми архетипами! Лишь с отдельными традициями! Ибо и в менталитете, и в реальной истории страны доктрина этики успеха имеет, по нашей гипотезе, свои основания, точки опоры.

Задумаемся, например: отчего же еще совсем недавно "советский человек" стал не просто читать, но зачитываться "наукой успеха" Дейла Карнеги, возвращенной на совсем иной почве? Не потому ли, что перестройке удалось успеть внушить ему надежду на зависимость и жизненного, и делового, и профессионального успеха от самого человека, от его стремления преуспеть и от его умения выбирать и выстраивать соответствующую стратегию? Не в этом ли заветный пароль свободы и один из главных позитивных итогов перестройки?

Казалось бы, еще более категоричными должны быть соответствующие выводы относительно постсоветского человека и итогов постсоветской реформации?! Увы, ситуация, как нам представляется, не такова. Пока идут вялые и все еще во многом неконструктивные споры о наличии и, особенно, конкретном месте идеи успеха, ценности, образов и представлений об успехе как в архетипах отечественного менталитета, так и в его современных

проявлениях, стихийный запрос на *идею успеха* дает о себе знать весьма настойчиво, и "свято место" пустым не оказалось. И потому в тех редких случаях, когда *идея успеха* все же рассматривается как основа жизненного и профессионального выбора, она, во-первых, слишком часто отождествляется с *моделью удачи*, во-вторых, сосредоточена больше всего на узко понимаемом феномене предпринимательства и, в-третьих, фигурирует скорее как рациональная технология и праксиология, но менее всего - как специфическая *моральная философия* гражданского общества и правового государства. А в итоге всего этого идея успеха может оказаться чуть ли не альтернативой духовным началам этого общества. Тем более, если, как мы отмечали выше, она принимает циничную форму ориентации на успех в виде бегства именно от *этики* успеха.

Итак, каковы же практикуемые сегодня ипостаси идеи успеха?

Вследствие своей стихийности и из-за отсутствия адекватных философско-этических предложений, запрос на идею успеха нередко трансформируется в коллективистскую устремленность к различным версиям социального утопизма, в люмпенизированный миф об успехе как беспроигрышной ставке в жизненной рулетке. Миф, которого не чураются и другие слои общества. Прежде всего те, что называются "новыми русскими" - не только в бизнесе, но и в политике, не только в публичной, но и в частной жизни. "Госпожа Удача" - весьма распространенная модель успеха и для "антилюмпенов" - части современной элиты. И не *вместе*, а *вместо* "Господина Успеха". А если все же "Господин Успех", то не только не *вместе* с этикой, но прямо *вместо* этики!

При этом миф об успехе, в котором нет, не может и даже не предусматривается "ни грана этики", очевидно культивирует беспринципные активистские идола успеха. Труднее расколдовать миф, в котором идея успеха выступает в своеобразном искажении *культуры достижения* - в известном "*уменши вертеться*". И действительно, в ответах респондентов на вопрос ВЦИОМа, задаваемый в 1988 и в 1992 годах, - "что нужно, чтобы добиться успеха в жизни?" - насколько снизилась частота ответов типа "упорно и целеустремленно работать", настолько же резко возросла частота ответов типа "уметь вертеться". Причем в комментариях социологов к этим результатам можно отметить не только привычно отрицательную окраску, идущую еще из советской эпохи, но и сочувственную констатацию жизненной позиции, в которой проявляется "ценностный реванш" прежде подавленной индивидуальной эффективности.

Что касается мифа об успехе, сводимом к *модели удачи*, то широкую распространенность "заражения" психологией жизненной

рулетки и доказывать не стоит. Не о том ли свидетельствует абсолютный триумф "плачущих богатых", телелотерей, возбуждающих жажду сорвать приз на "поле чудес", поймать "счастливый случай", не прозевать "час фортуны" и т.п.? И этот паллиатив - "удача" вместо успеха, ожидание "дара судьбы" вместо творения ее собственными усилиями и достижениями - продолжает чуть ли не культивироваться. Не забудем об этом в контексте сильно выраженных в обществе патерналистских ожиданий и иждивенческих настроений, подкрепляемых регулярно возникающей ситуацией вероятности смены собственно реформаторских ориентаций на "стабилизационные".

Разумеется, "модель удачи" в этом мифе не исчерпывается простой надеждой на случай, упованием на благоприятное стечение обстоятельств. Дело еще и в том, что ключевые в характеристике ценности успеха понятия "выиграть" и "проиграть" утрачивают здесь один из своих важнейших смыслов - экзистенциальный, согласно которому "неудачники", "проигрывающие" не избегают личной ответственности, а "рожденный выигрывать" - это не тот, кто заставляет других проигрывать, но тот, кто принимает на себя ответственность за собственную жизнь, за свой успех и свою же неудачу: он может терять почву под ногами, терпеть неудачу, но не разыгрывает из себя беспомощного, не играет в обвинения, отстает право на собственное решение.

"Модель удачи" принимает и вид конкуренции такими "достижениями", которые иррациональны как по целям, так и по средствам. Переносимая из прежних эпох такая деловая стратегия, вполне естественная для условий несвободы, прямо противостоит "модели успеха", воплощенной в рациональных достижениях, предполагающей этос свободной воли и свободного выбора, самонахождение стратегии ответственности.

Ясно, что такого рода миф совсем не случаен в контексте всех трех ипостасей патернализма (государственного, общинного, коллективистского) и социального иждивенчества, подкрепляемых маятниковым колебанием реформаторских шагов. Не случаен и вовсе не нейтрален именно в отношении той напряженной ситуации выбора, когда сам факт первого шага свободы - *реабилитации* ценности свободы выбора - еще совсем не означает *выбора свободы*.

Общество, которое позавчера уверенно называло себя социалистическим, а еще вчера было уверено в самоназвании "перестроечное", сегодня вовлечено в ситуацию "футурошока", столкновения со своим неопределенным, многовариантным, непредсказуемым, рискованным будущим. Неопределенность - вместо одновариантности, риск - вместо гарантированности, инициативность -

вместо патернализма и пассивности. Все это характеризует атмосферу намеренного (!) и решительного (!) перехода от тоталитаризма/авторитаризма к гражданскому обществу и правовому государству, от планово-распределительной экономики - к социально ориентированному рынку, от синкретичного мира традиционных ценностей - к аксиологическому плюрализму.

Для переходного периода характерно, что на одних и тех же геополитическом, экономическом, правовом пространствах сосуществуют и почти на равных конкурируют "вчера", "сегодня" и "завтра" страны. И при этом очень часто взаимодействуют не по методу коэволюции, не дополняют друг друга, не дают кумулятивного эффекта многосторонних синтезов, а отрицают друг друга по правилам "игры с нулевой суммой". А ведь "футурошок" дополняется еще и "игрошоком" - сегодняшняя наша жизнь оказывается игрой и в том (дополнительно к известному по Шекспиру) смысле, что в ней, как в игровом моделировании, время спрессовано, как бы "свернуто", и предстает в состоянии острого временного дефицита. И все это диффузное состояние проецируется еще и на ценностное, этико-культурное пространство-время.

Так есть ли в этом контексте *потребности* в доктрине этики успеха и *возможности* для ее создания?

С нашей точки зрения, ответ не просто положителен, и даже не только категоричен, но и несет в себе "перевыполнение цели" - отвечает и на незадачный вопрос о потенциале доктрины вполне в духе гегелевского "все разумное действительно".

Амбиция преуспеть атрибутивна для человека успеха. Атрибутивна она и для этической доктрины, предметом интереса которой является такого рода человек. Но что же представляет собой эта доктрина?

## **2. Моральный пафос доктрины**

Амбиция доктрины этики успеха - определение реального места ценности успеха в современной и постсовременной морали и поиск оснований для вывода о возможности намеренного культивирования идеалов, норм и ценностей этики успеха в современной России. Поиск, исходящий при этом из вполне реалистического понимания того обстоятельства, что пока эмпирические основания доктрины представлены в нашей стране скорее как "островки" доминирования ценности успеха.

Доктрина, предлагаемая нами для участия в диалоге идей, способствующих обновлению России, имеет *этический* характер. Из

этого следует, во-первых, тезис о том, что уже само стремление к достижению нравственно значимо, что такое стремление может и должно быть нравственно полноценным актом свободного мировоззренческого выбора. Во-вторых, речь идет об успехе как итоге именно индивидуального достижения - человек добился его сам, добился своими личными усилиями. В-третьих, соотношение целей и средств в этом достижительном процессе соответствует моральным требованиям. В-четвертых, доктрина сама, не дожидаясь критики, уже в рамках апологии идеи успеха фиксирует неизбежные моральные конфликты достижительной успешной деятельности и пытается найти способы разрешения конфликтных ситуаций. В-пятых, этическая по своей природе доктрина ориентирована только на такой конкурсный диалог идей, который отказывается от применения "правил игры" с "нулевой суммой" (победа одной стороны автоматически означает поражение другой). Она рассчитана на конкурс идей, способных к сосуществованию и даже взаимообогащению, на конвергентную, мозаичную по своей природе национальную идею.

### ***3. Предварительная атрибуция этики успеха***

| *Этосы как моральные конвенции о  
Кредо и Кодексах ("правилах игры").*

Доктрина этики успеха - теоретическая концепция, предметом которой является *этос* деятельности, намеренно ориентированной на успех.

Наше понимание категории *этос* исходит из такого представления о триаде: нравы - этос - мораль (нравственность), согласно которому этосные нормы выражают конвенциональный компромисс между реально возможным и идеально желаемым уровнем нравственной жизни "продвинутых" групп и сословий (не всего социума в целом).

В *этической интерпретации* предмета содержится возможность выхода за рамки полярности "моральные абсолюты - моральные релятивы" и, на этом основании, исследования и культивирования *реально-должного* статуса морального феномена, который находится между полюсами притяжения хаотического состояния нравов, с одной стороны, и порядком *идеально-должного* (собственно мораль) - с другой.

Обычно под этосом имеют в виду согласованные правила и образцы житейского поведения и, одновременно, уклад, строй, стиль жизни каких-то сообществ, институций. Однако такой подход

оказывается недостаточным, так как понятие “этос” здесь сводится к понятию “нравы” и одно из них оказывается лишним. Между тем специфика понятия этос предполагает, на наш взгляд, усиленные, сверхнормативные требования, предъявляемые к некоторым социокультурным практикам (и при этом - добровольное принятие таких требований), благодаря чему данные практики возвышаются, пусть даже незначительно, над уровнем повседневности.

В этом смысле можно говорить о рыцарском или монашеском этосах в Средневековье. А в Новое время этос оказался связан с профессиями. И профессиональная этика (мораль) или несколько родственных этик такого рода сосуществуют с особым укладом, строем жизнедеятельности, включены в него. Воспитательная деятельность, например, независимо от того, где она протекает, представляет собой известное сочетание профессиональных и непрофессиональных начал, а потому регулятивами в ней выступают как профессиональная педагогическая этика, так и нечто более широкое - воспитательный этос в целом. Не вдаваясь здесь в выявление сложного характера взаимоотношений между ними, заметим лишь, что и в медицинской деятельности профессиональная этика врача во всех ее разновидностях оказывается лишь элементом более обширного нормативно-ценностного комплекса - биоэтики. Справедливо говорят и о том, что в научной деятельности регулятивная роль (функция) принадлежит как профессиональной этике ученого, опять-таки во всех ее отраслевых ипостасях, так и особому этосу науки. В менеджеристской деятельности нормативно-ценностный комплекс включает как профессиональную этику управления, служебную, административную этику, так и некий этос менеджеризма, который противостоит паразитарному нормативно-ценностному комплексу бюрократизма (а не просто бюрократии как элитарной социальной группы). Можно говорить и о том, что этике инвайроментента соответствует особый экологический этос.

Следующее соображение, важное для понимания природы этоса: кроме мессионизма той или иной деятельности этос нацелен на выявление границ, пределов власти над людьми, той власти, что возникает в ходе деятельности. Он ограничивает полноту власти над человеком, которой располагает воспитатель над воспитанником, ученый над человечеством, политик над населением, врач над больным, менеджер над подчиненным, предприниматель над наемным работником, клиентом, потребителем предоставляемых им товаров и услуг. Тем самым этос меняет всю конфигурацию власти в современном обществе, стремится снять зависимость Лица от Другого, преодолеть патерналистскую модель отношений между ними. Он

открывает пространство для власти тех, кто лишен властных функций в силу различий в видах деятельности.

| *“Этика успеха” - не метафора,  
| а концепция прикладной этики.*

Все три аспекта понятия "этика" (как наука о морали, как мораль, как нравственность) используются в этом докладе, и соответствующие оговорки делаются тогда, когда это продиктовано самим текстом. Поэтому и предмет доктрины подразумевает как характеристику соответствующего теоретического конструкта, так и этосную характеристику (а также и описание нравов - моральная этнография, дескриптика, социология морали и проч., - которое не является предметом данного доклада).

Понятие "прикладная этика" имеет в нашем опыте исследований два варианта применения. Первый - в качестве своеобразной концепции связи моральной теории и практики<sup>46</sup>. Второй - в качестве концепций и практики существования различных нормативно-ценностных систем/подсистем, в которых проявляются процессы "конкретизации" общественной нравственности в специализированных сферах деятельности - политики, предпринимательства, воспитания и т.д.<sup>47</sup>. В данной работе используется прежде всего второе - этосное, партикулярное (по Т.Парсонсу) значение.

| *Этика успеха - утопия или должное?*

Вполне понятным будет для нас восприятие концепции идеи успеха в ее этическом измерении как идеи доктринерской, прожекторской, как навязываемой утопии. Не менее понятным будет и, например, утверждение о том, что национальная идея России сегодня вполне обойдется без этой утопии. Понятным, но неприемлемым.

Ведь прежде чем называть доктрину об идее успеха утопией или даже намеренной идеализацией "грязной практики", стихии

---

<sup>46</sup> См., например: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью / Под ред. В.В.Петрова и В.А.Чурилова. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1986; Васил Момов, Владимир Бакштановски, Юрий Согомонов. Приложната этика. - София: Наука и изкуство, 1988.

<sup>47</sup> См., например: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. - Тюмень-Москва: Центр прикладной этики, 1997.

аморализма "новых русских" в политике, администрировании и бизнесе (мы уже отмечали эту инвективу и еще вернемся к ней в отдельной рубрике "Кому служит доктрина"), ее критикам надо бы подвергнуть доктрину рациональному анализу.

Во-первых, в ключе реально-должного, и потому с точки зрения поиска "точек роста" этоса успеха. Да, должное всегда противостоит сущему, но это еще не повод отождествлять морально-должное с чем-то фантастическим. В должном пульсирует интенция на воплощение его в сущее. Оно мобилизует наши предпочтения, решения, свободную волю. В этом смысле и можно говорить о реальности должного. Оно является таковым потому, что множеством нитей должное связано с сущим, продолжает его видоизмененное бытие, выражая общественную необходимость, тенденции развития сущего. Другое дело, что само таинство превращения сущего в должное и должного в сущее остается для нас пока не "расколдованным" - проблема, известная "гильотина Юма".

Во-вторых, сама национальная идея не может быть сведена лишь к историческому прошлому страны, народа. С не меньшим основанием национальная идея обращена и в будущее, несет в себе авангардный, пассионарный, опережающий смысл. При этом она не просто описывает будущее, но и в определенном смысле проектирует его, "провоцирует", *ведет* к нему.

*Нормативно-ценностные системы  
в ситуации коэволюции:  
долгий путь к цивилизации достижений.*

*Этика успеха* - такой же символ современной цивилизации, как, скажем, мировоззренческий плюрализм и демократические институты, полеты в космос или глобальное телевидение. Цивилизацию эту вполне заслуженно и, пожалуй, точно именуют *достижительной*, что было бы совершенно немислимо без полного или частичного принятия в ней ценностей и норм этики успеха.

В традиционных же социумах довлела ориентация на прирожденный, а не на обретаемый в результате достижений статус. Это, естественно, не исключало состязательности в поведении. Но, *во-первых*, центр тяжести этой соревновательности помещался не в производительной, экономической, а в социетальной сфере. При этом стратегии не выбирались индивидом самостоятельно. Собственно экономика еще не отделилась от социетальной структуры, не обрела независимости от нее, а потому очень слабо нуждалась в достижительной ориентации как мотивации развития.



В традиционных социумах, *во-вторых*, успех был *самодостовой* ценностью, жестко не связанной с утилитарными соображениями и измерениями. *В-третьих*, если где приоритеты успешности и обнаруживались, то во внесистемных секторах традиционных социумов. Например, в сфере торгового капитала, где зачастую действовали этнические или конфессиональные "чужаки", которые, приспосабливаясь к малоподвижному, рутинному окружению, были вынуждены культивировать достижительную мотивацию. Их поведение нередко оправдывалось циничными рассуждениями и потому ориентация просто на успех не побуждалась и не ориентировалась именно ценностями этики успеха. В известном смысле ценности успеха и мораль лишь слегка "касались" друг друга; связка между ними в лучшем случае шла через союз "и" - здесь прекрасно обходились без родительного падежа к слову "успех" в такой связке. Скорее падеж был винительно-обвинительным: человек успеха обязан был каяться, замаливать свой грех устремленности к достижениям, к пользе.

В "верхах" общества практиковались кастовые кодексы великодушия и щедрости, но вовсе не расчетливости и хозяйственной эффективности. В официальной ценностной идеологии на троне прочно восседал принцип любви в его христианской интерпретации, хотя он и весьма слабо коррелировал с реальными нравами. Преобладали поведенческие нормы и правила сословного и общинного солидаризма, которые в значительно большей степени соответствовали реальным нравам и которые тем не менее не следует постфактум как-то идеализировать в духе "почвенничества".

*Нормативно-ценностные системы  
в ситуации коэволюции:  
приход цивилизации достижений.*

Ситуация начинает коренным образом меняться на исходе традиционных социумов и при становлении индустриально-урбанистической цивилизации - в "большом" социуме, в макром мире гражданского общества. Люди попадают в него, когда добровольно или же вынужденно катапультируются за пределы своих чуть ли не чувственно воспринимаемых микромиров - общин, самодостаточных малых групп, локальных общностей.

В новой цивилизации значительная часть поведенческой аксиоматики ("так надо!"), правил, установлений, обычаев и даже сакрализованных заветов, которые столь прочно цементировали традиционный социум, придавая человеческим добродетелям очевидный характер, начинают - в радикально изменившихся сетях

человеческих отношений - утрачивать свою обязывающую силу. Не надо обладать каким-то особым образом натренированным социологическим чутьем, чтобы представить себе, сколь неуместными выглядят на рыночной площади и на политическом поприще, тем более - в конфликтных ситуациях, требования типа "возлюби ближнего своего, как самого себя" или же знаменитое "золотое правило нравственности". То же относится и к упомянутым выше кодексам великодушия и щедрости, с презрением отвергающим договорные, а не "органические" отношения, так называемую "моральную бухгалтерию" - расчетливость и "крохоборческое" правило эквивалентности воздаяния.

В "открытом" обществе нет единых целей, подобно тому, как это имеет место в локальных общностях и общинах с их ориентацией на Дом, а не на Мир. Но чтобы усилия людей оказались каким-то образом "склеенными", скоординированными и только потому эффективными, люди вынуждены соблюдать некие универсальные и абстрактные правила рыночного и политического поведения. Мы предложили называть эти нормы и правила "нетрадиционной", "неестественной", *рациональной моралью*.

*Нормативно-ценностные системы в ситуации коэволюции: естественность "неестественной" морали.*

Претенциозно было бы думать, будто правила и нормы рациональной морали кем-то сконструированы, упорядочены в соответствии с какими-то научными процедурами, являются результатом удачного экспериментирования с ценностями. Выразимся парадоксально: "неестественная" мораль является *естественным* продуктом длительной культурной эволюции. Именно она и отбирает все, что наилучшим образом приспособлено к этой эволюции, к ее непредсказуемым (а лишь предугадываемым) зигзагам, петляющим ходам и поворотам. Вместе с тем обеспечение функционирования рыночных, политических, воспитательных, научных и иных институтов требует и намеренного создания и культивирования правил и норм рациональной морали, этики успеха.

Следуя таким нормам, индивиды могут все в большей степени служить удовлетворению потребностей незнакомых им лично людей, расширяя тем самым границы человеческого сотрудничества, обеспечивая некоторое единство в сообществе, реализуя присущее ему свойство самоорганизации и самоуправления. Так или иначе, но рынок, политические институты, профессиональная деятельность просто не могут нормально функционировать, не будь у них мощной

поддержки в виде норм и ценностей рациональной морали с ее универсальными правилами, обязательными для всякого, кто вступил на публичную площадь, независимо от того, оказалось это выгодно ему лично или же почему-то не оказалось. Данная мораль как раз и позволяет утвердиться такому порядку, который способен прогрессировать на основе спонтанного и добровольного сотрудничества, соблюдая при этом строгие правила честной игры (политической, хозяйственной, социально-педагогической и т.п.).

*Нормативно-ценностные системы  
в ситуации коэволюции: судьба  
естественной морали (новые роли).*

Нет достаточных оснований предполагать, будто ценности дорациональной морали при всем этом каким-то образом девальвируются: ведь альтруизм, товарищескую солидарность, взаимопомощь с полным на то правом - пусть и несколько высокопарно - именуют "Абсолютами" морали. Именно они "очеловечивают" социум, социальные связи людей, особенно тогда, когда усиливается их формализация, не допускают превращения человеческих отношений в джунгли, где безраздельно правят бал произвол, право сильного, свинцовые инстинкты, аффекты без сдерживающих начал. "Абсолюты" остаются навигационными огнями в ценностном мире, непререкаемыми ориентирами человеческих помыслов и поступков в масштабах малых групп, общин, приходо-в традиционных секторах "открытого" общества. И за этими границами они остаются "фаворитами" морали, но применяются там более сдержанно, так сказать взвешенно и избирательно. Особый случай - экстраординарные ситуации, когда данные ценности смещаются от периферии к центру нравственной жизни и вновь являют всю свою мощь и духовную красоту.

В макромире, на рыночной площади, политическом поприще, в профессиональной деятельности люди выступают не только как подданные или производители, но как граждане, которые действуют, определяя свои жизненные стратегии вполне самостоятельно. Они сориентированы на жизненный и деловой успех. Их мораль не выражает духа беззаветной любви к ближнему и сплоченности, но она - суть *этика ответственности*. Она требует не доброжелания и симпатий, а беспристрастности и уважения между агентами гражданского общества. Не столько мотивы поступка и характер намерений, сколько позитивные результаты - таков критерий добра и зла с точки зрения этой этики: ибо "всякому воздастся по делам его!". Такая этика является консеквенциональной. Но так как ориентируясь

на успех, человек как бы "обречен" приносить благо другим, пусть даже не испытывая расположения к ним, а лишь являя почтение по отношению к долгу, к правилам, то что, спрашивается, может помешать нам называть его мотивы верности нормам рациональной морали и уважения к людям, образно говоря, "бескорыстным достижительством" или еще лучше - "*безадресным альтруизмом*"?

| *Нормативно-ценностные системы в ситуации коэволюции: самокритика этики успеха.*

Рациональная мораль с ее этикой успеха включает в себе и потенциалы саморазвития - таково одно из ее существенных преимуществ. В недрах этой морали выращиваются инвективы против варваризированного рынка, политики в духе нравов "дикого поля", рыночных и политических стихий в том их виде, в каком они предстают вне и до насыщения ценностями культуры и этики. Рациональная мораль обеспечивает эффективность работы рыночной экономики, своеобразного политического рынка, огромных организаций профессионалов любой направленности и делает это вовсе не путем их идеализации, апологетических восхвалений, а за счет суровой, систематической, нелицеприятной *моральной критики*. Именно такая - моралистическая - критика приводит в движение "человеческий фактор" рынка, политики, организаций. Моральная критика содействует достижению хрупкого, но все же равновесия *пользы и добра, рационального и чувственного в самой морали, утилитарного и бескорыстного* путем обуздания сумеречных страстей.

Такая критика позволяет снизить силу кризисных факторов, погасить влияние губительных для цивилизации тенденций, предложить средства от засиления морального релятивизма и догматизма, от чрезмерной приверженности к социокультурным основаниям рыночной, политической и профессионализированной деятельности, от убаюкивающей мифологии в общем-то вполне жизненных концептов Призвания, связанного со служением Делу, с хорошо просматриваемой ориентацией на успех.

| *Вето на аксиологическую копиистику.*

Амбициозность доктрины этики успеха проявляется также и в том, что, задавая идею успеха "моральное измерение", доктрина показывает неперемное условие культивирования российской идеи успеха в рамках мозаики ценностей национальной идеи. Как мы уже отмечали выше, доктрина накладывает строгое вето на ценностную копиистику, на эпигонство, прямое заимствование развивающихся в других культурах моделей, в том числе технологий успешной

деятельности, внешних форм ее признания и одобрения. И аргументирует такое veto вовсе не ксенофобическим презрением ко всему "чужому", не установкой только на "свое, почвенное". В основе veto - понимание особенности современной моральной ситуации в стране, суть которой доктрина усматривает в мозаичном сосуществовании традиционной, рациональной и пострациональной нормативно-ценностных систем (последнюю мы представим его в четвертой части доклада). Вне такого понимания ценность успеха не найдет достойного места в национальной идее, а сама эта мозаичная по конфигурации идея лишится основного, как нам представляется, динамизирующего элемента.

| *Медиаторный потенциал доктрины.*

Наши амбиции не распространяются так далеко, чтобы придать доктрине этики успеха роль и статус "социального клея", способного преодолеть культурный раскол российского общества, создать монолитную идеологическую парадигму. Тем не менее, доктрина амбициозна в том отношении, что, во-первых, продвигает ситуацию к диалогу идеи успеха с солидаристическими концепциями, во-вторых, ищет и находит объективные основания в обществе для преодоления внутреннего соблазна идеи успеха к эзотеризму и герметизму, с одной стороны, к безудержной экспансии - с другой, в-третьих, демонстрирует аргументы для своего сосуществования с теми жизненными позициями, идейно-нравственными платформами, которые сторонятся идеи успеха.

Амбиции доктрины проявляются не только в формулировании условий "моторности" национальной идеи, но и в претензии на особую роль *медиатора* в отношении других составных нормативно-ценностных систем мозаичной национальной идеи. Мировой опыт стран Запада и стран Востока, ставшего "Западом", свидетельствует в пользу именно такой амбиции. Культивирование ценности успеха и там, и там стимулировало процессы синтеза традиционных и модернистских ценностей.

Таким образом организуется гуманистический по своей природе диалог культур и, несмотря на всю его спонтанность, этот диалог может нести в себе и момент намеренности и, стало быть, может быть оснащен организационными средствами. Рассмотренный выше институт "гражданского парламента" относится к такого рода средствам.

#### 4. Этика успеха: доктрина “родительного падежа”

| “Этика и успех” или “этика успеха”?

Этика успеха - каково содержание понятия, если мы сразу отклоним облегчающую форму словосочетания через союз "и" и будем иметь в виду только *родительный падеж*, обозначающий стремление интегрировать понятие "этика" (в данном случае - как синоним морали, а не как научной дисциплины о морали) в понятие "успех"?

Этика успеха. Что слышат в этом “родительном падеже” обыденное и теоретическое моральное сознание, какой образ создают они в своем воображении, услышав непривычное понятие?

Не останавливает ли уже первую попытку такой интеграции одно только воспоминание о драме нравственных исканий человечества, постоянно воспроизводящих вечный конфликт Добра и Пользы, Морального и Пруденциального, Самоценного и Эффективного?! Как не предать забвению настороженность гуманистически ориентированных мыслителей перед победительными амбициями "Человека Притязательного" и "Человека Выигрывающего", буквально страха перед идеологией и технологией "Борьбы за Успех?". И, наконец, не бестактно ли даже рассуждать о ценности успеха в стране, обнаружившей - вдруг - свою неуспешность и измученной непрекращающимися неудачами?!

По поводу драмы нравственных исканий здесь остается с доверием отнестись к историческому опыту человечества, которое не просто непрерывно констатировало напряженность такого конфликта, но и - вряд ли случайно - настойчиво искало способы его решения. На этом пути предпринимались попытки выявить всечеловеческие основания морали и основания пруденциальные, отграничить "абсолюты" ("везде и всегда") - от этоса и моральной конкретики ("здесь и сейчас"), этику долга и ответственности - от этики любви, этику дружбы - от этики контракта между партнерами, этику добродетелей - от этики организаций и т.д.

| “Родительный падеж”: запреты и повеления.

Какие повеления и запреты такой "родительный падеж" вносит в процесс широкого освоения темы *успеха* (жизненного и делового), развернутого современным гуманитарным знанием в его традиционных и эзотерических версиях, в теоретических и прикладных исследованиях, посредством учебных семинаров и консультационных практикумов, силами многообразных движений,

ориентированных на самосовершенствование личности в ее жизненных исканиях, в деловой карьере?

"Как уцелеть среди акул" и "Жизнь 101", "Преуспевание с радостью" и "Рожденные выигрывать"... В дополнение к книгам Дейла Карнеги все это - новые феномены нашего духовного обихода. И они составляют далеко не однообразный ряд. Одни книги - о технологиях успеха, за другими - сильная традиция гуманистической психологии с ее особым отношением к ценности успеха. Такое отношение, с одной стороны, отражено в психологической традиции, которая, говоря о человеке выигрывающем, имеет в виду не того, кто стремится побеждать любой ценой, но того, кто выше всего ставит право личности на достижение. С другой стороны, существует прямо оппозиционная тенденция в отношении ценности успеха. Так, в манифесте "О панике", принятом рядом ведущих психоаналитиков, в качестве "ценностей", выдвигаемых современными идеологиями на первый план и обнаруживающих свою "реакционную функцию", отмечена "навязчивая идея успеха и расчета".

Естественно, что этика успеха содержит нормы запретительного характера, связанные и с праксиологическими, и с аксиологическими - вплоть до мировоззренческих аспектов морального выбора - гранями успешной деятельности. Содержит и культивирует запреты, относящиеся как к социоконтрольной функции морали в отношении к различным сторонам человеческой деятельности, так и к "внутриморальным" аспектам ценности успеха. Но все эти запреты ни в коей мере не затегают позитивно-стимулирующей функции этики успеха.

Характеристика этой позитивной функции предполагает ее проблематизацию, анализ и прогнозирование нравственных противоречий успешной деятельности - прежде всего для того, чтобы преодолевать (а не просто "запрещать") их. Эскиз "повелительного" аспекта доктрины "родительного падежа" можно представить в виде следующих тезисов, акцентирующих этическую составляющую идеи успеха.

*Этика* успеха стимулирует ориентацию на нравственно-позитивную ценность успеха, подтверждаемую как общественным признанием потребности "победителя" в уважении, чести, славе, так и собственным удовлетворением притязательной личности от самореализации, ее счастьем.

*Этика* успеха стимулирует риск в мировоззренческой сфере морального выбора, риск как положительную реализацию внутренне противоречивого стремления к достижению, риск *превышения*

нормального ("среднего") уровня порядочности, а не отклонения от нормы "вниз", в сторону вседозволенности и цинизма.

*Этика* успеха стимулирует преодоление опасностей и соблазнов "грязной игры" (совсем не случайно породившей стереотипное отношение к политике и бизнесу как тотальному аморализму) и достижение желаемого успеха именно вследствие "честной игры", трудной "игры по правилам" - когда сами эти правила при всей их конвенциональной специфике, укорененности в обычном праве соотносены с общечеловеческими ценностями и являются атрибутами этики гражданского общества.

*Этика* успеха стимулирует потенциал успеха или в парадигме состязательности, или в парадигме кооперации - при отрицании как казарменного коллективизма, так и гипертрофированного индивидуализма.

"Повелительная" и "запретительная" стороны "родительного падежа" взаимосвязаны в самовопрошании доктрины.

*Этика* успеха? Кто более ценен ей? *Люди порядка или люди игры*? Совместимы ли атрибуты "хомо люденс" и "хомо моралес"? И как уживаются в этике успеха мораль долга и консеквенциальная мораль?

*Этика* успеха? Кого возносит она на пьедестал: удачливого предпринимателя или прилежного работника, политического лидера или "живущего незаметно", бесцеремонного победителя или щепетильного в выборе средств праведника?

*Этика* успеха? Кому она служит - если этика вообще кому-либо "служит"? "Новым русским"? "Среднему классу"? "Моральному меньшинству"? Служит или прислуживает?!

*Этика* успеха? Мыслимо ли изъять ценность успеха из всего диапазона мировоззренческих альтернатив морального выбора, составляющих в своей совокупности ценностный контекст гражданского общества: этика долга и этика любви (с их специфической артикулированностью в отношении ценности успеха); стоическое сопротивление моделям успеха, навязываемым личности социальной организацией; квиетическое уклонение от ориентации на успех (философия недеяния) и т.п.?

*Этика* успеха? Помеха естественному стремлению человека или благоденственный для личности и общества контроль и самоконтроль? Может быть, благодарность человечества заслуживают лишь достойные успеха, способные "вынести успех"?

Даже в такой эскизной форме - отражающей скорее *нравственную философию* успешной деятельности и лишь весьма приближенно представляющей *конкретизацию* ее в ценностях и



нормах, в атрибутах описания *этоса* успеха - амбивалентность этики успеха представлена как сбалансированность запретов и побуждающих мотиваций, организованных вокруг ценности морального выбора.

“Родительный падеж”:  
этическая безопасность идеи успеха.

Особо выделим вопрос об этической безопасности идеи успеха, об ее *самоограничениях*. Вопрос, который ориентирует поиск ответов, во-первых, на нравственную критику (и самокритику) рационального жизненного поведения, отношения к жизни как к деловому предприятию, критику с позиций самой этики успеха и с позиций иных этических подсистем. Во-вторых, на критику аморализма, которым слишком часто отягощен деловой успех. В-третьих - на определение пределов "внедренческой" активности идеи успеха, профилактику ее возможных притязаний на монополизм в ситуации выбора идей.

Заявляемая в дискуссии о будущем России *этическая* идея успеха сама должна быть и *этически безопасна*. Особенно это важно в контексте ее соотношения с такой наиболее востребованной в ситуации переходного периода ценностью, как *выживание*. Мало того, что драма отечества заключается в доминировании основательно освоенной "культуры" выживания над культурой нормальной жизни (и, тем более, над культурой успеха). Кроме этого, различая в предельно форсированном виде стратегию выживания и стратегию успеха, возвышая ценность последней, как бы не совершить очередное насилие над настоящим и будущим, не утратить человечность, упрекая, а то и обвиняя тех конкретных людей и те конкретные сообщества и сословия, которые сегодня действительно не могут думать ни о чем, кроме как об элементарном выживании. Идея успеха в ее этическом измерении не может позволить себе нравоучительной позы, унижения и оскорбления "инакомыслящих".

## **5. Основные идеи доктрины**

### **5.1. Феномен успешной деятельности: человек, который успел состояться**

Задача параграфа, открывающего изложение основных идей доктрины этики успеха, не может не показаться вполне элементарной. Действительно, даже здравому смыслу ведомо и представление о том, что такое успех, и различие того, "что такое хорошо и что такое

плохо”. И хотя анализ особенностей “родительного падежа” раскрывает трудности “морального измерения” феномена успеха, может показаться, что такой “падеж” на самом деле вовсе не обязателен при конкретных описаниях феномена успеха. Поэтому-то мы и избрали путь, начинающийся с самых элементарных “клеточек” процесса “встречи” *успеха* и *этики*, воспользовавшись формой своеобразного коллажа и пытаясь представить контуры феномена успеха, штрихи и мазки на интегральном портрете успешного человека.

*Штрихи к образу человека успеха:  
западная, советская, постсоветская,  
общечеловеческая версии.*

“Во всех книгах о преуспевании - а перед читателем новейшая и лучшая из них - слово “успех” толкуется примерно одинаково. Бытовое выражение “жить хорошо” не объясняет никаких философских или этических загадок (да и не претендует на это), но оно, по крайней мере, всем понятно. Мы знаем, о чем идет речь”, - пишет С.Паркинсон, ироничный стиль которого ничуть не ослабляет содержательность характеристики как бы “обывательского”, но в этом смысле практически универсального подхода<sup>48</sup>.

“Преуспевающий человек занимает высокую должность, у него незапятнанная репутация и обеспеченное будущее, о нем с уважением пишут в газетах - *все это он добился сам*. Наше воображение рисует нам ухоженный сад на берегу озера, изящный коттедж, старинное столовое серебро и дочь хозяина в костюме для верховой езды. Чуть изменив угол зрения, мы видим обшитый дубовыми панелями кабинет, зеркальный письменный стол, одежду от модного портного, бесшумную машину. Потом нам представляется просторный зал фешенебельного клуба и центральная фигура центральной группы - человек, скромно принимающий искренние поздравления. С чем? С правительственной наградой, повышением по службе или рождением сына? Весьма вероятно, что произошло и то, и другое, и третье. Так обыкновенно выглядит успех и так понимает его автор“ (там же, с. 61).

Выделив курсивом в качестве особого предмета нашего интереса слова о том, что этот условный человек сам всего добился, мы должны также отметить в этом портрете человека успеха, казалось бы, несомненное ограничение субъекта достигательной ориентации

---

<sup>48</sup> Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. - М.: Прогресс, 1989, с.61.

лишь определенным слоем общества. Однако автор все же исходит из представления о *всеобщности* субъекта успеха, об универсальности *права на успех*, предлагая свою книгу как раз широкому читателю - человеку среднему, заурядному. “Мы видели слишком много книг о преуспевании, которые советовали читателю быть более энергичным, деловым, разумным, надежным и обаятельным, чем окружающие его люди. Но если он обладает всеми этими достоинствами, ему не нужны никакие пособия. Пособия пишутся не для одаренных. Советы необходимы серым середнячкам - бездеятельным, ленивым и непривлекательным тугодумам, на которых нельзя положиться в серьезном деле. Но ведь они - граждане демократической страны. Поэтому у них тоже есть право на успех” (там же, с. 62 - разрядка наша - В.Б., Ю.С., В.Ч.).

Более того, С.Паркинсон вполне демократичен не только в отношении *субъекта* успеха, но и *форм* и *видов* деятельности, ориентированной на успех. “Кто-то дал свое имя экзотическому цветку, кто-то написал бессмертное стихотворение. Кто-то удивительно долго жил на свете или в детские годы стал знаменитым музыкантом. Успех может принимать разные формы” (там же, с.61).

В то же время автор вводит и ограничения: “читатель не должен надеяться на то, чего заведомо не получит”. Во-первых, “если его интересует успех, описанный в предыдущем абзаце - шикарный автомобиль и вилла, - книга поможет ему. Если же он думает о награде за пределами этой жизни или даже о посмертной славе в этой, ему нужны другие советчики. Автор не знает, как добываются мученические венцы”. Во-вторых, для него успех - “материальное и совершенно земное понятие.” В то же время “не следует воспринимать это чересчур грубо. Человек, живущий хорошо, живет не только богато. Богатство без уважения, без любви людей, да еще приправленное смиренным крохоборством, оборачивается жалким прозябанием. Преуспеванию обычно сопутствуют деньги, но для подлинного успеха надо проникнуть в высшее общество, причем так легко и свободно, словно вы принадлежите к нему по праву рождения...” (там же, с. 61-62).

\*\*\*

Своеобразный портрет человека успеха отражен в компендиуме “философии преуспевающих” Н.Энкельмана<sup>49</sup>. Среди

---

<sup>49</sup> См. кн.: Преуспевать с радостью / Н.Энкельман. Молитвенник для шефа / М.Биркенбил - М.: СП “Интерэксперт”, Экономика, 1993, с.12.

его характеристик (вроде того, что “преуспевающего человека узнают с первого взгляда. Сразу видно, что в нем “что-то есть”, чувствуется, что он несет в себе творческий заряд”, что “у него открытый взгляд; уже после первых его слов ясно, что он способен добиться превосходных результатов”, что такой человек “принадлежит к людям, которые рано или поздно с неизменной уверенностью поднимаются к вершинам”, и т.п.) с точки зрения нашего очерка интересны такие черты: “он овеян определенным духом; это дух инициативы, мужества и радости труда” и “он верит прежде всего в движущую силу, которая исходит от великих целей”.

\*\*\*

А вот несколько версий отечественного портрета человека успеха. Правда, первый из них, скорее, портрет-антипод, это черты человека, отторгающего модель успеха, - прежде всего, успеха в его связи со смыслом слова “*успеть*”, - но, тем не менее, представляющий материал, вполне соответствующий нашей задаче.

Речь идет о рассуждениях Г.Гачева на тему “Я - советский человек. И не знаю другого образа...” (НГ, 29.01.94). Автор пытается дать себе и читателю образ “советского отпечатка” в себе, проявление “космоса советской цивилизации”: “вглядываясь в себя, я познаю организм, выросший на почве и в среде этой цивилизации, а значит - и ее саму в некотором аспекте”.

Вспоминая советские времена, Г.Гачев отмечает, что советский человек был ограничен в *Пространстве* - *каждый* не мог ездить за границу, а человек Запада хотя и не ограничивался в Пространстве, “зато - раб Времени” (автор напоминает, что формула “время - деньги” является основой западного стиля жизни). “Мы же более сразу в свободно-человечески-жизненном стиле Времени на советчине обитали: не убивались на работах, дрожа за завтрашний день, *не имели* стрессов и спешки, *и критерия “У-СПЕХА” обязательного* (разрядка наша - авторы). “Хочешь жить - умей вертеться!” - это их принцип. А у нас можно было жить - не суетясь и не вертясь: не прытко, а плавно, в темпоритме собственного достоинства, даже если не богат ты”.

“Да, я как советский человек, - продолжает свои сравнения автор, - с замедленными реакциями, не приспособлен к состязанию-конкуренции Рынка. Но зато приспособлен к тишине, сосредоточенности, вниманию - Бытию, Духу, Красоте, Творчеству. “Служение муз не терпит суеты”, а ситуация - атмосфера Рынка и *гонка за*

*успехом - это зуд и суета, мелочное раздражение и волнение”*  
(разрядка наша - авторы).

\*\*\*

Примечательно, как главный редактор журнала “КомаNDор” А.Кучеренко во вступительной статье ко второму номеру за 1993 год рассказывал, что после первой разведывательной акции одноименной с журналом газеты - заявления о том, что российские яппи (то есть молодые городские профессионалы) существуют, - журнал нашел неожиданно для него самого множество подтверждений этому факту. Неожиданно - не из-за неверия в то, что в России пришло время нового поколения - “молодых и амбициозных, делающих свое собственное дело вне зависимости от того, что сегодня утром сказал телевизор”, а лишь в том смысле, что делают свое дело “уже сегодня, и не один-два, а все больше и больше”.

На свой же собственный вопрос “Откуда они взялись?” автор отвечает: “оттуда, откуда мы их и ждали. Это - люди поколения, которым уже не обещали даже коммунизма. Они прочитали все, что нужно, выучили все, что оказалось ненужным, и встретили новую российскую эпоху с твердым знанием: нет ничего ценнее их самих. И нашей свободы. А свобода там, где самостоятельность. Поэтому молодые и амбициозные сами, без протекции, занимают места, связанные с ответственностью. Те места, где “back stops here” - по любимому выражению президента Трумэна, взятому из карточной игры, это значит, что игрок не переадресовывает ход следующему по часовой стрелке, а отбивается сам”.

На не заданный самому себе вопрос о том, кого именно можно отнести к яппи, автор отвечает: “яппи - это первое лицо в фирме; человек, возглавляющий какой-либо участок ее деятельности и сам принимающий на нем решения - тоже яппи. И просто предпринимательство, и производство, финансы, реклама, сервис - вы никогда не замечали, как много молодых и вполне профессиональных мужчин и женщин двигают вперед эти сферы?”.

И, наконец, предупреждая вопрос о “моральном облике”:  
“Конечно, некоторые черты в яппи могут показаться мало-привлекательными. Они, видите ли, эгоисты до мозга костей. Мало того, они еще снобы, пижоны, деспоты для подчиненных, у них узок кругозор и безграничное самомнение. Ничего себе, героев мы воспеваем? ..Есть еще очень милые черты, свойственные именно русским яппи. В России, где идеи всегда были сильнее вещей, они самые настоящие идеалисты в своем эгоизме, романтические

приверженцы частной собственности. Потому что для того, чтобы хоть что-нибудь сделать в этой стране, мало быть реалистом. Надо быть командором “в панцире железном”, высаживающим свою экспедицию на незнакомом и зловещем берегу”.

\*\*\*

И еще один контурный портрет человека успеха, но созданный методом “от противного”. В статье, посвященной ТВ-героям в той модели успеха, как ее пропагандировал концерн “Гермес”, Ю.Богомолов зафиксировал противоположность двух типов телевизионно-рекламных героев успеха. Первый - в цикле о Лене Голубкове. Знаменитый “халявщик” Леня Голубков персонифицировал, как нам представляется, модель Удачи. И в этом смысле он оказывается (как мы полагаем возможным интерпретировать Ю.Богомолова) “меньшим злом”. “И чего все так взъелись на Леню Голубкова... Реклама была дурацкой, наглой, но беззлобной. И даже доброжелательной: простой российский экскаваторщик заработал на скупке и перепродаже акций, купил жене сапоги, хотел прикупить недвижимость в Париже, да раздумал... То была обыкновенная история обуржуазивания российского пролетария (“прола” - по Оруэллу). Сентиментально-комедийная к тому же”.

Собирательный герой “Славянского цикла” концерна “Гермес” принципиально отличается от Лени Голубкова - акционера “МММ”. Отвлекаясь от “буйства красок, бутафорских доспехов, древнеславянского слога и чеканного дикторского громогласия”, Ю.Богомолов приходит к следующему выводу о природе модели успеха в “Славянском цикле”. “Гермесовский акционер и славянин на поверку - ксенофоб, хвастун, прелюбодей, помешанный на своей богоизбранности, человек, одержимый манией величия и преследования одновременно. *Самоутверждается он тем, что других уничтожает* (разрядка наша - авторы). Ему мало победить в открытом соперничестве, ему надо переспать с женой соперника. Ему недостаточно, чтобы родной рубль окреп, ему хочется, чтобы чужестранный доллар обратился в плен. Чтобы американский банкир не просто разорился и пошел по миру, но в лакейской ливрее подобострастно изогнулся перед ним, русским клиентом русского ресторана. Ему особенно хорошо, когда иноверцу особенно скверно”<sup>50</sup>. Выделенного курсивом лаконичного замечания достаточно, чтобы

---

<sup>50</sup> Богомолов Ю. Концерн “Гермес” превыше всего”// Московские новости. 1994, № 44.

понять специфику описываемой модели с точки зрения сравнения различных образов успеха.

\*\*\*

Коллаж? Фоторобот? И то, и другое? Возможно. Но все же вполне отчетливо наметились вопросы, которые стимулируют последующее изложение наших представлений о феномене человека успеха. Но прежде чем эти вопросы сформулировать, напомним известное стихотворение Бориса Пастернака.

Быть знаменитым некрасиво.  
Не это подымает ввысь.  
Не надо заводить архива,  
Над рукописями трястись.

Цель творчества - самоотдача,  
А не шумиха, не успех.  
Позорно, ничего не знача,  
Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,  
Так жить, чтобы в конце концов  
Привлечь к себе любовь пространства,  
Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы  
В судьбе, а не среди бумаг,  
Места и главы жизни целой  
Отчеркивая на полях.

И окунаться в неизвестность,  
И прятать в ней свои шаги,  
Как прячется в тумане местность,  
Когда в ней не видать ни зги.

Другие по живому следу  
Пройдут твой путь за пядью пядь,  
Но поражения от победы  
Ты сам не должен отличать.

И должен ни единой долькой  
Не отступаться от лица,  
Но быть живым, живым и только,  
Живым и только до конца.<sup>51</sup>

Не грешно ли комментировать стихотворный текст? И все же. Казалось бы, поэт настроен “антиуспешно”. Но мы увидели в этих строках скорее кодекс человека, *понимающего* опасность *вырождения* успеха. Действительно, “цель творчества - самоотдача”, а претендовать на успех, “ничего не знача”, несомненно, позорно. И, конечно, не столько самооценка, сколько оценка других должна помочь отличить поражение от успеха. А главное - жить “без самозванства” и “не отступаться от лица” (вспомним гегелевское “Будь лицом!”).

Но это меньше всего можно интерпретировать как отказ от стремления к достижениям - самоотдача ведь выражается именно в достижениях. И не отказ от признания - лишь бы погоня за ним не стала самоцелью. Мы так прочитали поэта! А вы, читатель?

Итак, основной вопрос в итоге нашего коллажа: можно ли рационально обсуждать проблему успеха вне обостренного внимания к достижительной парадигме деятельности? Нельзя не различать, с одной стороны, удачу, везение, фортуны, а также или патерналистски отмеренную долю благ при всеобщем распределении, или, наконец, просто сам по себе хороший труд и полезный его результат - и, с другой стороны, собственно достижения человека, его личную (или коллективную) победу. Речь идет об успехе (победе), отражающем (а) намеренность достижительной мотивации, (б) эффективность иницированных действий, (в) индивидуальную ответственность как за успех, так и за неуспех, значимые как для субъекта деятельности, так и для общности и общества в целом, (г) оценку цели и средств достижительной деятельности как самим ее субъектом, так и со стороны сообщества.

Собственно, этой проблеме посвящена большая часть наших предшествующих и последующих рассуждений. В сжатом виде мы попытаемся предварительно сформулировать свой подход в следующем фрагменте этого параграфа.

Но прежде - еще одно замечание. Операции с размытыми понятиями привлекательны лишь до определенной поры. С самого начала не может не вызвать настороженного отношения

---

<sup>51</sup> Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. - Классики и современники. - М.: Худ. лит., 1988, с.441-442.



расплывчатость и избыточная экспрессивность понятия "успех", применяемого в его социально-гуманитарном измерении, - в то время как в праксиологических, системологических и т.п. аспектах ситуация с этим понятием, разумеется, прозрачнее. При этом, в рамках социогуманитарного подхода несколько меньше тревожит неопределенность понятий "деловой успех" и "профессиональный успех", и намного больше - обращение к трудно операционализируемому понятию "жизненный успех".

Весь категориальный ряд понятий, с помощью которых познается феномен успеха, особенно жизненного успеха, относится к числу понятий, сущностно оспариваемых (по определению У.Б.Гэлли): их значения и критерии применения постоянно открыты для обсуждений и пересмотров, их содержание не определено и, возможно, неопределимо в принципе. И это относится к большинству понятий, обращенных к мировоззренческим аспектам жизнедеятельности человека (призвание, назначение, замысел жизни, смысл жизни, жизненный проект, счастье и т.п.).

В то же время такая констатация не означает эпистемологического пессимизма, бесперспективности обсуждений и поисков взаимоприемлемых - для всех участников дискуссий - мнений. Впрочем, дорогу осилит идущий!

*У состоявшегося человека  
есть своя модель переживания успеха.*

Успех - это качество человеческой деятельности, характеризующее такие ее структурные элементы, как смысл, мотив, цель, средство - а не только результат, как это нередко представляется. При этом отрыв аксиологического и праксиологического измерений друг от друга провоцирует как социокультурный, так и собственно нравственный риск отчуждения (смысла - от результата, ценности - от эффективности, добра - от пользы и т.д.).

Человек успеха ориентирован не просто на утилитарные цели, но на вдохновляющие цели экзистенциального свойства, цели, принадлежащие к уровню базовой ценности человеческого существования, цели, вполне способные встать в ряд с такими основными феноменами бытия человека, как труд, игра, любовь, смерть, господство. Поэтому успех не может не быть самоценной мотивацией человеческой деятельности, благом среди благ.

И все же подчеркнем еще раз, что успешная деятельность акцентирована рационально осознанным стремлением именно к достижениям. При этом достижениям, поддающимся измерению с помощью достаточно объективных критериев оценки, характери-

зующих жизненный путь человека вообще, ситуацию его нравственной жизни - в том числе и особенно.

“УСПЕВАТЬ, успеть в чем, иметь успех, удачу, достигать желаемого...Успеть куда, поспеть, быть к сроку... Успешное дело, с успехом, удачное. ...Успешник - успешный делатель, у кого работа спорится”. Так определяет успех словарь В.Даля.

Выделим первый штрих: в словаре Даля ведь нет самого слова “успех”. Вместо (!!) него - *успевать*. Успешен тот, кто *успел*? Успел достигнуть желаемого? Всего, что желал? “По жизни”, видимо, так и есть. Но для нашего исследования важно еще и мировоззренческое содержание успеха: “успеть” *в чем?*

Интересно в этой связи наблюдение журналиста М.Поздняева<sup>52</sup>. “Накануне осени, в праздник Успения пресвятой Богородицы, выходя из храма Успения в Гончарах”, недалеко от своей редакции услышал он от сидящей на паперти старушки: “С успехом тебя!”. “Возможно, - рассуждает автор, - на бабкин слух так звучит слово “Успение”, а, возможно, она порадовалась, что служивый в тревогах мирской суеты не забыл-таки в светлый день в церкву зайти. Но с этим ее пожеланием как вышел на улицу, так до сих пор и хожу”. Ходит, потому что подумал: “УСПЕТЬ - не смысл ли это жизни? ... Успеть - то, для чего рожден. А потом сложить успокоенные руки. Поза Богородицы на иконе Успения...”.

Выскажем полемическое возражение такому образу успеха, который выражен уже в названии этого текста. “Привычное дело успеха” - называет журналист свой очерк. И рассказывает о ситуациях вполне патриархального образа жизни. “Спасибо, милая старушка, за поздравление. Только я, грешник, его не заслуживаю. Не управился до праздника со своим квартирным ремонтом. И, кажется, малость осталась: кой-где подкрасить, кой-чего прибить, шкафы собрать, книжки расставить ... но разве ж это малость - для тех баб и мужиков, что на фотографиях Руслана Ямалова (текст иллюстрирован этими фотографиями - авторы), для моей малочисленной деревенской родни, для живущих во всех наших селах и деревнях: они - успели, я - нет...”. И тем, кто еще “*не успел*”, автор дает совет: “приглядитесь к башкирским землякам фотографа Руслана, подумайте о своей родне, обо всех, кто нас кормит, для кого успех - привычное дело, а не лоторея либо ловкая банковская операция. Успеха всем - не такого, от которого голова кругом, а такого, когда, греясь на завалинке на

---

<sup>52</sup> Поздняев М. Привычное дело успеха // Общая газета. 1996, № 38.

остатнем сентябрьском солнце, вдруг произносишь вслух: “Вот и лето прошло. Слава те, Господи!”.

Да, вполне спорен распространенный тезис о том, что Америка - это страна “шумного” успеха, а Россия якобы - страна успеха “бесшумного”. Скорее, и там, и тут “шумят” нувориши, люди, еще не уверенные в прочности своего положения. И все же “тихость” - еще не обязательно именно успех, привычка может быть трудовой, но при этом без осознанной ориентации на ценность успеха, без установки на *достижение*.

В современных психологических работах, наряду с исследованиями способности человека ставить жизненные цели, зависимости полноты самоосуществления от этой его способности (Ш.Бюлер), и антигомеостатической идеей самоактуализации как результата осуществления смысла (В.Франкл) и т.п., в два последних десятилетия на приоритетное место вышла проблема *мотивации достижения*<sup>53</sup>. Исследователи выделили *синдром "потребность в достижении"*.

Так, в классическом труде Дж.Аткинсона "Введение в теорию мотивации" различается стремление к *достижению успеха* и стремление *избежать неудачи*. И то и другое автор характеризует, во-первых, с точки зрения определенной силы, зависящей от интенсивности стремления к успеху, степени опасения неудачи; во-вторых, с точки зрения вероятности успеха и неудачи, которая зависит от степени подготовленности индивида и указывает на трудность достижения поставленной цели; в-третьих, с точки зрения ценности и привлекательности успеха и неудачи - чем больше вероятность успеха или чем легче задача, тем менее ценен успех и, наоборот, с уменьшением шансов на успех растет его привлекательность<sup>54</sup>. На основе этой теории современные исследователи предлагают строить прогнозы поведения индивида с определенной силой того или иного стремления в выборе задач с различным уровнем риска<sup>55</sup>. Без освоения такого рода исследований трудно составить современное

---

<sup>53</sup> См. об этом: Толстых А.В., Толстых Н.Н. Победитель не получит ничего // Этика успеха. 1996, вып.8.

<sup>54</sup> Atkinson J.W. An introduction to motivation. - New York, 1964.

<sup>55</sup> См.: Zuckerman M., Allison S.N. An objective measurement of fear of success: Construction and validation // Journal of Personal Assessment. 1976, <sup>1</sup> 40; Simmons C.H. et al. Success strategies: winning through cooperation or competition // Journal of Social Psychology. 1986, <sup>1</sup>126, с.352-353.

представление о феномене успеха - в его отличии от труда, хорошей работы, эффективной деятельности, значимого результата и т.п.

*Состоявшаяся* личность (*“Состояться, исполниться, сбыться, свершиться”* - В.Даль). В этой характеристике, на наш взгляд, суть образа человека успеха. В сегодняшней ситуации состоявшийся человек - это социально-нравственный тип прагматически ориентированного профессионала, который, не соблазняясь манящей славой шумного успеха, именно своими достижениями заслужил право именоваться таким эпитетом. И нет в этой оценке ни проворной погони за славой, ни “счастливого случая”, чудотворного везения. Профессиональный успех долговременен и, безусловно, является делом личного выбора и ответственности. Особо значимо то, что “состоявшиеся” достигли достаточно ощутимых результатов в жизни, чтобы задуматься о будущем всей страны.

В чем, например, состоялся успешный педагог? “В личностях учеников. Они пошли по миру дальше учителя, но от того, что ученики оказываются сильнее его, мудрее его, умнее его, он испытывает сорадование”. Поэтому “критерий сорадования - это принципиально важный критерий профессионала”. Не привычное сострадание в беде - к этому многие способны, но именно *со-радование*. “По сути дела, сорадование поколению других людей - это критерий профессионального сообщества педагогов”<sup>56</sup>.

В том же экспертном опросе его участник предприниматель О.В.Киселев считает своим успехом то, что он родился “не слишком рано и не слишком поздно”: “это главный мой успех: родился *вовремя*”. “А может быть это все же удача?” - спрашиваем мы эксперта. “Вполне может быть, - отвечает О.В.Киселев, - но тогда “пусть это будет удача, которая является как бы основой успеха”. В чем же конкретно заключается удача? Удача нашла *человека, стремившегося состояться*. “Я чувствовал в себе достаточно сильный, как я сейчас только понял, частнособственнический инстинкт. Но не в смысле инстинкта накопительства, - я не считаю себя жадным человеком, - а в том смысле, что во мне росло очень сильное желание вспахать своё собственное поле. Своё, и чтобы никто на это не посягал. Неважно, чем я его засеваю, хотя бы и ананасами - в Рязанской области - фигами, финиками. Это моё, и я

---

<sup>56</sup> Асмолов А.Г. Позиция, противоположная гениальной песне по имени “Интернационал” // Апология успеха: профессионализм как идеология российской модернизации. Материалы экспертного опроса / Под ред. В.Бакштановского, Г.Бурбулиса, А.Согомонова - Тюмень-Москва, 1994, с. 73.

хочу иметь результат своего труда. ...Я мог двигаться как мне хочется. И я выбрал для себя свободный полет"<sup>57</sup>.

Состояться - значит *успеть* состояться. И потому справедливым будет весьма взвешенное отношение к уверенному тезису "лучше поздно, чем никогда". Представляется уместным замечание И.Ведина о том, что эта поговорка имеет смысл лишь при трех оговорках. "Во-первых, не так уж редко бывает, что лучше как раз никогда, чем поздно. Во-вторых, если действительно поздно, так уж лучше никогда. Наконец, как это знать, уже поздно или еще не поздно? И кому это вообще дано знать? Разные могут быть варианты соотношения жизненного старта, промежуточных и конечных результатов"<sup>58</sup>.

Но не следует ли из того, что тот, кто "успел", чуть ли не автоматически заражен психологией временщика? Как раз напротив. А для подтверждения нашего тезиса вернемся еще раз к портрету состоявшегося педагога, каким его представил в уже упомянутом экспертном опросе А.Г.Асмолов. Эксперт рассказывает о своей работе под Уфой в Белорецке, где столкнулся с людьми, работающими над программой "Одаренные дети". "И во времена Брежнева, и во времена Горбачева, и во времена Ельцина Роман и Вениамин Хазанкины, уникальные учителя-новаторы, развивали культурно-образовательный комплекс, выращивая ребят-математиков из самых разных городов и сел Башкирии. И это не просто ребята, которые всегда брали призовые места; на наших глазах вырастает могучий слой интеллигенции.

Прагматичны ли Хазанкины как миссионеры и новаторы образования? Да, прагматичны. Ориентируются ли они поэтому на цели, совершенно не временные? Да. И я выделяю эту особенность их цели: вневременной характер. Если сказать жестче - отсутствие психологии временщиков. Для рассматриваемого в моей экспертизе слоя профессионалов в сфере образования характерно, что этот слой (он - опора в культуре) несет свои идеи и цели всерьез и надолго"<sup>59</sup>.

Автор говорит о состоявшихся педагогах, об их профессиональном успехе. А как связаны такие виды успеха, как жизненный, деловой, профессиональный?

---

<sup>57</sup> Киселев О.В. Я родился не слишком рано и не слишком поздно // Апология успеха..., с.13-14.

<sup>58</sup> Ведин И. Теорема личности. - М., 1988, с. 35.

<sup>59</sup> Асмолов А.Г. Позиция, противоположная гениальной песне по имени "Интернационал" // Апология успеха..., с.71-72.

| *Жизненный успех:  
возможно ли “главное содержание”?*

Многообразие сфер жизни, в которых человек хочет и может преуспеть, очевидно, как очевидна и возможность самых разных классификаций этих сфер. Приведем здесь в качестве примера два подхода, весьма типичных для советской и зарубежной классификаций.

Большинство людей колеблются при ответе на вопрос, что в жизни они считают важным, отмечает немецкий психолог Вера Ф. Биркенбиль. “Множество аспектов жизни проносится у них в голове, но прежде чем они успевают их назвать, в сознании появляются уже другие... Но когда ставится вопрос: “Как идут ваши дела?”, мы обходим этот механизм. В этом случае ваш ответ автоматически относится к одной или нескольким наиболее важным сферам жизни”. Поэтому автор предлагает человеку, стремящемуся к успеху, соотносить желание иметь успех с такими ключевыми, на ее взгляд, областями жизни: здоровье, хорошее самочувствие; настроение в данный момент; актуальная финансовая ситуация этого человека; семья, друзья, партнеры; возможность заниматься интересным делом; ощущение успеха; прочее<sup>60</sup>.

Обратим внимание как раз на “прочее”. Предлагая читателю самоопределение к названным шести пунктам, допуская выбор сразу нескольких из составляющих перечня, этот пункт читателю предлагается сформулировать самостоятельно (“Для меня успех в жизни означает главным образом ...”). А так как читатель этой книги сам решил, что для него важно, “это не составит труда” (с. 10).

Рассматривая основные трудности в обсуждении вопроса “Успех в жизни: подлинный и мнимый”, И.Ведин отмечал, что не только понятие “успех”, но и понятие “жизнь человека” многослойно: деятельность трудовая и общественная, политическая и культурно-бытовая, “наконец, личная жизнь”. И полагает, что конструктивность оценок требует, чтобы речь шла не об успехе “в отдельных, наугад взятых видах деятельности”, а об успехе “в тех видах деятельности, которые составляют *главное содержание* жизни”. А так как “главное содержание жизни одного человека может составлять то, что не только главным, но и второстепенным содержанием для другого человека не является”, И.Ведин приходит к выводу о том, что вопрос об успехе в жизни - это “в сущности, вопрос об успехе в той ее сфере, которая

---

<sup>60</sup> Биркенбиль В.Ф. Как добиться успеха. - М., 1992, с.8-10.

объективно, а не в нашем воображении, является главным смыслообразующим фактором человеческой жизни и деятельности»<sup>61</sup>.

В этой связи попытка проявить критерии *подлинного* успеха, акцентировать часто незамечаемые человеком *другие измерения* жизненного успеха приводит автора к проблеме человека-неудачника, сочетания объективного и субъективного в оценке жизни как неудавшейся. Так, профессор Любищев (повесть Даниила Гранина "Эта странная жизнь") сам себя оценивает как неудачника, но, как пишет Гранин, "Любищев называл себя неудачником, и при этом он чувствовал себя счастливым человеком. От чего возникает ощущение счастья? У него, наверное, от полноты осуществления себя, своих способностей".

Только один комментарий к подходам, представленным в работах В.Биркенбиль и И.Ведина, комментарий в виде риторического - риторического здесь, пока, до его обсуждения в специальном фрагменте нашего доклада - вопроса: а можно ли обойтись без *главного содержания* жизненного успеха и при этом не уйти от субъективно принимаемых и общественно одобряемых критериев?

Скорее важен вопрос о преодолении скептического, а то и вовсе негативистского отношения к самой теме жизненного успеха в нашей идейно-воспитательной сфере. Очевидно, что закон успеха Паркинсона, трактуемый автором через "умение жить", для еще недавно доминирующей отечественной идеологии звучал скорее как "антизакон", ибо загружен негативными для коммунистической морали смыслами. Ведь сегодня мы еще только начинаем привыкать, что для морали гражданского общества раскавыченные слова *умение жить* избавляются от казавшейся обязательной трактовки в духе сугубо циничной, откровенно эгоистической стратегии жизненного успеха и в действительности связываются прежде всего с мерой овладения человеком наитруднейшим из искусств - "искусством жизни". Привыкаем, но с трудом.

Еще не так давно рубрика "Литературной газеты" с характерным названием "Успех в жизни - подлинный и мнимый" (№№ 25, 29, 30, 34 и т.д. за 1981 г. и №№ 5, 10, 14 и т.д. за 1982г.) с большим трудом пыталась бороться за моральную реабилитацию понятия "успех". Так, например, предметом полемики оказался фактически вопрос-дилемма о соотношении личных и общественных интересов, а прагматическая составляющая проблемы акцентировалась лишь вокруг нравственных достоинств людей непрактичных, обреченно

---

<sup>61</sup> Ведин И. Теорема личности. - М., 1988, с. 32-33.

проигрывающих в борьбе со злом, лишенных предприимчивости и т.п. Иначе говоря, вопрос "как?" в его отношении к успеху если и ставился, то, скорее, в отношении к судьбе людей, проигравших в борьбе.

Разумеется, и этот ход вполне правомерен. Так, драматург А.Гельман проанализировал нравственное содержание поведения людей после поражения, людей, которые "обращают поражение в опыт, в новую энергию, в бойцовскую мудрость. Они становятся еще более последовательными и негибкими противниками лжи и несправедливости, корыстолюбия и невежества"<sup>62</sup>.

Примерно в то же время образцовой считалась такая своеобразная критическая позиция в отношении зарубежной "науки успеха", что ее стоит процитировать. "В Соединенных Штатах Америки издана книга под названием, кажется, "Сто путей к успеху". Не берусь судить о достоинствах и недостатках ее советов - книги той не читал, - но сам факт, что путей так много, свидетельствует о явной ненадежности, маловероятности, исключительности каждого из них. А у нас путь всегда один, зато очень верный: с достоинством шагать по жизни, чувствуя пульс времени, откликаясь на заботы страны, много и честно трудиться - и несомненно придет успех", - писал А.Салуцкий в книге с характерным названием "Уметь жить!"<sup>63</sup>.

Оставим эту инвективу без комментариев.

*Симметрия и асимметрия  
делового и профессионального успеха.*

От попыток понимания места жизненного успеха в системе ценностей, в самореализации личности, ее духовном возвышении ("карьера духа" и общественное богатство) перейдем к выделению из интегрального понятия жизненного успеха понятий успеха делового и профессионального.

Прежде всего следует отметить справедливость замечания Л.А.Аннинского, который в одном из наших экспертных опросов заявил, что "жизненный" успех в России с "профессиональным" и "деловым" как бы "разъезжается", потому что "от веку на Руси легче было друг с другом "по жизни" договориться, чем "по делу" сотрудничать. Профессия тебя из кучи выделяет, кучу расслаивает, структурирует; профессия холодна и безжалостна. А жизнь в кучу

---

<sup>62</sup> Гельман А. Гарантия победы // Литературная газета. 1984, №33, с.12.

<sup>63</sup> Салуцкий А. Уметь жить! - М., 1980, с.33.



вваливается, в теплую, живую, стадную, нерасчлененную, спасительную. Пропадать - так уж всем миром”<sup>64</sup>.

А теперь акцентируем вопрос о симметрии/асимметрии делового и профессионального успеха. Точнее - именно об асимметрии, более распространенной в современной отечественной практике. Так, по мнению одного из экспертов нашего консультативного опроса об успешном профессионализме Ю.В.Казакова, “расхожая формула “деловой успех” практически вытеснила из языка успех именно профессиональный”<sup>65</sup>. В своей гипотезе автор предполагает, что “в экстремальной полосе смены эпох, слома старой социокультурной модели, выяснилось, помимо прочего, что “деловой” успех - не симметричен (и тем более не идентичен) профессиональному. С точки зрения ценностей эпохи “перехода”, “деловой успех” - это успех в том конкретном деле, которым ты сегодня обеспечиваешь себе как минимум сносную жизнь: независимо от того, в своей ли профессии “вкальываешь”.

“Деловой” в современном лексиконе, особенно молодежном, - это “достигший” или “способный достичь” определенного уровня: силы, влияния. Не обязательно интеллектуально подкрепляемого, но замещенного на воле иметь деньги, намерении и умении делать именно их, делая “нечто”.

Именно превращение денег, видимого “богатства” (пусть и в начальной его, нецивилизованной форме) из фактора, сопутствующего успеху, в фактор “критериальный”, определяющий само присутствие успеха (а с ним и моральное самочувствие, положение в обществе, степень независимости) как зримое, осязаемое мерило незрешности усилий индивидуума, - провело резкую черту между “деловым” и “профессиональным” видами успеха” (с. 56).

Разумеется, эта ситуация не отменяет полноценного содержания Дела и делового успеха как такового. Характеристика современной цивилизации как *цивилизации достижений*, акцентирование в такой цивилизации места ценностных ориентаций на жизненный успех и успех деловой, значимая роль конкурентных, соревновательных и кооперативных начал в обществе развития и риска возвышают служение Делу и ответственность перед ним. Дело в таком подходе погружается в контекст агональных культур, актуализируется библейская и вообще религиозная традиция, особое внимание

---

<sup>64</sup> Аннинский Л.А. Успех по-русски? // Этика успеха. 1994, вып.3, с. 113-116.

<sup>65</sup> Казаков Ю.В. “Успешный” - значит “выживший”: через движение? // Апология успеха..., с. 55.

принадлежит Делу в духовном контексте модернизационного процесса.

Вместе с тем Дело неразрывно связано с генезисом профессии, с профессиональным Призванием и Успехом на этом поприще, так как из этой лакуны прежде всего и вырастает Этика делового успеха. Наиболее выразительно природа делового успеха проявляется в политической жизни, в деятельности хозяйственной (труд вообще, предпринимательство особенно), профессиональной, в управлении, в комплексе социально-педагогической деятельности.

Исследование российской модели делового успеха - задача, которую еще только предстоит решить. Но уже сейчас несомненно, что невозможно эту модель вырвать из общецивилизационного - исторического и современного - контекста. Этот тезис относится как к классическим, так и к неклассическим идеализированным моделям успеха, как к локальным (национальным и региональным), так и к универсальным.

В этом плане еще предстоит заново познать не только парадигмальную смену доктрин успеха на протяжении двух последних столетий, секуляристское и религиозное оправдание материального успеха через концепцию Служения и т.д. Наряду с западными образцами делового успеха (протестантская этика, "американская мечта" и т.п.), предстоит исследовать и модели незападного происхождения. Проблема - диалог культур, соотнесение культуроцентризма в формировании различных образцов успеха с универсальным субъектом выбора в гражданском обществе. Особое значение имеет внутренняя динамика культуры делового успеха в связи со становлением постиндустриальной, информационной, глобальной и т.п. цивилизации, о чем еще предстоит разговор в третьем разделе доклада.

Мы исходим из того, что современные отечественные модели делового успеха наследуют дооктябрьскую и советскую традиции. Исключительно важно понять нарождавшиеся в дореволюционной России модели успеха, философию хозяйствования в контексте различных этноконфессиональных культур. Мало изучены и противоречивые ориентации на Дело в границах советской истории: с одной стороны, они связаны с культом пассивной исполнительности, с другой - с активистскими идолами успеха. Но это только полярные позиции, не исчерпывающие всего континуума. Среди важнейших тем поиска - идеологемы коллективного успеха и место индивидуалистических моделей в патерналистски ориентированном обществе. Многого мы не знаем о "науке успеха" в административно-командной системе. О мифологии бесчисленных починов, о морализаторском кре-

тинизме официальной идеологии успеха, о нравственных коллизиях "бескорыстных преступников", о конфликтах "нового освоения" и т.п.

Разумеется, современная отечественная история - центр внимания необходимых исследований. Способны ли сегодняшние и завтрашние триумфаторы вынести бремя генов советской модели успеха? И более трудный вопрос - о пределах проницаемости общецивилизационной ценности успеха в современный российский менталитет в обстоятельствах мифологизации рынка, доминирования посреднического капитала над производительным, неразвитости политической культуры.

Особая проблема - процесс *культивирования* ценности успеха. Здесь интересны и причины популярности карнегинства, и аргументы сторон в полемике по поводу тезиса о том, что "православию не годится протестантский капитализм", и проявления "деидеологизации" Дела в программах современных "школ успеха", и многообразие сценариев постперестроечных установок и критериев успеха.

*Профессиональный успех как  
универсальный мотив самоидентификации  
мобильной личности.*

Переходя к проблеме профессионального успеха, обратим внимание на то, что сегодня "профессионализм" и "успех" - понятия, которые мы в их отдельности столь часто и с такой непринужденной легкостью используем в обиходной речи, в своем сочетании нередко воспринимаются как чуждый нашему уху языковой феномен.

Возможно, причина этого в том, что достижение профессионального успеха хотя и рефлексировалось в нашем "советском" обществе даже в качестве витальной ценности, но сопровождалось таким количеством социальных преград и табу, что этот, вполне нормальный для цивилизованного общества, смысложизненный идеал был подвергнут кардинальной гиперсоциализации и, в конечном счете, выродился в причудливый этатистский псевдоканон, лишенный как метафизических оснований, так и всякого смысла для приватной жизни людей.

Критерии успешности и профессионализма формировались не в профессиональных сообществах, а спускались как бы "сверху" и "по инстанциям". Стандарты успешности и профессионализма были, во-первых, заниженными (условно говоря, довольствовались "тройками", даже не "четверками"), что обуславливалось экстенсивностью модернизационных процессов и разрывом традиций интеллектуализма. Во-вторых, стандарты успешности и профессионализма были сугубо эзотеричными, но никак не универсальными, и

аккумулировались они в области "государственного человека" (по метафоре Андрея Платонова), лояльность которого к власти и господствующей идеологии была условием куда более значимым, чем любые имманентные и эксплицированные достоинства его профессиональной культуры. Отсюда и индивидуальный успех оценивался подчас с неизменной оглядкой на мнение тех, кто отвечал за "здоровый дух" в обществе, а в народном мнении иногда воспринимался в категориях несправедливого и незаслуженного возвеличивания одной личности над остальными. В результате тот, кто и заслуживал высокой оценки с точки зрения профессиональных успехов, всячески старался свои успехи не очень-то демонстрировать, а тот, кто праведными и неправедными путями все же умудрялся снискать (объективно незаслуженно) такой оценки у власть придержащих, чаще всего не получал апробации этой псевдооценки в своем профессиональном окружении. Словом, смысл и значение понятия "профессиональный успех" если и не были кардинальным образом окончательно извращены, то, фактически, всегда "симулировались" как в рамках всего общества, так и в узколокальных профессиональных кругах. Долго так продолжаться не могло.

Нормально устроенное современное общество выдвигает ценность профессионального успеха в число наиболее значимых социокультурных установок человека. В таком обществе профессиональный успех выступает не только универсальным критерием оценки любой личности, но и универсальным социопсихологическим мотивом и первоосновой для полновесной самоидентификации мобильной личности.

Вряд ли кто усомнится в том, что трансформация сегодняшнего российского общества представляет собой нечто большее, чем деформацию старого "советского" общества, хотя, видимо, еще долго будет реализовываться стратегия именно деформации. По крайней мере, до тех пор, пока самым принципиальным образом не начнется переоценка ценностей и культурных стереотипов, бытующих в нашем посттоталитарном пространстве. И этот процесс уже идет: общество действительно обретает новое качество, освобождаясь от незатребованного современными условиями "старого" культурного багажа. Вероятно, что *реабилитация* ценностей успешного профессионализма должна стать в этом процессе одним из приоритетных направлений<sup>66</sup>.

---

<sup>66</sup> См. подробнее: Бакштановский В.И., Согомонов А.Ю. Миссия успешного профессионала (введение в гуманитарную экспертизу) // Апология успеха..., с.7-11.

| Удачливым ты можешь и не быть.  
| Успешным быть - обязан.

Соотношение *успеха* и *удачи* как одна из важных линий в характеристике феномена успеха может рассматриваться в нескольких аспектах. Один из них - характеристика неудачи. Во-первых, неудача может трактоваться как временный неуспех, что позволяет говорить о "неудаче как стратегии успеха", об "энергетике неуспеха", о "молодости как метафизической неудаче" и т.п.<sup>67</sup>

Во-вторых, "неудача" может трактоваться как положительный итог намеренного и принципиального уклонения от ориентации на успех, от стратегии успеха. Например, свои критические размышления о нравственном смысле успеха Н.Покровский начинает с понятия ... "неудачник". "Прямо фантастика какая-то: какую газету или журнал ни откроешь, всюду статьи, авторы которых несколько обиженно, но не без скрытого пафоса защищают эту самую стратегию успеха и столь же затаенно-обиженно не понимают, почему еще не все полностью разделяют их глубоко позитивное восприятие достижений последних лет".

А об "удачниках" и "неудачниках" еще нужно поспорить, - полагает автор. "Не так все здесь однозначно. Совсем не однозначно, как нас порой хотят уверить". "Вот, например, Обломов, разве он неудачник?" - спрашивает Н.Покровский, не выделяя разницы между "уклонистом" от успеха и собственно "неудачником". "Прожить жизнь, не совершая подлости, не во лжи, разве это неудача? Конечно же, все хорошо известные обломовские недостатки и пороки были продолжением его достоинств. Это верно. Кто будет с этим спорить! Но ведь были, в конце концов, и достоинства. И были они в нем сильны".

Стремясь предложить альтернативную распространенной формуле "успех - богатство - власть - известность - популярность" свою собственную, автор представляет ее так: "постарайся не быть подлецом, невзирая на обстоятельства, которые постоянно толкают тебя в направлении подлости. Вот вам вариант формулы успеха. Все остальное, право, сиюминутно, временно"<sup>68</sup>.

---

<sup>67</sup> Тульчинский Г.Л. Неудача как стратегия успеха // Этика успеха. 1996, вып. 8, с. 28-32.

<sup>68</sup> Покровский Н.Е. Как реформировать океан? Заметки неделового человека, с.42-57.

Далее, возможна трактовка удачи как такого успеха, который не является ни плодом свободного выбора, намеренности субъекта, ни результатом эффективной реализации его достижительной ориентации, а возникает как объективное стечение обстоятельств, как фортуна и т.п. Для разведения понятий успех и удача в этом последнем случае обратимся к специальному исследованию российских архетипов успеха.

В размышлении на тему "Обретший и сподобившийся: успех и удача" В.Г.Иваницкий показывает, что успех и удача этимологически не равны: удача либо есть, либо нет (в корне - "дать", ср. "само далось"), успех же связан со сроком, ибо происходит от слова "спеть" (ср. "спелый", "поспевать"), что указывает либо на зрелость человека, либо... на умение быть расторопным, первым при раздаче благ ("В должном месте в должное время").

"Но ведь везенье - фатум. Можно и никуда не бежать: "На тихого Бог нанесет, резвый сам набежит...". "Избраннику" успех ни к чему: у него уже есть удача, ему - не к спеху. Емеля: "Я ленюсь!" Кто же он? Такой же царь, как Иван-царевич. Налицо два сценария избранничества: искать себе царства за тридевять земель, стремиться к успеху или положиться на удачу: царство само найдет избранника"<sup>69</sup>.

Наконец. Мы уже обращали выше внимание на зафиксированный в исследованиях Ю.А.Левады<sup>70</sup>, прямо включающих один и тот же вопрос респондентам: "Что нужно, чтобы добиться успеха в жизни?" в опросах ВЦИОМ 1988 и 1992 гг., вывод о том, что частота ответов "упорно и целеустремленно работать" резко - с 45 до 32 процентов - снизилась, а частота ответов "уметь вертеться" столь же резко выросла. Интересно в этой связи рассуждение автора исследования способов и стилей достижения жизненных целей В.С.Магуна<sup>71</sup> по поводу результатов, полученных Ю.А.Левадой. В статье, посвященной ценностному реваншу в современной России, В.С.Магун отметил девиантные формы проявления сдвига в сторону ценности высокой индивидуальной эффективности деятельности и подчеркнул, что это все же лишь крайние формы вполне "естественного реванша ценностей индивидуальной эффективности,

---

<sup>69</sup> Иваницкий В.Г. Архетипы успеха в русских народных сказках // Этика успеха. 1996, вып. 8, с. 16-28.

<sup>70</sup> См.: Векторы перемен: социокультурные координаты изменений // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - М., 1993, №3, с. 5-9.

<sup>71</sup> Магун В.С., Литвинцева А.З. Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е гг. - М., 1993.

которые были десятилетиями задавлены "затратной" идеологией и моралью, требовавшей от человека упорного труда и высочайшей самоотдачи и в то же время подавлявшей большинство его естественных потребностей и предлагавшей лишь минимум благ для их удовлетворения. Иными словами, речь идет о реванше интенсивных индивидуальных стратегий по отношению к доминировавшим экстенсивным"<sup>72</sup>.

Выделим и интересное наблюдение этого автора о символичности распространения в быту современных россиян тележки на колесах: "замечательно, что в этом предмете, основной частью которого является вертящееся колесо, воплощен одновременно и метафорический, и буквальный смысл популярной сегодня жизненной позиции "умей вертеться". Остается только пожалеть, что в анкетной формулировке (автор комментирует мониторинговую анкету Левады - В.Б., Ю.С., В.Ч.), идущей из прежней эпохи, она выражена в терминах, имеющих отрицательную окраску" (там же, с. 249 - 250).

*Успешность не сводится только  
к эффективности и результативности.*

Как известно, всякая человеческая деятельность (хозяйственная, политическая, воспитательная, бытовая, культурная и т.п.), а заодно и функционирование связанных с ней институтов и организаций, носит целенаправленный характер, а стало быть, заведомо "обречена" ориентироваться на достижение какого-то положительного результата. Но вправе ли мы постфактум автоматически трактовать такой результат в качестве успеха, именовать успехом?

На достижение положительного результата выводят действующие нормы, правила, уставы, регламенты соответствующих организаций, создаваемых, в конечном счете, во имя результативности. Такие нормы и правила носят организационно-технический характер, но на них накладываются некоторые специализированные нормативы (политические, если мы имеем дело с политикой, хозяйственные, если вопрос стоит об экономической жизни и т.п.), а также универсальные нормы морали, у которой нет заповедных полей и которая имеет отношение ко всем сторонам и сегментам человеческой деятельности.

---

<sup>72</sup> Магун В.С. Ценностный реванш в современном российском обществе // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. - М., 1994, с. 249.

Хотя положительный результат, само собой разумеется, достигается отнюдь не везде и не всегда, однако стремление к нему заложено в механизмы человеческой деятельности как бы изначально, присуще ей по определению. Как магнитная стрелка неудержимо влечется к полюсу, так и человек в своей многогранной деятельности повернут лицом к результату и успеху, стремится к ним - иного ему просто не дано! (Мы абстрагируемся сейчас от проблемы иррациональности в человеческой деятельности, так как рассмотрение ее увело бы нас слишком далеко от темы, а что касается, по шуточному выражению М.Светлова, "борьбы за несуществование", то за редчайшими исключениями сие не более, чем поэтическая метафора.)

Не очевидно ли, что "результат" и "успех" хотя и весьма близкие, родственные, но вовсе не равновеликие понятия. Все высказанное относительно "обреченности" устремлений к положительному результату не вызывает сомнений в силу своей тривиальности. Но представим себе такую, довольно обычную, ситуацию: кому-то поручено решение некоей задачи, сейчас не важно, какой именно. И если она решена, мы вправе говорить о достижении определенного положительного результата.

Однако нам пока ровным счетом ничего не известно относительно эффективности способа решения данной задачи, изведенных при этом времени и энергии. Только в том случае, когда обретенный результат достигнут по максимуму и при минимуме усилий, дело можно оценить как успешное. Тем более - в случае получения дополнительного, незапланированного положительного результата.

Очевидно: если задача решена в ситуации соревнования участников за лучший результат, победителя ожидают лавры успеха. Тем более, когда решение задачи потребовало не только действий по шаблону, движения по проторенной дорожке, а творческих усилий, ставки на инноватику подходов к делу, на соперничество с помощью социально значимых достижений (организационных, технологических, интеллектуальных, культурных и др.). В таких случаях даже за вполне ординарным результатом непременно высвечивают контуры успеха. Может быть не индивидуального, а коллективного (командного, кооперационного, что предполагает затраты дополнительных усилий, зато сулит и дополнительные результаты), но именно успеха.

Известную роль играет и масштаб событий. Одно дело, если результат существует в виде, скажем, в меру фривольного "успеха у женщин", совсем иное - деловой успех в предпринимательстве, в крупной политической акции или в солидном научном исследовании.



Это применимо и к частной жизни. И здесь успех превосходит случайную удачу, будучи связанным с неким радикальным событием этой жизни, с суммарной оценкой какого-то отрезка жизни, тем самым оказывается соотносимым с таким достаточно безбрежным понятием, как счастье, со всеми смысложизненными категориями.

Итак, успешной может быть только деятельность эффективная и результативная. В то же время - и может быть, самое главное - в качестве успешных (либо не успешных) оцениваются не только праксиологические аспекты человеческой деятельности, не только эффективные и результативные ее акты, но и, прежде всего, аксиологическая “составляющая” целей человека успеха. Такое уточнение означает акцентирование в оценочном содержании успеха “точки отсчета на нормативно-ценностной шкале конкретного социального субъекта, самого индивида - в том числе”. И такая оценка “задает как бы смысловой контекст дальнейших уточнений, касающихся конкретной результативности и оптимальности”<sup>73</sup>.

#### | *Деньги. Статус. Слава.*

Начнем характеристику следующей грани феномена успеха с констатации мысли, давно утратившей свежесть, но не истинность: в достижительной цивилизации техногенного типа деловой и жизненный успех отождествляются со стяжанием личностью богатства, главным образом в его денежной форме или в соответствующих эквивалентах. Чаще всего - это обретение политической власти, могущества или высокой оплаты труда, престижа или славы в результате бюрократической, политической, религиозной, военной, артистической, спортивной или иной некоммерческой карьеры.

“Деньги... Статус... Слава...”. Так Р.Хубер, автор книги “Американская идея успеха”<sup>74</sup> назвал первую главу. Пожалуй, нигде, кроме как в Америке, подобное отождествление не приобрело столь очевидного и даже гротескного характера. Там возник настоящий культ успеха и, по меткому замечанию М.Лернера, американцу гораздо проще установить, *чего он достиг*, чем выявить, *кем он является*. Пусть это кажется наивным и излишне прямолинейным, с точки зрения, допустим, европейца, но успех за океаном означает ни

<sup>73</sup> Тульчинский Г.Л. Успех и эффективность // Ведомости НИИ ПЭ. - Тюмень, 1996, вып.6, с. 38-39.

<sup>74</sup> Huber R.M. The American Idea of Success. - Pushcart Press, 1987. См. русский перевод этой главы, который мы цитируем, во втором выпуске “Этики успеха”.

много, ни мало как умение "делать деньги", и постоянно озабоченный реализацией этого умения человек обязан обратить их затем в статус, аккумулировать в престиже, популярности, на что тоже требуются особые умения по части эффективного использования денег, мастерства их инвестирования в систему культурной символики.

В этом случае, как подчеркивает Р.Хубер, успех неумолимо *объективен* и даже *безличностен*. Он регистрирует изменения на шкале статусных рангов общества посредством неравномерного распределения благ всякого рода, включая и культурные блага. Успех оказывается целью жизни и обретает самостоятельное место в ряду других жизненных ценностей, то есть сам по себе, даже независимо от того, что он дает или способен дать человеку, достигшему успеха, независимо от результата, от наград то, что выше было названо благом благ. При этом успех означает не просто состояние "быть богатым" или же "быть знаменитым" (предположим, получить все это по наследству или в качестве щедрого дара - здесь лучше подходят понятия "везение", "удача"), а именно самому добиться и того, и другого, собственными усилиями взобраться на верхние ступени лестницы социального продвижения (взлететь с помощью "стратификационного лифта").

Однако, мало ограничиться простой констатацией восхождения по ступеням богатства, карьеры, известности, шире - восходящей социальной мобильности. Успех обязательно должен быть признан другими, обрести сертификат общественного одобрения. В том числе в масштабах локальных пространств и организаций (корпораций, учреждений, служб) или рассеянных профессиональных сообществ, одобрение со стороны которых не всегда имеет широкий резонанс в общественном мнении и тем более не всегда располагает скоординированной денежной формой выражения. Не меньшую роль может играть трудноисчисляемое вознаграждение уважением, профессиональным признанием у коллег и потребителей профессионализированных услуг (авторитет юриста, врача, ученого, инженера, менеджера и т.п.), что укрепляет достоинство личности, усиливает чувство самоуважения.

В необычайно сложной, запутанной социальной структуре современного общества, в высокопрофессионализированной среде неизбежно образуется столь же сложная, плюралистическая система признаний и вознаграждений. И в ней нелегко разобраться человеку "со стороны" - трудно адекватно оценить уровень признания успехов того или иного профессионала и "человека организации". В профессиональной деятельности вообще оказались глубоко рельефными различия между экономическими и внеэкономическими

аспектами рациональности, между рациональными и иррациональными фактами детерминации деятельности и ее оценки (эти различия были специально рассмотрены Т. Парсонсом на примере медицины).

При всей объективности успеха, измеряемого по подвижной шкале разнокачественных критериев достижения, он вместе с тем и *относителен*. Более того, - во многом *субъективен*. Относителен в том смысле, что определяется через механизм социального сравнения с другими лицами, добивающимися успеха (конкурентами, соперниками, претендентами, соискателями и просто друзьями, знакомыми и соседями). Этот незримый, но чрезвычайно существенный механизм действует через постоянное сопоставление рангов и институций, которые предоставляют такой ранг (одни из них более престижны и значимы, другие - менее), через сравнение публичного признания на разных поприщах достижения (включая, между прочим, и сферу потребления, как это показал Т. Веблен).

Как мы уже говорили, эффективность и результативность вполне измеримы. Что касается успеха, то он и подвластен, но, одновременно, и неподвластен измерениям с помощью объективных критериев. В нем всегда пульсирует сильно выраженное субъективное начало, некий порыв (в оценках, в самооценках, в сопутствующих образах и представлениях). Он определенным образом вписывается в биографические лоции жизненного пути личности, используется "только для себя", что придает всей проблематике успеха экзистенциальный смысл.

Такие представления и оценки, понятно, решающим образом зависят от общего социокультурного контекста. Он просто не может не подталкивать личности, группы (команды) и организации к достижению положительных результатов их деятельности, к так или иначе поддающимся демонстрации достижениям, успехам. Притом социокультурная среда может влиять на достигательную деятельность либо вяло, либо энергично, может сопровождать ее знаками престижа, перемещениями рангового характера, помещая ценности успеха поближе к эпицентру аксиологической Вселенной или же смещая их куда-то на ее периферию. Эта среда может влиять - инерциально или артикулированно - на достигательную ориентацию, требовать либо мультипликации каких-то однажды обретенных положительных результатов (традиционные социумы), либо, побуждая и даже провоцируя на рискованный поиск новых достижений, выхода на новые рубежи (цивилизация не просто самообеспечения, а развития, технической экспансии, "покорения" природы). Она способна множить образы успеха, оснащать его модели особенно призывными символами и формулами, высказывая почтительное внимание к частностям "успе-

хологии", к деталям и орнаментам моделей успеха, привлекая повышенный интерес к, условно говоря, инфрауспешности и ультрауспешности. И притом обязательно вписывая все грани успешности в этнонациональную ментальность.

По этой части нет равных Америке. Культура этой страны многими исследователями прямо характеризуется через ориентированность на личный успех, на оптимистическое мировидение, рациональное обоснование жизненных предпочтений. Как подчеркивает Р.Хубер, "американцы с самого момента зарождения нации были уверены в том, что Бог хочет от них, чтобы они были преуспевающими. Именно огонь ценностей, освещавший успех личности, раздвигавшей заданные природой и средой рамки, вел человека к успеху. Это можно сказать о любом обществе, но в американском зарабатывание средств к жизни было самым важным способом деятельности. И это было достойным занятием не само по себе, а потому, что было окружено системой ценностей, придававших этому занятию особую значимость. Люди работают упорно за тот или иной вид вознаграждения. Но они гораздо более амбициозны, когда работа, как таковая, несет в себе высшую ценность. Ирония заключается в том, что духовные ценности контролируют материальные. А не материальное поработает духовное"<sup>75</sup>.

И данное обстоятельство свидетельствует о "монументальном парадоксе" американской жизни. Речь в этом случае идет о напряженном противоречии между *социокультурным*, коллективно-массовым пониманием *делового успеха* в материальных терминах (богатство, транспонированное в статус, в известность), измеряемого по совокупности некоторых вполне исчисляемых и демонстрируемых критериев, и *личностным* пониманием *жизненного успеха* в духовных терминах, выраженным с помощью не всегда поддающихся замерам и зрительскому предъявлению субъективных критериев, таких как душевный покой, самоотдача, служение людям и т.п.

Следует отметить, что данный парадокс несет на себе отражение исторической динамики. Как писал Макс Лернер, американцы обожают "разговоры о деньгах", но они уже начали отдавать себе отчет в том, что "туда с собой ничего не унесешь" и что есть вещи, которые "за деньги не купишь". Лернер обращает внимание на то, что со временем успех стал сочетаться с ценностью уверенности, что склонность к риску стала убывать и что с новой силой обнаруживается стремление избежать риска и обеспечить надежность своего положения: речь идет не только об экономических

---

<sup>75</sup> Huber R.M., указ. соч., с.117.

гарантиях, но и о психическом синдроме уверенности в целом. Многие стали весьма осторожно относиться к суровой конкурентной борьбе и традиционному стремлению преуспеть. Мы еще вернемся к последнему сюжету.

| *Шкала и номинации успеха.*

Исследователи проблемы успеха стремятся расставить акценты на шкале видов и уровней успеха, для чего вычленяются три вида успеха: *успех-признание, успех-преодоление, успех-призвание*<sup>76</sup>. Продуктивно для характеристики шкалы успеха сравнение шкал американской и русской. В этой связи еще раз обратим внимание на характерное название уже рассмотренной нами выше первой главы книги Р.Хубера - "Деньги... Статус... Слава...". Что касается трактовок русской модели шкалы успеха, отметим, что наименее значим в данном опыте, по мнению Г.Л.Тульчинского, - "успех-признание", чем этот опыт и отличается от соответствующего как западного, так и "дальневосточного" духовного опыта, хотя, казалось бы, последний еще более коллективистичен, нежели опыт российский. Известность, знаменитость, признание в нравственном отношении оказываются для так трактуемой российской модели успеха ценностями сомнительными. Негативно оценивается стремление сохранить и, особенно, приумножить социальный статус личности, повысить уровень притязаний, так как такое потребовало бы согласиться на существование у личности оберегаемых ею зон свободы и ответственности. Специфичность признания успеха со стороны значимых других заключается также в минимизации роли оценки независимого общественного мнения и столь же независимых оценок экспертов. Гиперболизируется же роль оценок субъектов властной воли или же - напротив - оценок тех, кого власть преследует, кто пострадал от нее.

Как полагает Г.Л.Тульчинский, более значим "успех-преодоление". Он легко воспринимается как подвиг во имя идеи и "общего дела". По мнению исследователя, "в этом существеннейшее отличие российско-православной нравственности, например, от протестантской, в которой идея подвига, в общем-то, бессмысленна: ценностью является праведная жизнь (буквально-методически правильно выстроенная) и никакой подвиг не гарантирует искупления и спасения... С другой стороны, российское понимание "успеха-преодоления" порождает мотивацию своеобразного жизненного и

---

<sup>76</sup> Тульчинский Г.Л. Российский духовный опыт и проблема успеха // Этика успеха. 1994, вып.3, с.24-26.

профессионального, а то и личностного, каскадерства - вплоть до опасного поведения профессионалов" (цит. соч., с. 25).

Что касается "успеха-призвания", то, говорит автор, в России он очень трудно отличим от самозванства - исторического и бытового, то есть желания делать других людей счастливыми помимо, а то и вопреки их собственной воле. Между тем, такое самозванство успело стать чуть ли не атрибутом нравственной культуры российского общества.

И для "успеха-признания", и, вероятно, для "успеха-призвания" весьма значимы еще и "номинации" успеха, принятые в данном обществе. В этой связи привлекает идея Вячеслава Курицина<sup>77</sup>. По его мнению, "свобода - это количество номинаций, по которым ты можешь себя проявить. И представление о том, что эти номинации не обязаны делиться на главные и неглавные". И, кстати, тех, чей успех относится к "неглавным" номинациям - чтобы такое первенство не было "унылым эзотерическим первенством неудачника-чудака" - общество зовет "в Книгу рекордов, в телевизор, общество сообщает, что причуда твоя интересна не только тебе...".

Как нам представляется, здесь речь идет, во-первых, о своеобразной логотерапии ("номинаций много - и победителей много, каждому по прянику") и, во-вторых, о своеобразной версии справедливости для культурных меньшинств ("если ты сам не придумал для себя свежую номинацию, тебе, - пишет В.Курицин, - помогут товарищи. Для таких неумех изобретена идеология политической корректности, которая сообщает, что любые меньшинства имеют столько же прав во всех сферах жизни, что и любые большинства"). В то же время в таком постмодернистском подходе к свободе по критериям "рекордизма" нет экстремизма, ибо автор выделяет и несколько "больших номинаций, традиционно претендующих на абсолютность: Истина, Власть, Деньги...". Несомненно, номинаций успеха много, каждая из них имеет свою ценность и люди не обязаны гнаться за общими номинациями и могут сохранить чувство самореализации при любых своих достижениях.

| *Кредо и кодекс человека успеха.*

Деятельность по правилам *честной* игры - так можно коротко определить задачу такого рода кодекса. Игровая природа успешной деятельности - проблема эвристическая и, одновременно, весьма

---

<sup>77</sup> Курицин В. "Мисс Номинация" // Независимая газета. - 1996, 28 июня.

прагматическая. Субъекты инициативные, предприимчивые, рискованные, обретающие ничем незаменимую радость в погоне за "Госпожой Удачей" через стремление к достижению, черпающие наслаждение от игры шансов как в борьбе, так и в сотрудничестве, в счастье победы и в мужестве восприятия поражения, достойные успеха и способные выдержать его, счастливые в напряжении жизненной игры, осознающие свои способности востребованными ими самими же избранной Судьбой, личным Призванием - герои этой темы.

Естественно, что не только возможен, но даже и необходим известный скепсис относительно конкретизации темы "кодекса успешного человека" к определенным реалиям. Скепсис, который, например, демонстрирует Л. Аннинский. "Какое кредо? Какие правила игры? Да разве ж в нашей буче, боевой, кипучей, это наперед сообразишь? Мы люди эмоциональные, у нас все "по жизни" выясняется. И правила игры выясняются по ходу мордобоя: чтоб уж, по крайности, ниже пояса не бить. "Кредо?" Ну, это что-то вроде знамени: цветное полотнище на шесте: своих собирать. Нравственные ценности? А это в передыхе между схватками, когда вдруг самих себя жалко делается и противника недавнего - тоже, и, значит, пора идти друг к другу каяться. А минует передых - и за эти самые нравственные ценности - опять в смертельный бой. Так что успех у нас только в одном варианте существует: победа.

Можем ли иначе? Не знаю. Слишком уж надо переродиться. На мой век хватит: торчать меж дерущимися и получать с обеих сторон "непротивленца" и "маргинала".

Крутой у нас народ. Вся надежда - на задний ум, на природное чувство самосохранения и на звериную живучесть, которая прячется за непредсказуемостью"<sup>78</sup>.

Природа "правил игры" далеко не так технологична и гиперконвенциональна, как это нередко кажется. Правила честной игры - отражение фундаментальных условий культуры достижения. И в ситуации делового успеха, и в ситуации успеха жизненного правила честной игры не просто "профилактируют", казалось бы, неизбежное зло предпринимательского, политического, управленческого, педагогического дела, но, прежде всего, мотивируют самую ориентацию на успех как служение.

---

<sup>78</sup> Аннинский Л.А. Успех "по-русски"? // Этика успеха. 1994, вып.3, с.113.

## 5.2. Не-алиби в этике успеха

В этом параграфе мы вновь возвращаемся к “моральному измерению” успеха, пытаемся “измерить” успех во всех основных аспектах морального подхода - метафизическом, телеологическом, праксиологическом, особое внимание уделяя венчурному характеру ориентации на успех и амбивалентности этой ориентации, порождающей атрибутивные моральные конфликты.

*Успех как смысл и значение,  
долг и ответственность  
(моральная метафизика успеха).*

Тема моральной метафизики чрезвычайно актуальна для доктрины этики успеха уже потому, что в самой ее постановке и, тем более, в том или ином ее решении содержится основание, по которому некоторые исследователи русского национального характера определяют его через противопоставление американскому.

В системе жизненных задач американца, как она сложилась на заре XX века - ее приблизительное значение определяется как “культ успеха” - особенно ценится, как подчеркивает Макс Лернер в упомянутом уже выше рассуждении, победа, или, говорит он словами Джеймса Плана, “чего я достиг” против того “кто я есть”<sup>79</sup>.

Комментируя подход К.Касьяновой через его сравнение с подходом М.Лернера, Л.А.Аннинский так интерпретирует эти позиции: если “нормальный американец судит о себе по тому, чего он достиг, не слишком смущаясь вопросом о том, кто он есть”, то “нормальный русский мыслит прямо противоположно. У нас не очень важно, чего ты достиг, но все хотят понять, кто ты есть”. Характерно и замечание автора относительно последнего вопроса: “на этот вопрос окончательного ответа, естественно, не найдут, но думать об этом будут неотступно, упирая на то, что есть “Высший Суд”, которому все ведомо”<sup>80</sup>.

Легче всего принять это противопоставление, ибо практический опыт нередко показывает, как стремление к успеху вполне может оказаться и отлученным от смысложизненного измерения, начисто лишенным метафизичности. Но неизбежное в таком случае изгнание ценности успеха из этической доктрины развития России будет, в лучшем случае, заблуждением неведения,

<sup>79</sup> Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т.2. - М.,1992, с. 184.

<sup>80</sup> Аннинский Л. Русская душа: лицо и псевдонимы // Время и мы. - Москва-Нью-Йорк, 1994, №123.



ибо успех вполне может и должен быть рассмотрен как своеобразное решение метафизических проблем - смысла жизни, призвания, служения, ответственности и т.п. Потребность быть чему-то сопричастным, тому, что придает смысл человеческому существованию (идея, вера, дело, дети... - дом души у каждого свой) и в этой сопричастности - не быть забытым, потерянным, а быть замеченным, именованным, окликнутым, а тем самым и выделенным, признанным, дает основание говорить, что и сам смысл жизни, в свою очередь, может быть рассмотрен как выражение представлений об успехе<sup>81</sup>.

Разумеется, возможен и необходим разговор о разных пониманиях самого смысла жизни, но не правомерен тезис об его отсутствии в доктрине успеха. В этом плане нельзя согласиться с изложенной выше версией, согласно которой идея успеха - личного в прагматизме, общественного - в марксизме, не связана с проблемой "во имя чего"<sup>82</sup>.

В своем сравнительном историческом исследовании различных социокультурных типов рациональности М.Вебер вводит категорию "картины мира" и тем самым связывает человеческую деятельность с мировоззренческой проблематикой. Эти картины отличает отношение к миру, который истолковывается под углом зрения определенной его оценки, что задает человеку соответствующий способ действия, поведения в этом мире. Но чтобы иметь возможность тем или иным образом оценить мир и затем каким-то способом отнестись к нему, человек должен был дистанцироваться от этого мира, отыскать точку опоры за пределами мира, дабы взглянуть на него со стороны. Он должен был трансцендироваться из наличной социальности, возвыситься над ней на основе того, что содержится в этом мире, но никогда в нем не осуществляется и служит лишь условием познания и оценки мира и своего места в нем.

Так возникает раскол между человеком и миром, и с высот идеального он оценивает наличный мир, судит его, производит "проекты, замыслы истинной жизни", иерархизирует ценности, опирается на смыслы смыслов, на ценности ценностей, создает мировоззренческую систему координат. В итоге получается "картина мира" как известное единство когнитивных и нормативных сторон.

---

<sup>81</sup> Тульчинский Г.Л. Успех: призвание и самозванство // Этика успеха. 1995, вып.4, с. 38-39.

<sup>82</sup> Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь?, с. 141.

Прежде всего у Вебера речь идет об этических ценностях, ориентирующих практическую деятельность человека.

Вебер выделил три "картины мира" и три способа отношения к миру, которые предопределяют направленность жизнедеятельности человека, вектор его социальных действий. Первый способ социолог сопрягает с конфуцианством и даосизмом, второй - с индуистским и буддистским, третий - с иудаистским и христианским типом религиозно-философских воззрений. Первый - он определял как приспособление к миру, второй - как бегство от мира, третий - как овладение миром.

Конечно, при желании и в первой, и во второй установке можно отыскать место для понятия успех - достижение в процессе приспособления к миру и бегства от него. Успех будет означать лишь степень реализации основополагающей установки - ее крайний случай. Но это - лишь формальный метод использования понятия. По существу дела ориентация на успех возможна лишь в рамках третьей картины мира и установки на овладение миром - активистской ориентации в этике, побуждающей к деятельности "в миру", что Вебер называл "внутримировой аскезой". Напряженная деятельность - на одном полюсе, тогда как на другом - "мудрое недеяние". С помощью рационализации человек справляется с иррациональностью "мира", с расколом мира на дольний и горний.

Не развивая данный сюжет дальше, отметим в самом сжатом виде, что "внутримировая аскеза" приводит к восприятию собственной деятельности "ради Бога", а не ради воздаяния за свои труды, как призвания и профессии. Возможна только одна награда - морально-психологическая. Не как плата за посмертное спасение, а как средство познания, дающего возможность ответить на вопрос - предопределен ли ты к спасению или нет. Воспринимая себя в качестве орудия Бога, такой аскет в успешности внутримировских дел обнаруживает свидетельство избранничества, что постоянно толкает его к новым и новым успехам (мы сейчас не касаемся иноконфессиональных воззрений - это составляет тему самостоятельных обсуждений).

Хозяйственная, политическая, научная, воспитательная и т.д. деятельности обнаруживают смысл только в служении делу. Как должно выглядеть дело - это вопрос веры для политика, предпринимателя, ученого, воспитателя и т.д. Они могут служить целям национальным или общечеловеческим, социальным или культурным, внутримировским или религиозным, могут опираться на глубокую веру в прогресс или же холодно отвергать этот вид веры, но какая-то вера должна быть в наличии всегда. Иначе - и это совершенно правильно - проклятие "ничтожества твари" тяготеет и

над самыми, по-видимому, мощными - политическими успехами. Как и успехами в других сферах деятельности.

Именно данное обстоятельство позволяет Веберу ввести понятие этоса как "дела". Он предлагает уяснить себе, что этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на "этику убеждения", либо на "этику ответственности". Именно в таком разделении, нам думается, и заключена разгадка тайн этики делового, политического и иного успеха. Отчасти это относится и к этике жизненного успеха.

Вот как описывает ситуацию подобного разделения сам Вебер: "Не в том смысле, что этика убеждения оказалась бы тождественной безответственности, а этика ответственности - тождественной беспринципности. Об этом, конечно, нет и речи. Но глубиннейшая противоположность существует между тем, действуют ли по максиме этики убеждения - на языке религии: "Христианин поступает как должно, а в отношении результата уповает на Бога", или же действуют по максиме этики ответственности: надо расплачиваться за (предвидимые) последствия своих действий... Если последствия действия, вытекающего из чистого убеждения, окажутся скверными, то действующий считает ответственным за них не себя, а мир, глупость других людей или волю Бога, который создал их такими. Напротив, тот, кто исповедует этику ответственности, считается именно с этими заурядными человеческими недостатками, он, как верно подметил Фихте, не имеет никакого права предполагать в них доброту и совершенство, он не в состоянии сваливать на других последствия своих поступков, коль скоро мог их предвидеть. Такой человек скажет: эти следствия вменяются моей деятельностью.

Исповедующий этику убеждения чувствует себя "ответственным" лишь за то, чтобы не гасло пламя чистого убеждения, например, пламя протеста против несправедливости социального порядка. Разжигать его снова и снова - вот цель его совершенно иррациональных с точки зрения возможного успеха поступков, которые могут и должны иметь ценность только как пример"<sup>83</sup>.

Здесь Вебер не касается проблемы исторического размежевания двух этик, но мы можем подчеркнуть различие между этикой мотивов (убеждений) и консеквенциональной этикой (этикой последствий, ответственности). Те этические системы (или подсистемы), которые связаны с прикладной этикой, как раз и являются

---

<sup>83</sup> Вебер М. Избранные произведения. - М., 1990, с.696.

этиками ответственности, ориентированными на успех, если, конечно, не трактовать этот успех вульгарно, узкоутилитарно.

Заслуживает особого внимания мысль Вебера о том, что сам выбор между этикой убеждения и этикой ответственности не может быть предписан, как это делают лица, зараженные романтизмом. Автор испытывает глубокое почтение перед зрелыми личностями, которые всей душой ощущают свою ответственность за последствия и действует сообразно этике ответственности по великой формуле "не могу иначе, на том стою", поскольку этика убеждений и этика ответственности не суть абсолютные противоположности, а взаимодополнения, которые лишь совместно составляют подлинного человека - человека призвания и профессии (политика, предпринимателя, ученого, воспитателя, социального работника и т.д.).

| *Успех как вдохновляющая цель жизни*  
| *(моральная телеология успеха).*

Успех - это и жизненная цель, задача, образ "плана жизни", превалирующая мотивация и ценность, а потому можно сказать, что успех - это то, что *вдохновляет* человека. Как подчеркивает Макс Лернер в исследовании жизненных целей американцев, "речь не о том, во что верят американцы, а о том, что вдохновляет их и куда направлена их основная энергия"<sup>84</sup>. Вдохновляет и именно поэтому то, "чего я достиг", оказывается не менее значимо, чем то, "что я есть". При этом, чтобы понять, почему успех как цель жизни столь важен, нужно, отмечает М.Лернер, вспомнить, что для простого американца проверкой идеи является конечный результат действия, а ценность чего бы то ни было определяется его эффективностью.

Следуя надежным традиционным путем и обратившись к исследованиям по психологии, мы находим аргументы об определяющей роли целеполагания в жизнедеятельности человека. Так А.Г.Асмолов полагает, что идея успеха должна рассматриваться не как конечная, финалистская, а как идея, связанная с парадигмой неравновесия, с парадигмой поиска в процессе эволюции иных путей развития. Кстати, если видеть идею успеха в парадигме необщих путей развития в культуре, с этой идеи сразу же снимается налет конфронтационности - "я говорю вслед за Кропоткиным: не является ли идея успеха таким же, как альтруизм, взаимопомощь, могучим фактором эволюции?". Положительно отвечая на свой вопрос, автор говорит: "да, вполне вероятно, что механизм антагонизма действует в

---

<sup>84</sup> Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т.2, с.183.

истории, но как важно понять, что находили свои пути к успеху и различные симбиотические группы. Как интересно то, что уже на уровне эволюции мы встречаемся с уникальными явлениями симбиоза, поддержки, чтобы двигаться к иным целям в развитии. И высота общества определяется тем, насколько в нем широко представлено разнообразие"<sup>85</sup>.

Переходя к собственно психологической характеристике идеи успеха, А.Г.Асмолов отмечает, что успех - это "лакмусовая бумажка ценности целей", независимо от масштаба субъекта - будь то цели той или иной личности или, если мы говорим о групповой динамике, целей той или иной социальной группы в культуре (там же).

В психологии проблема способности человека самостоятельно определять цели своей жизни явилась предметом поиска многих исследователей. В кратком обзоре такого рода литературы А.В.Толстых и Н.Н.Толстых выделили работы Ш.Бюлер и В.Франкла<sup>86</sup>. Например, Ш.Бюлер полагала главной движущей силой развития врожденное стремление человека к самоосуществлению (автор отличала это стремление от самореализации и самоактуализации). Исследователь показала, что полнота самоосуществления непосредственно связана со способностью человека ставить перед собой цели, адекватные его внутренней сущности.

В.Франкл разделяет понимание Ш.Бюлер самоосуществления как осуществления смысла, а не осуществления себя или самоактуализацию. "Самоактуализация, - пишет Франкл, - это не конечное предназначение человека. Это даже не его первичное стремление. Если превратить самоактуализацию в самоцель, она вступит в противоречие с самотрансцендентальностью человеческого существования. Подобно счастью, самоактуализация является лишь результатом, следствием осуществления смысла. Лишь в той мере, в какой человеку удастся осуществить смысл, который он находит во внешнем мире, он осуществляет и себя. Если он намеревается актуализировать себя вместо осуществления смысла, смысл самоактуализации тут же теряется. Я бы сказал, что самоактуализация - это непреднамеренное следствие интенциональности человеческой жизни. Никто не смог выразить это более лаконично, чем великий

---

<sup>85</sup> Асмолов А.Г. О моделях успеха в эволюции цивилизации // Этика успеха. 1996, вып. 8, с.10.

<sup>86</sup> Толстых А.В., Толстых Н.Н. Победитель не получит ничего // Этика успеха. 1996, вып.8, с.118-120.

философ Карл Ясперс, сказавший: "Человек становится тем, что он есть, благодаря делу, которое он делает своим".

С этой точки зрения существенно вопрошание о *смысле и источниках* самих целей. Показательно замечание А.В.Толстых и Н.Н.Толстых об особенностях психологической литературы советского периода, посвященной проблемам воли. Так как советская система стремилась сформировать тип личности, одной из важных особенностей которой является принципиальное отсутствие у человека потребности самому выбирать собственные жизненные ценности, самому строить свои жизненные планы, то и психологическая литература советского периода, посвященная проблеме воли, практически вся посвящена тому, "как развивается или, точнее, формируется способность человека подчинить свои действия, свою жизнь выполнению некоторой задачи, достижению некоторой цели. При этом практически не обсуждается вопрос о том, откуда берутся сами эти задачи и цели, а ведь воля, сам процесс воления - это прежде всего самостоятельный выбор цели. Умение же подчинить себя выполнению задачи или достижению цели - это не воля в строгом смысле слова, а произвольность" (цит. соч., с.121).

А сейчас попытаемся воспользоваться методом "от противного" и прояснить роль успеха как морально возвышенной жизненной цели через анализ такого феномена, как *страх неудачи*. В уже упомянутой нами статье Г.Л.Тульчинского "Неудача как стратегия успеха" исследуется ситуация, когда неуспех оказывается предпосылкой успеха, и показывается, что между неудачами и успехом существует "какая-то довольно жесткая, если не причинная, связь". В чем она: "Божественная и метафизическая справедливость мира, когда - "Воздастся!"? Или есть какая-то сила, то ли переводящая стрелку на шкале оценки с минуса на плюс, то ли выталкивающая саму неудачу в сферу успеха, то ли переплавляющая одно в другое?" (с.29).

В том, что речь может и должна идти о какой-то энергетике неуспеха, автора убеждает "факт колоссального потенциала, который несет в себе маргинальность". Например, приезжие добиваются в жизни большего, чем местные жители. Или представители этнических меньшинств (а также, на наш взгляд, и религиозных меньшинств) оказываются пассионарными лидерами основного этноса. "Их неуспешность, неукорененность, невопианность в "большую систему", то, что они не могут состояться в этой системе, отжимаются на ее периферию, а то и за ее пределы - все это дает, им, оказывается, большую свободу действий по сравнению с "вписанными", состоявшимися в "большой системе" или теми, кому это гарантировано".

Таким маргиналам - или, как их называет автор, "мартин иденам" и прочим "интеллигентам в первом поколении" - необходимо именно своими руками "выкопать, выцарапать, если не зубами выгрызть жизненную нишу, которая у других уже есть". И действительно, и работа, и жилье, и семья, и профессиональный и деловой рост - "все, что для других запрограммировано их социальным статусом, семейным положением, от него требует личностных сверхусилий, работы ума и души тоже". И потому-то, полагает Г.Л.Тульчинский, "блаженны плачущие, блаженны алчущие и жаждающие правды. Ибо они, как сказано - "соль земли" и "свет мира".

Полагая, что молодость - это "метафизическая неудача", исследователь говорит, что "типичными маргиналами является молодежь - метафизический аутсайдер, обреченный социальной ролью "ждать и догонять". При этом "речь идет отнюдь не о конфликте отцов и детей, не о простом неприятии "папиной культуры". Речь идет о более фундаментальном. О том, что определяет и творчество - об утверждающем онтологическом импульсе свободы. В том числе и "свободы от...". Неудача в этом мире, неприкаянность в нем открывают новые миры. Свобода откровенна в той же степени, как свободно любое откровение" (с.30).

| *"Я емь, потому что я свершаю":*  
| *этическая праксиология успеха.*

Прежде подчеркнем несводимость доктрины успеха к чистой праксиологии. В "Анатомии человеческой деструктивности" Э.Фромм пишет, что для распространенного словоупотребления характерно, говоря об эффективном ораторе или продавце, иметь в виду человека, успешно добивающегося результата. "Но это умаление первоначального значения слова, происходящего от латинского *ex facere* - "делать". "Произвести эффект" значит: осуществлять, свершать, реализовывать, выполнять, исполнять. Эффективной личностью является та, что наделена способностью делать, производить, свершать нечто. Быть способным произвести эффект значит не быть бессильным, но быть полным жизни, активно функционирующим человеческим существом. Производить эффект - значит быть активным, а не просто подвергаться аффектам. В конечном счете, именно это доказывает, что мы существуем. Можно сформулировать этот принцип так: я емь: потому что я свершаю..." (цит. по фрагменту этой работы в журнале "Человек" - 1993, №1, с. 111-112).

Собственно праксиологический аспект идеи успеха попытаемся представить с помощью "теории хорошей работы", как

называл свою концепцию ее автор Т.Котарбинский<sup>87</sup>. Среди мотивов создания теории Тадеуш Котарбинский выделяет осознание им парадокса, обнаруживаемого при сопоставлении двух обстоятельств. С одной стороны, человечество как "многоголовый homo faber", вероятно, уже совершило все возможные наблюдения в "области эффективности различных способов активного поведения" и потому современному теоретику остается лишь перерабатывать, систематизировать, уточнять и разъяснять общие правила. С другой стороны, трудно найти причину отсутствия особой исследовательской дисциплины, которая имела своим предметом "изучение возможностей достижения наиболее эффективной деятельности". Отсюда далеко не риторический вопрос автора: "Не является ли своеобразным парадоксом, что homo faber не решился создать грамматику действия, хотя бы по примеру человека как существа говорящего?" (цит. соч., с.27).

В категориальном аппарате праксиологии выделяется блок понятий, не содержащих никаких оценок, даже чисто технических, с точки зрения целесообразности. К понятиям, необходимым для того, чтобы "разобраться в сущности действия и в разнообразии действий вне зависимости от их ценности" относятся, например, понятия субъекта, виновника, материала, средства, цели, произведения, изделия. Ко второму - оценочному - блоку относятся, например, понятия экономичности, производительности, точности выполнения, правильности применяемых способов и т.п.

Тема нашего доклада требует концентрации внимания на тех аспектах "теории хорошей работы", которые связаны с праксиологическими *оценками*. Исследуя практические достоинства действия, точнее - "праксиологические достоинства (недостатки) действий, приписываемые им с точки зрения их исправности", выявляя, что определяет меньшую или большую исправность, что имеется в виду при оценке действующих субъектов как таковых с точки зрения исправности их действия, Т.Котарбинский полагает, что прежде всего необходимо выявить: было ли действие успешным.

Для праксиологии *успешным* считается действие, которое "ведет к следствию, задуманному в качестве цели". Если чье-либо поведение оценивается как успешное, а также неуспешное или безразличное, то применение этих характеристик ограничивается лишь применением к чьим-либо целям. А так как "успешность действий с точки зрения достижения цели - это не что иное, как целесообразность

---

<sup>87</sup> Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. - М., 1975.



действий", понятия успешности и целесообразности в рамках праксиологии можно считать взаимозаменяемыми.

Не позволяя себе увлечься характеристикой соответствующей внутрипраксиологической тематики (например, такими понятиями, как точность, старательность, чистота продукта, умелость, надежность, осторожность и смелость и т.п.), сразу же обратим внимание на моральную саморефлексию праксиологических поисков. Прежде всего, такая рефлексия не только не чужда, но, фактически, атрибутивна праксиологии. Это может удивить. Ведь если все "семейство" праксиологических понятий, включая базовое - "эффективная деятельность", в их обыденных значениях, *как кажется*, достаточно хорошо известно, так как оно обладает завидным свойством самоочевидности, во всяком случае - при первом приближении, то как раз моральные смыслы этих понятий таким спасительным свойством не обладают. Более того, они кажутся совершенно чуждыми праксиологическому измерению. Напомним об упорном отторжении родительного падежа при соединении понятий "этика" и "успех", они как будто заимствованы из совершенно несопоставимых языков. Тем не менее, мы полагаем, что моральная саморефлексия в праксиологии налицо.

Выделим в этом отношении два направления. Первое из них может показаться парадоксальным, ибо характеризуется поиском праксиологического содержания, предпринятым Т.Котарбинским в ... собственно моралистике. "Моралисты рекомендуют нам избегать несчастья и сохранять чистую совесть. Обычно они рассматривают эти вопросы совместно с проблемами эффективного действия, поскольку последние необходимы им для освещения путей добродетели и доказательства безысходности морального падения", - отмечает автор (цит. соч., с.24).

Такого рода смешанный характер он выделяет в произведениях баснописцев Федра, Лафонтена, Крылова и др. И если, например, "Волк и журавль" - скорее рассказ о неблагодарных, которые злом платят за добро, то основной мыслью басни о медвежьей услуге является не просто порицание дурных чувств и склонностей, но - в образной форме - критика плохой работы. Соответствующая сентенция по Т.Котарбинскому звучит так: "нецелесообразным является всякое действие, устраняющее препятствие на пути к данной цели таким способом, что сама эта цель также оказывается уничтоженной" (там же). Вывод автора из анализа множества предостережений и поучений, содержащихся в басенной литературе, заключается в том, что постулаты нравственные здесь переплетены с

рекомендациями, предметом которых является или целесообразность, или нецелесообразность.

Не только в баснях, но и на реальных "факультетах" школы жизненного успеха говорят языком, в котором сплетены моральные и праксиологические понятия. Стать "хозяином судьбы", "счастливый исход", "надежда на лучшее", "кузнец своего несчастья", "желание преуспеть", "пиррова победа", "кому улыбается Госпожа Удача", "не терять голову от успеха", "счастливые неудачники", "поймать шанс", "шанс - гармония неожиданно благоприятного события и личной инициативы", "меланхолия упущенных возможностей"... Из речевых практик СМИ, из работ разных авторов собрали мы эти слова и выражения, чтобы подтвердить действенность праксиологии.

Но, может быть, сами рекомендации праксиологического толка, пусть и включенные в содержание моралистики, абсолютно нейтральны в этическом отношении? Весьма определенный ответ на этот вполне оправданный вопрос дает анализ исследования (и культивирования) праксиологией этических аспектов "техники борьбы". Намеренно обострим постановку вопроса с помощью комментария к "науке успеха" (речь там, конечно, о политическом успехе), Н.Макиавелли, который содержится в историко-философской работе Б.Рассела. По мнению автора, если существует такого рода наука, то "ее можно изучать на примере успехов порочных людей не хуже, чем на примере успехов людей добродетельных, - даже лучше, ибо примеры добивающихся успехов грешников более многочисленны, чем примеры добивающихся успехов святых". Однако, подчеркивает Рассел, такая наука "пойдет на пользу святому точно так же, как и грешнику, ибо святой, если он вступает на поприще политики, точно так же, как и грешник, должен ждать достижения успеха"<sup>88</sup>.

Мы не можем сейчас вторгаться в сложнейшую проблему соотношения целей и средств, особенно в ту ее грань, которая связана с допустимостью зла во имя добра<sup>89</sup>. Но все же необходимо сразу отметить, что Б.Рассел весьма убедительно реабилитирует именно *праксиологические* идеи Макиавелли, традиционно отождествляемые (и обыденным, и теоретическим сознанием) с его *личной моральной позицией* и с его *моральными* рекомендациями. В действительности, говорит Рассел, Макиавелли занимал вполне определенную оценочную позицию относительно "выведенных" им норм политической

---

<sup>88</sup> Рассел Б. История западной философии. - М., 1983, с.529.

<sup>89</sup> См.: Бакштановский В.И. Моральный выбор личности: альтернативы и решения. - М., 1983.

целесообразности. Аналогичную работу относительно этического содержания "макиавеллизма" проделал и Л.Колаковский.

Т.Котарбинский сам идет навстречу острой проблеме этики борьбы. Вообще *борьба* для праксиолога - любое действие с участием по меньшей мере двух субъектов, где хотя бы один из субъектов препятствует другому. Праксиолога при этом интересует только *исправность техники борьбы*. Другие же ее стороны значат лишь косвенно - в той мере, в какой от них зависит усиление или ослабление *исправности*.

Однако из этого не следует, что праксиолог сам может рекомендовать любые из обоснованных практикой приемы техники борьбы. Автор подчеркивает: "то, что хорошо с праксиологической точки зрения, может быть достойным осуждения с точки зрения, например, добросовестности". Но знание и этих приемов полезно - хотя бы для воспрепятствования тому, кто прибегает к этим приемам "с целью застигнуть нас врасплох и одержать победу" (цит. соч., с.207).

Конечно, это лишь необходимый, но далеко не достаточный вывод по поводу этики борьбы. Праксиология исследует и обобщает, например, рекомендации заботиться о свободе движения для себя и сковывать свободу противника, использовать в своих целях функции и резервы противника, обеспечить превосходство своих сил в решающем месте и в решающее время и т.п., уделяя особое внимание соотношению двух начал - взаимодействия и борьбы, позитивной и негативной кооперации ("мы позволим себе высказать предположение, что людям лучше бы жилось на свете, если бы во всякого рода борьбе они больше считались с тем, что в ней есть ценного для обеих борющихся сторон...") и т.п. В то же время праксиология не забывает, что тот, кто обучает искусству борьбы вообще, пусть и косвенно, но становится соучастником возможного применения этого искусства. И действительно, "имея дело с темой борьбы, трудно не затронуть каким-либо образом сердце, совесть, даже в том случае, если понятие борьбы взято во всей его общности и рассматриваются в основном только технические условия "исправности" (цит. соч., с.226).

Более того, занимаясь, казалось бы, нейтральной - технической - стороной борьбы, праксиолог не позволяет себе "умыть руки", ибо техника борьбы, как и любая техника, может применяться как с пользой для людей, так и во зло им. В то же время праксиология полагает, что "всеобщая польза от честного сознательного применения ее техники значительно больше, чем вред, который принесут результаты употребления этой техники нечестными людьми" (цит. соч., с. 226).

*Моральная технология успеха  
Дейла Карнеги.*

Своеобразной версией праксиологии, а точнее - моральной технологией представляется нам "наука успеха" Дейла Карнеги и его последователей. Остановим наше внимание на том, как этот автор и его читатели воспринимают и трактуют *этическое содержание* этой версии "науки успеха".

Наиболее распространенное восприятие книг Д.Карнеги в современном отечественном массовом сознании связано с тем, что это - всего лишь сборники "чисто" технологических правил, рецептов, рекомендаций. Поэтому, видимо, редко кого останавливает, например, открыто манипуляционный акцент названия одной из книг: "Как завоевывать друзей...?"<sup>90</sup>.

Внимательный читатель увидит в работах Дейла Карнеги прекрасную моралистику успеха. Во всяком случае, попытки придания технологическим изысканиям Д.Карнеги морального значения налицо. Они предпринимаются, например, авторами предисловий к переводу этих книг на русский язык. Так, в издании, выпущенном в серии "Этика" обществом "Знание", предлагается трактовка советов Карнеги, согласно которой "они помогают повторить общение как цепную реакцию взаимных добрых намерений, когда вместо фехтовальных выпадов в ход идут улыбка, искренняя заинтересованность и расположение"<sup>91</sup>. Или, например, считая работы Д.Карнеги набором правил достижения успеха в жизни, авторы предисловия<sup>92</sup> к изданию его книги в "Прогрессе" подчеркивают, что это правила *человековедения*, что понятие правил в гуманитарном знании претендует на статус, который имеет понятие закона в естествознании. "Ценность такого перечня правил не только в том, что некоторые из них можно заимствовать и взять в свой арсенал, но и в том, что он вдохновляет на поиски собственных вариантов, поскольку достаточно явно предстает как принципиально открытый для добавлений, уточнений и исправлений"

---

<sup>90</sup> Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. - М., 1989.

<sup>91</sup> Толстых А.В. Куда ведут добрые намерения // Дейл Карнеги. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. - М., 1990, с.80.

<sup>92</sup> Зинченко В.П., Жуков Ю.М. Предисловие // Дейл Карнеги. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. - М., 1989, с.10.

И все же такого рода попытки интерпретации правил успеха в работах Д.Карнеги слишком одиноки, чтобы избавить нас от опасений за судьбы технологии, в том числе в сети отечественных "школ успеха". А судьбы этих школ для нашего исследования более важны, чем судьба работ самого Карнеги: как всегда, прививка "цивилизованной розы" к "российскому дичку" оказывается делом весьма рискованным, и прежде всего - с точки зрения моральных последствий.

Пока наиболее гуманитарный раздел задач и программ этих "школ" связан лишь с чисто психологическим подходом. Например, мотивируя открытие в газете "Успех" рубрики "Школа успеха", ее авторы такими темами раскрывают предложения своей науки читателям: "1. Каков он, успешный человек? 2. Как определить зоны своего успеха? 3. Мои психофизиологические резервы?..."<sup>93</sup>.

Мы закрыли цитату, ибо все равно во всем перечне нам так и не удалось обнаружить моральную проблематику. Да и как бы она в этом случае сочеталась со следующим программным заявлением руководителя школы: "Наука... начинает возвращаться к изучению проблем успеха с целью помочь людям в выборе рациональных путей достижения желанных целей. Она разрабатывает принципы и методы адекватной реализации человеком своих интеллектуально-психологических возможностей в соответствии с требованиями той деятельности, которую человек выбирает или которая ему предначертана "судьбой". И признаком, по которому можно оценить вклад науки в разработку путей достижения успеха, является «маленькое слово "как?"». Как учиться, как учить, как изобретать, как считать и т.д. и т.п. Эти бытовые вопросы и есть исходный пункт научных разработок, предназначенных для раскрытия условий, путей, методов, средств достижения успеха" (там же, с. 4).

А вот аналогичный случай: автор книги о риске в перечне ключевых аспектов своей темы перечисляет "правовой", "психологический", "экономический", "социологический", забывая (?) аспект "моральный"<sup>94</sup>.

У нас есть соображение в пользу презумпции доверия цитированным авторам. Возможно, их уклонение от этических аспектов "успехологии" - это своеобразная "деидеологизация" темы, ее намеренная прагматизация после многих лет обязательного "возвышения" любых проблем до уровня критериев коммунистической морали?

---

<sup>93</sup> Жариков Е. Школа успеха // Газета "Успех". 1990, № 1, с. 5.

<sup>94</sup> Альгин А.П. Риск. - М., 1988, с. 3.

Разумеется, были в работах тех лет и точные постановки проблемы, и собственно праксиологические решения.<sup>95</sup> И все же допускаемая нами презумпция доверия уклоняющимся от этической проблематики достижительства "школам успеха" имеет предел эффективности. И потому даже в самом лучшем случае (когда такие программы выполняют роль *необходимого* элемента развития культуры современного человека, его освобождения от пут догматического морализирования) они не вправе уклоняться от признания того, что роль эта отнюдь не является *достаточной*, не могут избежать развития вопроса "как достичь успеха?" до уровня вопроса "ради чего надлежит стремиться к успеху?", неотделимого от проблемы гуманизации способов достижения успеха. И потому противостояние (осознанное или ненамеренное) морализаторским клише, идейно-нравственным шаблонам, извращающим заботу об умении жить, может обернуться - в лучшем случае - моральной нейтрализацией проблемы успеха со всеми противоречиями развития праксиологии без этики, когда вопрос об умении жить не доводится до сократического вопроса об *умении жить достойно*.

Подчеркнем: задача нашего критического пассажа заключается не в простом противопоставлении ценностей морали и логики успеха, не в уничтожении от имени первого - смысложизненного - измерения достоинства второго - пользы и, конечно, не в нейтрализации успеха во имя спасения его от морализаторских искажений. И если Д.Карнеги и авторы подобных работ дают нам наборы "технологических" правил успешной жизни и деятельности, наша задача - активация моральной рефлексии по поводу смысла этих правил, причем рефлексии, частично извлекаемой из скрытого от отечественного читателя этического подтекста этих книг.

*Моральный риск ориентации на успех:  
выход за пределы конформизма и  
нонконформизма возможен.*

Моральный риск ориентации на успех может пониматься, во-первых, как проблема повышенной опасности для вовлеченного в жизненную и деловую гонки индивида не устоять перед искушением нарушить те или иные моральные запреты, правила игры, ограничения ради скорого достижения успеха (во всех его ипостасях) и тем самым войти в конфликт как с совестью, так и с законом.

В плане же масштаба общественного в целом проблема риска для ориентированного на успех субъекта выступает в таких его

---

<sup>95</sup> Попов С.В., Щедровицкий П.Г. Конкурс руководителей. - М., 1989.

проявлениях, как конформизм - с последующей anomией - и антисолидаризм. Обсуждение этого варианта моральной амбивалентности ценности успеха предполагает прежде всего преодоление не только апологетизма, но и гиперкритицизма в понимании взаимодействия успеха и морали, который во всякой ориентации на успех усматривает чуть ли не фатальную тенденцию к аморализму, беспринципности.

Если прегрешения апологетики вытекают из сугубо социологизированного понимания природы морали - она функциональна, "обслуживает" интересы общества в целом, его отдельных групп, классов, организаций, фракций, то гиперкритицизм исходит из противоположной версии природы морали - долг извлекается из самого себя, мораль социально неангажирована, лежит по ту сторону земных интересов и т.п. Если апологетическая позиция в отношении идеи успеха поддерживает конформизм, то противоположная позиция грешит нонконформизмом, одобряя лишь различные способы уклонения от ориентации на успех, поскольку подобные ориентации укрепляют "паршивое общество". Скорее всего, в столкновении этих позиций истина обнаруживается посередине.

Нельзя не понять настойчивость критицизма, ибо он стремится противостоять практике выбора человеком между добром и злом в форме соответствия или несоответствия общественной норме, подменяющей собственно выбор конформным поведением, уклонением от того вызова, которым является многообразие систем моральных ценностей, представленных в виде идеалов, моделей личного самосовершенствования. Понятно опасение этой позиции за распространение anomии, антисолидаристических последствий конкуренции ориентированных на успех субъектов между собой, общим ростом отчуждения и т.п. Здесь мы имеем дело с предельным упрощением нравственной жизни, когда моральный субъект практически передоверяет обществу ответственность как за положительные, так и негативные моральные качества своей успешной (неуспешной) деятельности. Однако критика ориентации на успех оборачивается тем, что выбор такой ориентации рассматривается не как личное решение индивида, но как навязанная обществом модель поведения. Увлеченность критикой конформизма табуирует созидательные возможности общества, недооценивает его способность к самоизменению, преодолению негативных тенденций, в том числе тенденции к абстрактному противопоставлению идеи успеха и приверженности моральным ценностям.

Само по себе проклинание “Его Сучьего Величества  
Успеха” является подходом поверхностным.  
Плодотворнее - понимание природы  
моральной конфликтности идеи успеха.

Познание мотивов критицизма в адрес доктрины необходимо, но явно не достаточно. Отказ от той и другой экстремальных позиций сам по себе еще не избавляет от проблем, связанных с рискованным выбором ориентации на успех. Только мнится со стороны, будто человек, выбирающий успех, тем самым освобождает себя от "моральной озабоченности". Внутренняя самокритика доктрины вскрывает драматичность жизни и деятельности личности, ориентированной на успех, драматичность, во всяком случае не меньшую, чем трудности жизни человека, уклонившегося от ориентации на успех.

Нам еще только предстоит разработка типологии нравственных конфликтов, с которой связана деятельность ориентированного на успех человека. Пока же уместно обратиться к результатам такого рода классификации, предпринятым в рамках исследования наиболее развитой модели идеи успеха - американской.

В предисловии Р.Хубера к своей книге акцентируется, что американская идея успеха самокритична именно в понимании моральной конфликтности этой идеи. Автор пишет, что "...целью данной работы является исследование значения успеха в обширном американском опыте. Кое-кто находит определенный смысл в проклинании "Его Сучьего Величества Успеха". Но понимание цивилизации должно начинаться с признания того, что все ее части тесно взаимосвязаны. Проклинание “Сучьего Величества” при одновременном признании демократических сил, которые его порождают, - настолько же поверхностный подход, как и определение социальных сил в рамках злоупотребления ими”<sup>96</sup>.

Приступая к характеристике феномена *амбивалентности* успеха в книге Р.Хубера, подчеркнем, что и в анализе этико-праксиологических аспектов успешной деятельности, и в характеристике добродетелей этой деятельности, которой посвящены последующие фрагменты доклада, и в других его фрагментах мы фиксируем некоторые инвариантные внутренние и внешние ценностные конфликты достижительной деятельности. Что касается самого Хубера, то он отмечает как парадокс американских ценностей следующее обстоятельство: “индивидуально американцы думают, что

---

<sup>96</sup> Huber R.M. The American Idea of Success. - Pushcart Press, 1987. (Предисловие опубликовано без указания страниц.)



успех должен быть определен в нематериальных терминах, но коллективно, как общество, американцы измеряют успех материалистическими критериями. Потому-то американцы среднего класса утверждают, что существуют два вида успеха. С *культурологическим* определением успеха, которое ранжирует людей по материальному критерию, все в порядке, за исключением ошибочного определения того, какой вид успеха является *sumptum bonum* в жизни. А такое благо нельзя измерять деньгами - это *личностное* определение успеха, и его часто называют "истинным успехом"<sup>97</sup>.

По мнению автора, два определения успеха - "*культурологическое*" и "*личностное*" - выражают амбивалентность чувств американцев по поводу жизненных целей. И такая амбивалентность скорее необходимость: разве могло бы функционировать американское общество, если бы его граждан ничто не побуждало придерживаться противоречивых чувств по поводу успеха. "Может ли кто-нибудь выжить в обществе, продвигаемом вперед такой вызывающей тревогу ценностью без удобной безопасности амбивалентных позиций? Жизнь с иллюзиями может быть нестерпима, но жизнь без иллюзий невыносима" (цит. соч., с.124).

"Его Сучье Величество или застенчивая дама?" - так формулирует автор инвариант амбивалентности американской идеи успеха. "Вероятно, формы обеих вытканы на гобелене американского опыта. Он представляет собой механизм взаимоотношений, в котором форма и сущность одного зависит от другого. Как распутать менее приятную нить, не меняя специальных качеств механизма?", - спрашивает Р.Хубер и отвечает, что "специальные качества такого устройства частично сотканы из дилемм идеи успеха". И далее кратко описывает шесть таких дилемм. Рассмотрим здесь в качестве примера первую из них.

"*Оправдательная дилемма самоотдачи против своекорыстия*" представляет собой, с точки зрения автора, моральный вопрос, который пытается разрешить идея успеха. "Возможно ли быть христианином и капиталистом одновременно? Нам следует быть любящими, добрыми и готовыми к самоотдаче. Однако мы живем в мире, в котором мы должны быть своекорыстными, жадными и преследующими собственные интересы".

Р. Хубер показывает, что "этика характера", доминировавшая в литературе об успехе до 1930-х гг. (к ней мы еще вернемся в

---

<sup>97</sup> Моральные дилеммы успеха. Фрагменты из книги Р.Хубера "Американская идея успеха" // Этика успеха. 1994, вып.3, с.117-118.

следующем фрагменте), пыталась разрешить эту дилемму с помощью “доктрины управления благосостоянием”. Религиозная интерпретация этой доктрины оправдывает делание денег с помощью тезиса о том, что “это свидетельство Божьего благоволения и является также способом прославления Его. Долг человека развивать лучшее в себе через формирующие характер аскетические добродетели тяжелой работы и бережливости. Человек должен честно делать деньги для того, чтобы с их помощью делать добро, тратя их на благочестивые цели”.

В то же время светская интерпретация “доктрины управления” делает акцент “на гуманитарное оправдание”: “Мы должны получать, чтобы делать добро, отдавая”. К 20-ым годам нашего столетия, отмечает автор, “преимущественным оправданием успеха была концепция служения как в ее религиозной, так и в светской интерпретации: степень чьего-либо успеха измерялась службой сообществу. Преследовать свои собственные интересы означает любить своих ближних. В концепции служения получение для себя есть процесс отдачи другим”.

Примечательно отношение автора к самой возможности разрешения дилемм идеи успеха. Он понимает, что они не могут быть разрешены в манере легендарного решения царя Соломона разделить ребенка между двумя претендентками. Неприемлемо для него и ригористическое отношение к самому факту существования дилемм. Да, люди с авторитарным складом мышления всегда считают дилеммы нетерпимыми. Но ведь дилеммы обязаны своим существованием именно самому наличию выбора в свободном обществе. “Успех - это не убежище, а путешествие, со своими собственными правилами для духа. Игра жизни в том, чтобы стать победителем, добиться успеха или достичь того, что мы наметили сделать. Однако всегда существует опасность потерпеть неудачу в самореализации. Урок, который большинство из нас никогда не извлекает из этого путешествия, но и никогда не может совсем забыть, состоит в том, что победить иногда означает проиграть,” - пишет Р.Хубер (цит. соч., с.124.).

Моральная конфликтность этики успеха - не беда и не радость, но атрибут, с которым надо “играть” по правилам. А инвариантным критерием разрешения такого конфликта в каждом конкретном случае является повышение уровня свободы в обществе. “Человеку должна быть предоставлена возможность для действия на свой страх и риск, для проб и опытных выводов, для ошибок и перерешений, падений и возрождений. Общество как бы “дает фору” индивиду, не применяя к нему государственного принуждения до того момента, пока он не нарушает закона. Каждый гражданин волен послать подальше сколь угодно высокого самозванного наставника, сующего нос в такие его

дела, которые не наносят ущерба его согражданам. Вряд ли надо объяснять, что свобода от чужого утилитарного покровительства стимулирует инициативу людей и способствует развитию основных измерений личности, а именно - независимости, своеобразности, стойкости. Проявляясь в сфере деловой активности, эти качества заявляют о себе затем и в области гражданской, или, как говорят юристы, публичной жизни"<sup>98</sup>.

### 5.3. Как возможны добродетели успеха?

| Три отрицательных ответа.

В этой точке рассуждений мы обнаруживаем целую гроздь новых и далеко непростых проблем методологического ранга. Добивайся успеха во всякой специализированной деятельности?! Но на всех ли поприщах это возможно? Во все ли времена можно совместить генеральную норму-цель со следованием нормам-средствам ее достижения, выдвигаемым довольно суровой, подчас даже ригористической, рациональной моралью? Это - вопрос вопросов для этики успеха, и споры вызывает прежде всего базовая для любой этической доктрины *проблема добродетелей* как устойчивых положительных моральных качеств личности. Совместимы ли *человеческие добродетели* с главным *императивом этики успеха*?

На этот вопрос нам известны три взаимосвязанных ответа. Говорят, *во-первых*, что этика успеха на ранних этапах своего развития как раз и была этикой добродетелей с вполне оправданным родительным падежом в качестве связки. Р.Хубер назвал ее "*этикой характера*" - средоточием добродетелей, если не всех положительных моральных качеств, то во всяком случае многих. Они и являются условием, "рычагом" достижения надежного успеха. Но затем, уже в нашем столетии, "этика характера" перестала быть таковой, отвернулась от добродетелей, ставших ненужными и даже обузой при достижении успеха. Так возникла - по терминологии Р.Хубера - "*этика личности*"<sup>99</sup>.

Полагают, *во-вторых*, что добродетели способны реализоваться не повсеместно, а лишь в некоторых благодатных для их воплощения видах деятельности, в тех социальных практиках, в которых профессиональный успех просто не может быть достигнут достаточно последовательно и полно без реализации добродетелей

<sup>98</sup> Соловьев Э.Ю. Личность и право // Будь лицом..., с.82.

<sup>99</sup> Хубер Р. От "этики характера" к "этике личности" // Этика успеха. 1994, вып.1, с.66-71.

порядочности, честности и т.п. Речь может идти, скажем, о небольших артелях ремесленников, группах художников, ученых, спортсменов. Иное, мол, дело - "большое", "массовое" общество, основанное на институтах рынка и представительной демократии, управляемое бюрократическими структурами корпоративного типа, где человеческая деятельность оказывается всего лишь средством достижения отчужденного от нее могущества, средством реализации целей, потусторонних по отношению к внутренним ценностям. На таких-то позициях этика и успех как раз и оказались разлученными.

*В-третьих*, подчеркивается - в порядке продолжения предыдущего тезиса, - что добродетели обнаруживают свою действительность лишь в непосредственном общении людей, но оказываются "пятым колесом" в телеге формализованных функциональных отношений, опять-таки ставших господствующими в "большом" обществе.

Отметим, что все три ответа на сакраментальный вопрос относительно соотношения добродетелей и успеха отнюдь не являются вздорным плодом досужего воображения в духе моральной догматики, а отражают те или иные стороны вполне реальных процессов нравственной жизни современной цивилизации, ряда ее тенденций. Они должны быть не отвергнуты с порога, а осмыслены со всей тщательностью.

*От "этики характера" к "этике личности".  
Произошло ли нечто аналогичное  
в духовной истории России?*

Начнем с *первой* позиции, концентрирующей внимание на эволюции идеи успеха. В книге Р.Хубера содержится развернутое и критически ориентированное объяснение доминирования "этики личности" в контексте эволюции экономической системы и развития потребительских ожиданий. В ряде работ западных и отечественных исследователей было предложено полноценное объяснение происшедших изменений. Подчеркивается, что возникло массовое производство, прорвавшее барьеры дефицитности благ, потребовавшее новых поведенческих регулятивов, и это самым существенным образом повлияло на представления об успехе и способах его достижения. Проблема заключалась уже не столько в том, чтобы произвести больше товаров и предоставить услуг, сколько в том, чтобы заставить то и другое двигаться от производителя к потребителю: успешность поменяла систему координат и систему критериев. Природа конкуренции в этих условиях борьбы за покупателя, потребителя делает "этику личности" незаменимой для достижения делового и жизненного успеха.

Понятно, что привычные моральные оправдания успеха в этом плане утратили свою необходимость: покупка в рассрочку, все возрастающий стандарт жизни, социальное страхование, предостережения об опасности чрезмерного роста сбережений (в духе кейнсианства), рост потребительского кредита ("жизнь в займы"), падение пуританской традиции умеренности, бережливости и т.п. способствовали этим переменам в моральном оправдании деятельности, нацеленной на успех.

Еще один уровень объяснения в смене этических доктрин успеха связан с изменениями в предпринимательской деятельности. "Этика характера" морально "обслуживала" преимущественно малые формы бизнеса. Растущая конкуренция, появление корпораций, рост технократии проложили дорогу к новому предпринимательству и иной этической доктрине обоснования успешности. Корпоративная бюрократия требует прежде всего умения работать с людьми среди людей, причем на фоне обострения внутрикорпоративной конкуренции. В мире "этики личности" служащий продвигается вперед по своему статусу, престижу и доходу, рекламируя себя как товар, и в Америке середины XX столетия понятие "человек, с которым трудно иметь дело" стало соответствовать понятию бесчестности в более ранний период.

Три противоречивых последствия влияния "этики личности" на образ жизни американцев выделяет Р.Хубер. Во-первых, "этика личности" усиливает настроения конформизма, требуя играть в игру в соответствии с наиболее эффективными правилами, даже если они насилуют этические принципы данного индивида. Во-вторых, происходит смещение акцента с работы над природными ресурсами к работе над людьми, которые составляют "сырой материал", из которого создается успех, что делает все более вероятным нарушение кантовского императива отношения к человеку как цели, но не как средству. В-третьих, "этика личности" увела человека от самого себя. Если в "этике характера" успех был прочно связан с внутренними качествами личности, то в следующей за ней доктрине успех зависит от мнения других (знаменитое руссоистское "бытие во мнении других"). Средства успеха не являются фиксированными, а варьируются в зависимости от ожиданий других людей, что приводит к постепенной утрате самоидентичности. А такой человек все время чего-либо опасается и беспокоится.

Отметим некоторые изменения в мире и в его философском осмыслении, которые обусловили смену доктрин самой этики успеха.

Один из парадоксов роста индивидуальной свободы заключается, по Хуберу, во все большей зависимости от организаций,

институтов и других лиц как условия личного успеха. Однако, если индивид оказывается чрезмерно преданным целям, нормативам, правилам, принятым в корпоративно-бюрократических организациях, ему трудно достичь успеха - от него ждут лишь символической, ритуальной приверженности целям и нормам "индивидуалистического коллективизма", не более того.

Другое изменение касается различия в ощущении личной неудачи. Когда американец XIX века терпел неудачу, он испытывал чувство вины, неуважения к самому себе, чувствовал стыд перед ближними и ассоциациями, членом которых он был. Современный американец, предлагая самого себя как товар, при неудаче испытывает чувство тревоги относительно собственного могущества. То есть моральное качество вытесняется психологическим дискомфортом.

За годы, истекшие после выхода книги Хубера, произошли перемены, которые нельзя не учитывать в дескриптиве успешности. Прежде всего, произошел "взрыв" малого и среднего бизнеса, который, казалось бы, должен был вытеснен крупными корпорациями. В самих этих крупных организациях укрепилась корпоративная этика, которая, конечно, не могла оттеснить "этику личности" полностью, но позволила минимизировать, ослабить последствия тех противоречий, которые были вызваны сменой версий этики успеха.

Далее. Неудачи неоллиберализма снова потребовали "призвать на действительную службу" индивидуализм, создать новый баланс между солидаризмом и индивидуализмом, оттесняя крайние формы того и другого на обочину духовной жизни. Неоконсервативная волна несла за собой частичную реабилитацию "этики характера" с ее подчеркнутой ролью добродетелей в достижении успеха. Не исключено, что идет процесс синтеза обсуждаемых сейчас двух версий этики успеха.

С другой стороны, надо иметь в виду, что произошло не просто вытеснение и умерщвление добродетелей успеха, но и частичное обуздание индивидуалистического своеволия, хищничества, равнодушия к общественному благу, которые сосуществовали с "этикой характера" на протяжении всей ее истории. С помощью "этики личности" удалось ограничить практику следования циничному принципу "успеха достоин тот, кто его добился".

Однако, как показали исследования Р.Мертона, произошло и нарастание разрыва между побудительными мотивами ("достигай успеха") и ограничительными нормами ("соблюдай правила честной игры"), возникли диссонансы между подлинными и показными ориентациями. Отсюда - не просто рост психических срывов, но и учащение ролевых несоответствий, случаев обращения к осуждаемым

общественным и групповым мнением средствам достижения успеха. Изменилась и самооценка собственной жизнедеятельности: явно ослабла концепция призвания, морального долга, миссии.

*Ригористические и реалистические представления о "подлинной" морали.*

Теперь относительно двух следующих позиций по вопросу о соотношении успеха и добродетелей. Очевидно, что в "малом обществе" проще и легче обнаружить связь между добродетелями человека и выпавшим на его долю успехом. И эта связка вполне удовлетворяла потребности как развитых традиционных социумов, так и раннеиндустриализированных обществ. Когда экономика вписана в семейные отношения, а политика охватывает достаточно обозримый круг лиц и выступает как продолжение личных отношений, когда война опирается преимущественно на индивидуальное мужество (что не обесценивало роли военной организации), а культура выступает как выражение аристократического этоса праздности, тогда подобная связка обретает убедительные черты наглядности и справедливости.

Другое дело - большие организации и даже целые автономные специализированные подсистемы прежде слитного, как монолит, а затем расщепленного, дезинтегрированного общества (Н.Луман). Они функционируют по безличным законам и формализованным критериям. Занятые в них лица обязаны обладать умениями и знаниями, полученными в результате общеобразовательной и длительной профессиональной подготовки. Эти умения, знания, навыки очень часто слабо коррелируют с их добродетелями (феномен расхождения профессиональных и моральных качеств).

Иначе говоря, сеть функциональных отношений, которая расплзлась по всему современному обществу, не может выдержать нагрузки, связанной с расхождением намерений и действий, с давлением нравственно негативных мотивов. Нормальное функционирование данных подсистем и организаций требует страховки от злых умыслов, что достигается только в том случае, если оно вообще не зависит от моральных мотивов, от добродетелей и пороков. Поэтому этика добродетелей, замкнутая на мотивы и обнаруживающаяся в непосредственном общении, дополняется системной или институциональной этикой, которая не связана с содержательными мотивами, воплощена в правилах функционирования систем, совпадает с их объективной логикой<sup>100</sup>.

<sup>100</sup> Гусейнов А.А. Мораль и рынок // Нравственные основы предпринимательской деятельности. - Воронеж, 1995, с. 42-46.

В связи с высказанными соображениями отметим, что потому-то и возникла профессиональная этика, которая в сильной степени зависит и от мотивов, а через них и от добродетелей. Она не просто совпадает с объективной логикой функционирования подсистем и организаций, а обязательно требует такого совпадения на основе определенным образом ориентированного поведения специалистов всех профилей, что и позволяет соединить нравственность с профессионализмом. Роль интегратора выполняют нормы профессиональной этики и соответствующего этоса.

Уже говорилось, что этика успеха носит конвенциональный характер и вместе с тем она культивирует значимость нравственно позитивных мотивов, которые определяются доверием к универсальным нормам поведения в специализированных пространствах человеческой деятельности, в верности им.

Нам хотелось бы в данной связи обратить внимание на ярусность морали и на опасность, которая подстерегает исследователя, если тот вздумает придерживаться лишь одного - ригористического - представления о морали ("такова и только такая подлинная мораль!"), если примется отвергать другое представление ("такова неподлинная мораль!").

Существует облик совершенной моральности, воплощенной в этике любви, дружбы, чуть ли не уважения ко всему живому, самоотверженного служения Роду, Государству - "везде и всегда". Но не менее значим и другой облик моральности - социально определенных, погруженных в пространственно-временной исторический континуум и потому изменчивых нормативно-ценностных систем. Возможно, они ординарны в том смысле, что не требуют необычайных человеческих качеств и необычайной мотивации. Нормы и ценности этих систем насыщены социальной конкретикой ("здесь и сейчас"), предлагая такие способы интерпретации моральности, которые выражают пристрастия и интересы социальных групп и общностей, отдельных организаций. Здесь обычно вопрос стоит о человеческой порядочности, "среднем уровне" честности и добросовестности, об этическом стандарте.

Между двумя этими ярусами моральности трудно прочертить демаркационную линию с желаемой степенью четкости. Свойства неопределенности, скользких отличий, проницаемости особенно дают о себе знать, когда мы обращаемся к моральности внутри автономных специализированных подсистем. Здесь моральность принимает форму конвенциональности, а нормы складываются не только произвольно, но отчасти по соглашению ("скромная этика контракта", по удивительно точному выражению С.С.Аверинцева). Трудно



принять точку зрения тех, кто категорически отсекает конвенционализм от морали вообще, кто ставит вопрос ребром: либо-либо. Или "подлинная" этика - или некая институциональная этика, предполагая неподлинность, суррогатность последней.

| *Партнерство и "скромная этика контракта"*.

Действительно, в управленческих отношениях, при формализованных связях преобладает ролевое, "масочное" общение, а люди радикально разделены на субъекты и объекты, на управляющих и управляемых (подобно вещи, средству, продукту, механизму и т.п.), отношения между которыми содержат неравенство, подчинение, практику "решения за других", несамостоятельность. Основываются эти отношения на необычайной "религии": несокрушимой вере во всемогущество социального планирования и управления, на подавлении "иных измерений", на надзирательстве, на мотивации поступков не "по совести", а по указаниям свыше, из "Верхних Покоев", или же по коллективным решениям. Но давно известно, что даже в строго иерархизированных структурах имеют место неформальные, "неуставные" - в широком смысле слова - отношения, к которым уже не применимы обличающие иерархизм характеристики.

Существует и другой тип отношений - партнерство в добровольных ассоциациях, где религия Плана может противостоять религия Дела. Не станем уверять, будто партнерство воплощает высшие ценности нравственности. Подобные притязания были бы чрезмерными. Партнерские отношения могут не вызывать восторженности и, скорее всего, не вправе претендовать на эталонность человеческих связей. Вступая в партнерские отношения, автономная личность, способная к самостоятельной постановке и решению отнюдь не элементарных нравственных задач, руководствуется при этом личными, рационально исчисляемыми и ориентированными на успех интересами, а потому не следует приписывать ей "незаинтересованные" мотивы. Но было бы непростительным ханжеством утверждать, будто такие отношения не реализуют какие-то существенные, значительные для нравственной жизни ценности.

Данные отношения, пожалуй, следовало бы отнести к товарищеским, уподобить им, учитывая, что и в товариществе обнаруживается различная степень близости и теплоты, бескорыстия и солидарности. С известными поправками партнерство можно провести и по графе профессионально-коллегиальных отношений. Партнеры, по словам видного современного американского социолога А.Этциони, образуют жизнеспособные "ответственные сообщества", гораздо более

интегрированные, чем простая совокупность индивидов, стремящихся к самоутверждению, однако менее иерархичные, менее структурированные и социализирующие, чем авторитарная община<sup>101</sup>.

Эти отношения предусматривают довольно тесные связи, солидаристскую поддержку, предполагают определенную степень близости людей, их привязанность друг к другу. Они строятся на принципах доверия, уважения, доброжелательства, равенства, свободы выбора, взаимной полезности (у них - общее Дело) и ответственности за собственность, карьеру и престиж как объективированные формы успеха. Хотя и - в ряде случаев - при слабой выраженности интимности в отношениях, при перевесе формальных моментов над неформальными. Причем фактор взаимной полезности вовсе не делает признание партнера самооценным субъектом в качестве вынужденного, так как продолжает действовать фактор добровольности союза и, стало быть, признания партнерами друг друга в качестве участников субъект-субъектных отношений. Партнер не руководствуется "указаниями свыше" и у него не отключены механизмы долга и совести.

| *Добродетели "упакованы" в ингибиторных нормах*  
| *и правилах честной игры.*

Пока мы говорили главным образом о нормах-целях. Пришла пора в связи с обсуждением проблемы единства добродетелей и успеха вспомнить об ограничительных, сдерживающих нормах-средствах или нормах-рамках. На первое место в этом корпусе ингибиторных норм выходят требования морального (а не одного только правового, как это нередко кажется) равенства для всех тех, кто очутился на соревновательных площадях "открытого общества". Затем следуют нормы, которые требуют уважения к собственности, обретенной в результате вовлечения в рыночную игру с ее выигрышами и проигрышами, победами и поражениями.

Речь идет не просто о правилах игры на рынке, в политике, в профессиональной деятельности, а именно о *честных* правилах игры, следование которым предполагает и требует, как говорилось выше, *добродетели* партнерства, *добродетели* честности в отношениях между участниками игры, *добродетели* верности обязательствам. Они табуируют неразборчивость в средствах конкурентной борьбы (меры против недобросовестной конкуренции во всех сферах деятельности),

---

<sup>101</sup> Etzioni Amital. The moral Dimension. Towards the new Economics. - New York-London, 1990, p.8.

игру на грани фола. Они предполагают совмещение конкурентного потенциала в борьбе за успех с потенциалом кооперативным, рыночной ориентации на свободную конкуренцию - с ориентацией на добровольное ограничение экономического поведения, преодоление его социально оскорбительных форм.

Вместе с тем правила честной игры вовсе не носят ханжеского характера, не накладывают вето на хитроумные комбинации в рыночной и политической игре, не запрещают маневрирования, умалчивания о замыслах обманных движений, не осуждают стремления участников игры представить себя в выгодном свете. Иначе, не запрещают всего того, без чего игра - не игра, без чего трудно представить себе путь к успеху в ней, стремление к которому само относится к числу моральных требований (вспомним: добивайся успеха!), что делает этику успеха реалистичной, а не декларативной.

Далее следуют нормы, требующие уважения к достижениям (прибыль, богатство, карьера - политическая, научная, административная и т.п.) и к инноватике. Огромную роль играют нормы трудовой и профессиональной морали. Как это ни странно звучит, требуется уважение и к досуговой морали, к этике потребления, которую надо отличать от "фан-морали".

Все нормы-рамки могут быть либо сакрализованными (этически ориентированные мировые религии, знаменитая протестантская этика, все ее иноконфессиональные аналоги, включая конфуцианскую этику или этику русского старообрядчества), либо секуляризованными. Наконец, большой блок норм и ценностей связан с поведением внутри различных организаций и корпораций.

#### *5.4. Успешность совместима с достоинством.*

##### *Достоинство может быть успешным*

*Первый и Последний:  
знание и/или достоинство?*

Выделение этой темы в качестве отдельного параграфа может показаться не вполне логичным - его содержание может быть отнесено и к моральным конфликтам успешной деятельности, и к моральному риску ориентации на успех, и к добродетелям этики успеха. Да и в других гранях такой этики проблема соотношения ориентации на успех и человеческого достоинства вполне "своя". И все же мы

приняли такое решение. А в качестве сюжета для анализа избрали статью С.Соловейчика<sup>102</sup>.

С.Соловейчик дал оригинальный портрет *двойственности* успешного человека (успех здесь лишь одна из сторон медали: если на лицевой представлен Первый в школьном классе, то на оборотной - Последний), показав при этом, что портрет “рисует” учитель и “рисует” в ситуации большого риска, постоянного выбора и целей, и средств своей деятельности.

С точки зрения автора, вряд ли где так отчетливо видна двойственность понятия “успех”, как в школьном классе. Здесь учитель имеет дело “с обществом в разрезе: среди тридцати своих учеников он видит детей самых разных способностей и ценностных ориентаций”. Условно принимая характеристику учения “как дела, как работы, которая должна быть выполнена”, автор отмечает, что “успех самого учителя заключается в выполнении этой работы наилучшим образом и наибольшим числом детей”. Но здесь обнаруживается проблема для размышления: окажется ли такого рода результат действительно успехом?

Дело в том, что “возможны, по крайней мере, две ценности, два критерия педагогического успеха. Один из них - дело, то есть знания, прохождение программы, реальное умственное развитие детей. Другой - когда успехом учителя является чувство внутреннего достоинства, обретенное ребенком, самоопределение ребенка с точки зрения его места в окружающем мире и отношения к нему как равноценному человеку, какие бы у него ни были способности. Знание или достоинство - вот как формулируется проблема”.

А нельзя ли сформулировать проблему иначе - через “и”? “Во всем мире, на практике, реально получается именно “или”. Прежде всего, из-за современных методов обучения (других просто нет, кроме как у Шаталова, остальное все - только разговоры о том, что “надо, чтобы...”). Теми методами, которыми обладают сегодня учитель и педагогика вообще, знания можно дать только способным детям, а когда вы начинаете давать знания способным детям и хотите таких же знаний от неспособных, то чем ниже у Последних шкала способностей, тем больше вы унижаете их достоинство, тем больше они чувствуют себя второстепенными, третьестепенными и десятистепенными”.

---

<sup>102</sup> Соловейчик С. О Первом и Последнем в классе // Этика успеха. 1994, вып.1.

*Можно ли не допустить,  
чтобы Первый вырос циником,  
а Последний - неудачником?*

С точки зрения С.Соловейчика, “с Первым в классе все в порядке” - ведь он получает и знания, и достоинство. Проблема - в Последнем. “Конечно, можно увидеть проблему и в судьбе Первого, в цене его успеха - он может вырасти циником, причем именно успешным циником... Разумеется, трудно соблюсти такое разделение, ибо человек заботится о признании своей цены, признании себя равным. Причем человек с внутренним достоинством обладает тем качеством, что он себя чувствует не "первым", а просто достойным, и здесь существенная разница - для него достойны и все остальные. Для того, кто обладает истинным чувством достоинства, люди не ранжируются, все люди равны ему по достоинству, для него достоинство становится ведущим нравственным императивом”.

А в чем же проблема Последнего? “Последние в современном классе (условно "последние") составляют минимум 50%, а реально 70%, 80%, а может быть, и 90%, потому что реально учатся с увлечением в каждом классе от силы 2 - 3 человека. И перед учителем встает не только этическая проблема, но еще и проблема выживания: учитель, вооруженный современной педагогикой (другой не имеет) настоящему умеет учить только способных детей, остальных он вынужден принуждать. И что бы там ни говорили, как только мы из четвертого класса переходим в старшие классы, там все больше и больше применяется принуждение - уже в виде отметок, за которыми маячит исключение из школы. Как только исключение из школы перестало маячить, то есть принуждение потеряло силу - школа вся "села". И во всем мире на практике каждая школа вынуждена выбирать только что-нибудь одно: знание или достоинство”.

Автор видит совершенно ясный контраст вариантов предпочтений в этой альтернативе между американской и советской школой. “Вся Америка требует от школы, чтобы она давала знания, базовые знания, считая, что школа плохо учит, что школа разваливается, - "разваливается" же она именно потому, что крепко держится за достоинство. Из двух ценностей, которые находятся в противоречии, они выбирают достоинство, и результаты такого предпочтения нас поражают, когда мы видим раскованных свободных детей. Это дети, которых не мучили в школе, которые просто ходили в школу, а там они или учатся или - не учатся, но если они не учатся, то есть не добились успеха в классе, это никого не волнует”.

Что же получается? Не оказывается ли, что “деятельность американской школы прямо противоположна интересам американ-

ского общества, потому что в обществе ценится успех, успех и успех, а в школе успех не ценится"? А если "да, оказывается", то откуда же в Америке берутся успешные люди? "Преуспевают люди способные. Способные дети учатся, и из них выходят нобелевские лауреаты. В то же время в американской школе можно встретить в 11 часов утра детей, которые сидят на пороге класса и играют на банджо. Спросите: "Почему вы играете на банджо в 11 часов утра?" - "Потому что у нас банджо". (Это диалог, который действительно был у меня). Я спрашиваю: "Что, у тех математика, а у вас банджо?". "Да, - говорят они с вызовом, - у тех математика, а у нас банджо!". Математика и банджо совершенно приравнены в правах и потому понятие успеха меняется. Для делового успеха нужна математика, а для развития человеческого достоинства математика как раз не нужна, может быть, даже опасна, а нужно банджо - ученик тогда не просто "время проводит", он развивается в это время, занимается тем, чем он хочет. Ничего прагматического для будущей его работы это скорее всего ему не даст, зато у него не будет комплекса неполноценности, зато достоинство будет сохранено. Очень важен поэтому ответ, гордый ответ американского мальчика".

*В Америке в обществе ценится успех,  
в школе - достоинство. В нашей стране  
школа настраивает на успех,  
не думая о достоинстве.*

Не отвлекся ли автор от темы? "Я все время говорю именно о Последнем в классе. В Америке: в обществе ценится успех, в школе - достоинство. В нашей стране: школа настраивает на успех, не думая о достоинстве. Американский мальчик выходит из школы с чувством внутреннего достоинства, сохранив его в процессе учения, и потому чужой успех в окружающей жизни не вызывает у него никакой зависти. От столкновения с чужим успехом руки у него не падают, потому что его достоинство и достоинство успешного человека для него одинаковы. Он сознает свое право на успех, он трезво понимает свои возможности - какие есть, и уважает успешных людей.

У нас же наоборот. У Последнего складывается представление о том, что успех - это для кого-то другого, не для него; между успешным и неуспешным он видит пропасть: "я вечный неудачник, успех мне недоступен, я всегда буду двоечником-троечником". К великому счастью наша школа - не один-единственный институт воспитания в обществе, к счастью ("не было бы счастья..."), школа - слабый воспитатель. Если бы наша школа была в добавок еще и сильной, то она вообще погубила бы весь народ. К счастью, дети

способны быть суверенными от школы, и очень многие двоечники и троечники не верят в ценность школьного успеха, отрицают ее, презирают отличников (это важный момент). И потому заканчивают школу, сохраняя чувство собственного достоинства, а дальше - выходят в очень большие люди.

И наоборот, у нас погублены многие отличники, дети, добившиеся успеха в школе. Там они привыкают к успеху, только к успеху, без обязательного чувства достоинства. Перед многими отличниками не возникает даже моральной проблемы цены достижения статуса Первого в классе, не рефлексится проблема достоинства. Первый не ощущает проблемы сохранения и развития своего чувства достоинства, он стремится чувствовать себя успешным человеком, а это другое. И когда в жизни не получается такого же успеха, какой был в школе, - потому что в жизни совершенно другие условия и другие требования, - Первый сейчас же "садится в лужу".

Сохраняется ли эта традиция советской школы в наши дни? Сегодня, отмечает автор, в нашем обществе происходят перемены, когда успех как ценность все больше и больше выходит на лидирующее место; изменяется и школа. Если прежде, как мы уже знаем, ценность успеха преобладала над ценностью достоинства, то в наши дни внутри этой доминанты прослеживаются перемены. Прежде приоритетом был успех самого ученика, теперь же на первые места выходит успех учителя.

Как же учитель достигает успеха? Автор отмечает, что теперь учитель, ориентированный на успех, "ищет способы взаимодействия с Последним", чтобы дать ему реальное чувство успеха - когда он увидит, что "подтягивается". А тем самым Последний освобождается от комплекса неполноценности, а значит решается проблема достоинства.

Но... - здесь автор держит длительную паузу - "только если учитель нашел способы, отрицающие принуждение ученика". При этом способы, действующие при отказе от разделения Первых и Последних по разным классам. Ведь сегодня распространена практика, когда такое разделение считается действительной перестройкой школы, "потому что, якобы, неуспешные перестают мешать успешным детям, а успешные, которым "никто не мешает", естественно, добиваются большего. И вот появляются такие школы, появляются такие классы, появляются такие скрытые формы деления внутри одного класса - хотя бы в виде индивидуальных заданий, при которых одному дают сильные задачи, а другому - слабые ("ты все равно дурак"). Не говоря уже про то, что, начиная с 70-х годов, когда

обучение стало обязательным, в классе появилось огромное количество "отпавших" учеников".

Итак, по мнению автора, возникает проблема: "учителю для его успеха необходимо разделить детей, но разделение детей ужасно для самих детей". При этом "современные школы не умеют учить без разделения детей - и наша школа, и школа мировая. Мне известна лишь одна школа, которая категорически не делит детей, причем не делит детей осознанно. Это шведская школа. Пятнадцатилетним экспериментом в Швеции постепенно созданы школы, в которых дети не разделялись. И теперь в школах двоечник сидит рядом с отличником, очень богатый сидит с сыном дворника. Частные школы не пользуются спросом, родители предпочитают отдавать детей в демократическую школу, потому что на практике доказано, что дети в этой школе учатся лучше... В обществе, конечно, есть известные разделения, но в демократическом обществе успешные и неуспешные все-таки сосуществуют. В идеале это может быть и в нашем классе, и такие примеры есть, и такая педагогика есть, и, страшно сказать, есть даже такая методика - у Шаталова".

С.Соловейчик еще раз подчеркивает: вся "соль" здесь в том, чтобы успех и достоинство не разделялись, "чтобы успех содействовал внутреннему достоинству, чтобы это был успех не за счет других, как сейчас в школе часто происходит, а личный успех на успешном фоне. Тогда расцветает достоинство, сохраняется и выращается, когда личный успех достигается на общем фоне успеха, когда и другие люди рядом с тобой также ценят успех и также его добиваются".

*Неравенство в успехе,  
но равенство в достоинстве.*

Завершив анализ проблемы Первого и Последнего в классе с практической точки зрения, исходя из школьной реальности", автор переходит к анализу проблемы с точки зрения императивов долга, этического отношения к детям, уважения, сотрудничества. Этическая проблема номер один - "кто есть Первый и кто Последний", и "Первого и Последнего не должно быть".

"Я для себя понял этот императив через анализ лозунга "Свобода! Равенство! Братство". Равенство - вот над какой проблемой бьется человеческое общество в течение последних, по крайней мере, трех веков - со времен английской революции и французской революции. Сначала приняли равенство как чисто юридическое требование, равенство перед Законом. Выяснилось, что эту задачу со многими оговорками решить можно. Тут же потребовалась следующая ступень равенства - экономическое равенство... Но ... история



развивалась известным образом и от экономического равенства ничего не осталось, а мы теперь понимаем, что оно и не возможно при современном развитии”.

Но когда автор обнаружил, что экономическое равенство невозможно, то перед ним встал вопрос: в чем же равенство? И он нашел ответ: *равенство в достоинстве*. Что такое вполне возможно на практике доказано опытом многих стран. “В достоинстве люди действительно могут быть равны”. Человек демократического общества как бы говорит: "Я признаю твое богатство, я признаю твой другой образ жизни, связанный с богатством, я признаю твои способности, я все признаю, но и при этом, несмотря на это, чувствую себя равным тебе".

Для такой позиции, подчеркивает автор, необходим своеобразный переход в рефлексии, так как неравенство очевидно, а достоинство - не столь очевидно. Ибо равенство материально, а достоинство духовно. “И скачок от духовного к материальному и от материального к духовному - предмет особого труда, может быть, труда души, о котором говорил поэт. Такой труд - предмет работы школы, семьи и общества”.

### *5.5. Моральная свобода уклонения от ориентации на успех*

*| Гордость, гордыня, показная скромность.*

Значимый, на наш взгляд, аргумент в пользу этического статуса представляемой в докладе доктрины содержится в решении ею проблемы взаимоотношений человека успеха и носителей иных воззрений, ориентаций.

Начнем с того, что этика успеха не только ориентирует на достижения, не только призывает одновременно как к борьбе и конкуренции, так и к кооперации и партнерству, но и запрещает любые проявления бесчувственности, черствости со стороны "достигших" по отношению к "отставшим" или сошедшим с эскалатора социального восхождения, осуждает высокомерное отношение людей успеха "первого разряда" к "безразрядным" - пока не замеченным и не признанным. При этом напоминая, что чувство мнимого морального превосходства взобравшихся на вершину успеха и снисходительно поглядывающих на тех, кто отстал или вовсе “застрял” у подножия этой заманчивой вершины, провоцирует столь же опасное для состояния общественных нравов чувство зависти, злорадства при любых неудачах людей успеха.

Этика успеха культивирует чувство гордости за достигнутое. Это - естественное и живительное чувство, оно имеет бесспорную общественную значимость, поддерживает в человеке сознание собственного достоинства и чувство независимости. В стране с долгим засилием патернализма поддержка такого чувства очень важна. Но этика успеха культивирует и *меру* этого чувства. Доведенное до крайности оно легко переходит в свою противоположность - в гордыню. Христианская мораль в числе семи непростительных смертных грехов небезосновательно ставит на первое место именно гордыню. Ее зовут матерью всех пороков.

Близка к гордыне и показная скромность. И уж совсем плохо в нравственном смысле, когда самолюбование и тщеславие принимают болезненные, уродливые формы и сопровождаются уже не снисходительным, но презрительно-брезгливым отношением к тем, кто не принадлежит к кругу избранников, баловней судьбы, кто "недотягивает" до их статуса, когда весь этот комплекс чувств перерастает в нарциссизм отдельных лиц и даже целых элитарных групп со своими вульгарными (как правило) замашками и жаргоном, фактически уступающим ряду других групп уровнем культурных запросов, вкусов, манер и стиля поведения. Прежде таких именовали иронически "элитой низов и выскочек", а теперь к иронии добавляется возмущение "элитизмом" новоявленных богачей, нуворишей, успешность которых чаще всего носит паразитарный и призрачный характер.

| *Толерантность к альтернативным  
ценности успеха ориентациям.*

Далее. Этика успеха предполагает проявление толерантности и по отношению к *альтернативным ориентациям* относительно устремленности к деловым и профессиональным достижениям. Модернизирующиеся социумы культивируют идеологию успеха как важнейшую "локомотивную" ценность, а этику успеха рассматривают чуть ли не в качестве духовного символа веры современной цивилизации достижений. И на Западе, и у нас не первый день существует развернутая социальная критика модернизации - критика скептического, романтическо-консервативного, фундаменталистского, социально-утопического подходов. Она предполагает негативную оценку ценностей делового успеха и несколько более снисходительное, осторожное, далеко не восторженное, отношение к ориентации на профессиональный успех. Само слово "успех" раздражает чувствительное ухо тех, кто привержен такой социальной критике, и они отдают предпочтение всем видам намеренного или

пусть лишь отчасти намеренного уклонения от вовлечения в "крысиные гонки" за миражами успеха.

Такая критика - не новичок в духовной сфере и имеет за собой почтенную традицию. "Проживи незаметно", - призывал еще Эпиктет. "Признак настоящей жизни, настоящего человека, настоящего искусства - бесследность", - заверял древнекитайский мыслитель. "Быть знаменитым некрасиво" - таково утверждение Б.Пастернака. "Все, что мы побеждаем, - малость, / нас унижает наш успех. / Необычайность, небывалость / зовут бойцов совсем не тех" - это уже из Р.М.Рильке. А вот более свежее (и уже цитированное выше): хвала будничной жизни советских людей, которые, - согласно ностальгическому вздоху Г.Гачева, - пользовались всеми благами социализма, но не надрывались на работе, никуда не спешили, превращая время в деньги, как это вынуждены многие делать сейчас.

Россия известна феноменом "обломовщины". Одна из его трактовок рассматривает этот феномен как проявление особой историческо-ситуативной позитивности мотивации неучастия и бездействия. Такая мотивация сулит успехи в тихой, невидимой деятельности души, в частной жизни, обнаруживая греховность в излишней устремленности к достижениям и обуславливая комплекс вины преуспевающего человека, столь ярко выписанного в нашей литературе.

Существует и мировоззрение социальной пассивности - квиетизм. Его императивы отличаются от инцидентной пассивности, временного паралича воли, от состояния аутогенной тренировки. Это - поиск абсолютной безмятежности, социального безразличия, выключения из любых социально одобренных моделей действия. С такой эскапистской точки зрения идеал естественного и свободного человека не нуждается в гонках за успехом и в "каких-то" достижениях. Временами такой человек, правда, вынужден имитировать участие в общественной жизни, как будто бы преследуя определенные модели успеха, но тем самым он лишь маскирует свой ретретизм - уход в расчетливо избранное одиночество.

Весьма отличен от этого подхода стоицизм с его установкой на деяние без надежды на успех, о чем мы уже говорили. Если квиетизм означает, по сути, капитуляцию перед сложностью и суровостью мира, перед драматичностью Дела, перед противоречивостью самой концепции этики успеха, свидетельствует о неготовности овладеть нормами этой этики, то стоицизм предполагает постоянную мобилизацию воли, напряжение самодисциплины, героическую решимость, готовность повстречаться с непредсказуемыми зигзагами судьбы.

Испытывая уважение к такой "философии безнадежной решимости", заметим, что она дает реальный шанс обновления общественной морали и, вместе с тем, укрепления норм этики успеха.

### *5. 6. Кому служит доктрина этики успеха*

*| Восприятие доктрины: кто же пользователи?*

Хотелось бы ограничиться лапидарной констатацией: свободная мысль служит только сама себе. Другое дело - кем она может быть востребована, использована.

Среди многочисленных откликов на журнал "Этика успеха" был и такой: "социальный запрос на размышления об успехе слишком понятен. Новый "успешный" класс нуждается в квазиидеологическом своем оправдании"<sup>103</sup>. Подобные суждения отнюдь не уникальны. Ситуация в России такова, что, вне всякого сомнения, подозрительные условия и цена успеха, поведение и стиль жизни значительной части достигших успеха людей, иронично, а то и презрительно именуемых "новыми русскими", носит настолько вызывающий характер, что сама попытка сочетания слов "этика" и "успех" не просто раздражают и даже не только вызывают отвращение, но и бросают тень подозрительности на тех, кто пытается соединить эти слова в некую единую конструкцию. Кажется, что легче соединить "лед" и "пламень". Попытки создания доктрины иногда воспринимаются и как святотатство в отношении к морали, как некая абракадабра в языке научной этики и, что наиболее существенно, как оскорбление тех, кто силой обстоятельств или личной моральной чистоты, даже безгливости, отрезаны от возможностей продвигаться по пути успеха. Оскорбление, представляющееся критикам тем более несправедливым, что неуспешность вменяется как вина, как безответственность - вроде распространившегося оценочного шаблона "если ты такой умный, то почему не богатый?!" - и считается незаслуживающей сочувствия и сострадания, не говоря уже о руке помощи.

Рассуждая на эту тему, А.С.Панарин отмечает, что "со времен возникновения христианства основой консенсуса между носителями духовной власти и народом была морально-религиозная легитимация (презумпция духовного превосходства) "нищих духом" - угнетенных и слабых. Революционно-демократическая интеллигенция в основном наследовала это христианское обетование, грядущее блаженство

---

<sup>103</sup> Шевелев И. Кто эксперт успеху брата своего // Независимая газета. 1995, 5 октября.

нищих духом, придав ему форму социалистической утопии. Сильные, наглые, преуспевающие будут унижены, обездоленным - воздастся”.

В этой связи автор пишет, что в современной России, где сильно деформирован процесс преобразований, можно “говорить о настоящей социокультурной катастрофе, связанной с языческим вырождением духа интеллигенции. Даже в условиях номенклатурного капитализма, равно оберегающего свою монополию на хозяйственную власть и собственность, попирающего все нормы и правила нормальной экономической соревновательности, интеллектуалы продолжают твердить, что бедность свидетельствует не о честности и святости, а о лени и нерадивости”<sup>104</sup>.

Мы считаем принципиально важным совместить учет справедливой части замечаний такого рода со стремлением не упустить и такую особенность современной ситуации, которая оценивается психологами как “влюбленность в неудачу”. Так, опираясь на психологическую концепцию переживания как особой деятельности, А.Г.Асмолов отмечает удивительную боязнь думать об успехе негедонистически, о деятельности переживания успеха - не как о разъединяющем людей факторе, а как объединяющем. “Мы удивительно не понимаем, что успех и идеал - это понятия очень родственные, что ценностная логика успеха, как, если угодно, прожектора для высвечивания идеалов, крайне важна” (цит.соч., с.10-11).

Развивая характеристику психологических граней идеи успеха, автор констатирует: если проанализировать практикуемые сегодня в нашей стране модели успеха, то обнаруживается необходимость для нас самих осознать, что “мы - страна, влюбленная в кризис, страна, влюбленная в неудачи”, и потому на таком фоне разворачиваются все события. Вспоминая Шолом-Алейхема: “Мне хорошо - я сирота”, А.Г.Асмолов отмечает, что, например, в современной социальной политике мы повторяем эту же самую фразу. В результате “социальная политика России сегодня - это прямое бегство от ценности успеха” - утверждает автор.

Уделяя особое внимание “общей системе кровообращения” психологии и этики, автор отмечает, что “ситуация неопределенности полагает логику успеха как логику признания за каждым иных путей развития, а это значит “пожать руку идее вариативной эволюции”. Главное в ней - через успех поддержать вариации. Либо идти по пути селективного отбора - и тогда свести все к формуле “выживают

---

<sup>104</sup> Панарин А.С. Какое президентство ждет Россию? // Этика успеха. 1995, вып.5, с. 10-11.

выжившие", либо понять, что для каждого найдутся варианты развития. И тогда задача заключается не в том, чтобы "отбирать" только сильных, способных победить и поддерживать только лишь их, но, как японские педагоги, подсказывать молодым: успех не в том, чтобы сегодня обыграть того, кто бежит рядом по дороге, а в том, чтобы сегодня быть успешнее самого себя вчерашнего.

Если молодежь не будет воспринимать конкуренцию как главную модель успеха, тогда можно рассчитывать на развитие солидаристической культуры, на переход от "культуры полезности, где преобладает логика конечной цели, от финалистской культуры - обезличенной культуры, в которой всегда есть финал, к культуре, где в спектакле нет финала, и это прекрасно, к культуре, где нет логики выживания, где главная логика - Жить" (цит. соч., с.13).

Еще и еще раз подчеркивает А.Г.Асмолов, что страна, "влюбленная в кризис", в распад или же в мнимые идеи стабильности, всегда слепа. "Пока страна не имеет модели проживания успеха и поиска успеха в культуре достоинства, она может много натворить". Успех, с точки зрения автора, "роднится с идеей инновации в контексте поиска". Если же пойти другим путем - принять "модель влюбленности в неудачу", тогда уже доминируют не инновации, а аврал и мобилизация. В этом случае неизбежно, как показывает любая логика изучения стрессов, истощение. "И можно прогнозировать для российской культуры летальный исход" (цит. соч., с.13-14).

И еще один аспект проблемы выбора точного социального, политического и морального отношения к неуспешным людям. Ведь взывают к состраданию и помощи еще и те, кто "опоздал при дележке общественного пирога, кто менее приспособлен к работе в рыночных условиях, однако обладает немалым аппетитом", "неэффективные, неумелые производители", ждущие и требующие поддержки за счет потребителей, за счет всего народа, "неквалифицированные управленцы, нерадивые работники, неудачливые бизнесмены, неэффективные товаропроизводители" и т.п.<sup>105</sup>

Итак, исчерпывается ли "пользователь" идеи успеха только такими субъектами, которые на практике подменяют этику успеха аморализмом беспринципного, наглого, изворотливого достижения, или, напротив, только теми неэффективными работниками

---

<sup>105</sup> См.: Улюкаев А. Новые лики старого призрака // Литературная газета. 1995, 22 ноября; см. также развернутый вариант этой статьи в журнале "Открытая политика", 1995, №9.

разных ролей, кто не вписался в рыночные требования и стандарты и потому именно “не успел”, “отстал” и т.п. ?

| *Так кому же служит доктрина?*

“Служит?” Имеет ли такая формулировка право на существование? Предлагаю положительный ответ на этот вопрос заметим, что при не зашоренном узкоклассовыми предрассудками видении общества этика успеха выполняет роль моральной философии наиболее динамичных групп и слоев современного общества, групп и сообществ, отличающихся новыми картинами жизненных миров, “групп развития”, воплощающих в себе дух времени, эпицентры трансформации всего социума и т.п. Этика успеха революционизирует социальные структуры и отношения, “обслуживая” вовсе не “новых русских”, если под этим выражением понимать лишь известную часть предпринимательского и чиновничьего сословий, а новых в культурологическом смысле, т.е. - *“молодых русских”*.

В то же время вопрос о “пользователе” ставит нас перед проблемой такого рода: представляют ли люди, ориентированные на успех, замкнутую, эзотерическую группу любого общества, и тем более современного российского, или же “вход” в число ориентированных таким образом людей свободен для каждого, ограничен лишь желанием?

Этот вопрос имеет множество граней. Мало “хотеть” - надо еще “мочь” и “уметь”, мало “желать” - надо еще “сметь”. Не менее важна ситуация в обществе: стремится ли оно в действительности к стимулированию успешной деятельности, в какой мере это стремление относится не только к элитам, но и к массовому субъекту, дает ли оно возможность совмещать стремление к успеху со стремлением к жизни достойной и даже праведной, о чем уже говорилось раньше.

Размышляя над вопросом о перспективах демократизации субъекта идеи успеха в современном обществе, следует отметить мегатенденции, которые содействуют расширению числа людей, так или иначе вовлеченных в деятельность, мотивированную идеей успеха. В какой-то части запаздывая, а в другой - опережая, эти тенденции прослеживаются и в нашей стране. Правда, если “в первые годы реформ доля людей, адаптировавшихся к новым условиям, систематически возрастала”, то “в последнее время она стабилизировалась и стала снижаться, что может рассматриваться как свидетельство исчерпания адаптационных ресурсов общества по

отношению к проводимой социально-экономической политике”<sup>106</sup>. В то же время само расширение числа людей, ориентированных на успех, имманентно связано с расширением возможности достойной жизни, что, в свою очередь, может быть только необходимым условием, но отнюдь не достаточным, так как достоинство существования - даже в экстремальных условиях - всецело зависит от самой личности, ее сознания, самочувствия и поведения.

Доктрина этики успеха защищает не столько политическую и социальную, сколько *моральную* идею (в той мере, в какой их вообще можно отделить друг от друга). Очевидно, что основной способ связи такой идеи с практикой - моралистический (но не морализаторский), когда этическая идея успеха проблематизируется и культивируется как одна из новых альтернатив морального выбора.

В то же время это идея *этико-прикладного* характера. Она касается тех ценностей и норм, которые *конкретизируют* моральные ценности, развивают их в различных сферах делового и жизненного успеха. В такой ситуации у моральной идеи формируется дополнительная практическая сила. Так, благодаря *профессиональному* статусу Дела, выбор Человека Дела весьма жестко обусловлен ценностью успеха: служение Делу неотделимо от ориентации на успех.

*Не довлеет ли демонизируемый образ успеха в сознании части наших интеллектуалов?*

Довлеет, и не без оснований, “данных нам в ощущении”: успех нередко достигается в конкурентной борьбе и победитель в значительном числе случаев говорит знаменитое - “горе побежденным”. Положительные моменты конкуренции, в том числе и в моральном плане (победа в “конкурсе” при соблюдении правил честной игры - это доблесть, знак морального мужества), в этой ситуации оказываются не просто скрытыми, но и вовсе “отодвинутыми”, погашенными, тем более, если речь идет не о мягкой, а о жесткой форме конкуренции.

Однако мы хотели бы подчеркнуть не просто положительные стороны конкуренции, но и указать на тесную - пусть и не всегда очевидную - связь успеха с установками на кооперацию. В аналитическом обзоре американской литературы об успехе социолог А.Ю.Согомонов выделил две основные стратегии успеха - достижение

---

<sup>106</sup> Заславская Т.И. Трансформация социальной культуры российского общества // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. - М., 1996, с. 21.



(а) через кооперацию и (б) через конкуренцию<sup>107</sup>. По мнению автора, постсовременную эпоху характеризуют следующие обстоятельства: во-первых, исторический период "индивидуалистических" типов успеха в основном исчерпан, во-вторых, им на смену приходит время "кооперационной" модели успеха (в социально-профессиональном смысле), в-третьих, современной культуре общества свойственен страх успеха, а за этим страхом стоит нежелание соревноваться.

Разделяя версию А.Ю.Согомонова о наличии стратегической оси успеха: кооперация → конкуренция, психолог М.Жамкочьян отмечает, что "смещение к левому полюсу есть современная тенденция, которая проявляется в корпоративности. Россия, видимо, тоже начала движение в ту же сторону". Психологу представляется любопытным, что достигшие успеха люди, в том числе пишущие об этом на страницах журнала "Этика успеха", с той или иной степенью отчетливости "пытаются сказать о существовании внутренних критериев успеха: от ощущения праведности<sup>108</sup> до "призванности", ощущения, что "то, что я делаю - это мое"<sup>109</sup>. И потому психологу представляется очевидным, что, "являясь существенной стратегией личного успеха, поиск "своего" не является стратегией индивидуалистической, конкурентной"<sup>110</sup>.

При этом, полагает М.Жамкочьян, "кроме стратегической оси "кооперация → конкуренция" просматривается еще одна, с условными обозначениями полюсов: "Внутриличностная конгруэнтность → конформность". Первая стратегия в пределе означает совпадение с самим собой, уподобление самому себе, стремление к внутренней гармонии, тогда как вторая - более известная - есть уподобление другому, в пределе совпадение со всеми, стремление ощутить себя таким как все. Эти две стратегии находят свое выражение в фундаментальных процессах индивидуации - социализации" (там же, с. 141).

---

<sup>107</sup> Согомонов А.Ю. Текст корпорации: "страх успеха" или "дух сотрудничества" // Этика успеха. 1994, вып.3.

<sup>108</sup> Гранин Д. Генеалогия успеха // Этика успеха. 1994, вып.3.

<sup>109</sup> Памфилова Э. "...Остаюсь романтиком в политике" // Этика успеха. 1994, вып.3.

<sup>110</sup> Жамкочьян М.С. "Настойчивость ноги": конец эпохи социализации // Этика успеха. 1996, вып.8, с.140.

*Общество может и должно направить  
энергетику неудачи в конструктивное русло.*

Идея признания права на иные жизненные пути, выбора своего направления в жизни является базовой в понимании доктриной этики успеха возможностей общества. Поэтому представляется убедительным подход относительно ранее упомянутой “энергетики неудачи”, который демонстрирует Г.Л.Тульчинский, отвечая на вопрос о возможности для общества направить “энергетику неудачи” в конструктивное русло. Автор считает: невозможность избежать полностью негативных девиаций, не означает, что нельзя снизить их вероятность. “Главной задачей при этом будет обеспечение многовариантности миров для самоутверждения. Еще точнее - обеспечение маргиналам-неудачникам шанса на создание своего мира, на реализацию онтологического импульса свободы...

Золотое правило: можешь - помоги, не можешь - не мешай. Поэтому признание за человеком права на выбор в рамках закона - удел не только сытых сообществ. Наоборот, общество в кризисной ситуации больше зависит от сверхусилий индивидов, от возможностей их самореализации. Хотя бы потому, что кризисное общество есть общество неудачников. И поэтому оно должно, обязано использовать эту энергетику их-своей неудачи”<sup>111</sup>.

Когда мы читаем о маргиналах-неудачниках, вспоминаем и еще один важный аспект свободы, представлений о долге, чести и достоинстве личности. Как уже говорилось, общество не может не признать за личностью и такое право на свободу выбора, как уклонение от успеха по принципиальным соображениям. Такие соображения не покидают поле нравственной по своей природе мотивации.

Схожую же мысль, но на социологическом языке, высказывает социолог Б.В.Дубин. Проблема, с точки зрения автора, заключается в том, как могут институализироваться в нынешнем и завтрашнем российском обществе импульсы нового, энергия перемен, как они могут войти в социальную структуру, усвоиться и поддерживаться социумом, как ценности ориентации на успех наиболее инициативных и авторитетных групп способны превращаться в устойчивый компонент ориентации большинства, во всяком случае многих. “Причем особенность проблематики успеха здесь и сейчас такова, что, вытесненная из сознания, по меньшей мере, двух поколений советских людей, она по-прежнему остается

---

<sup>111</sup> Тульчинский Г.Л. Неудача как стратегия успеха // Этика успеха. 1996, вып.8, с.31.

полускрытой, ведет какое-то почти нелегальное, призрачное существование в публичном пространстве, в общественном мнении. Успех - не просто случай или удача, прорыв и фурор. Индивидуальное достижение может стать социальным фактом и структурно-динамическим фактором только если оно социализировано, общественно закреплено, ценностно поддержано. То есть, оценено (стало быть, для него имеется мера или даже система мер), отмечено (другими словами, существует набор его знаков и символов) и признано (а значит, должны быть соответствующие авторитетные "судьи", своего рода жюри). И хотя оценка и вознаграждение хронологически следуют за действием, подытоживают его, но, говоря социологически, критерии и инстанции этой оценки, конечно же, входят в структуру мотивации действующего индивида, направляют его шаги и, в этом смысле, им сопутствуют и даже предшествуют<sup>112</sup>.

Этой пространной цитатой, содержащей идеи, которые мы разделяем и которые дают нормативный ответ на вопрос о том, кому служит этика успеха, мы завершаем параграф и раздел в целом.

---

<sup>112</sup> Дубин Б.В. Эта нынешняя молодежь // Этика успеха. 1996, вып.8, с.34-35.

*Часть третья*  
**РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ЭТИКИ УСПЕХА:  
ВОЗМОЖНА ЛИ ЭТИКА УСПЕХА  
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?**

| *Вопросы, которые мы выбираем.*

Стоит только вникнуть в объявленную тему и шквал трудностей обрушивается уже на стадии постановки вопроса. Во-первых, вынесенный в заголовок параграфа вопрос предполагает соединение множества других, причем разнопорядковых, вопросов, образующих в сумме отнюдь не стройную систему, а некий "хаосмос" (выразительный оксюморон, придуманный двумя современными французскими философами). И все эти вопросы с трудом поддаются уплотнению и прояснению, накладывая друг на друга плохо коррелируемые "картины мира", "хронотопы", образующие, в лучшем случае, фрагментарную мозаичность (в должной мере они не могут быть - без самостоятельных исследований - проанализированы в данной работе).

В такой ситуации попытаемся сначала просто перечислить данные вопросы, не соблюдая особо правил ранжирования их по значимости и по времени постановки.

Прежде всего, когда и как в России происходило (если происходило) вытеснение "естественной" морали моралью рациональной и что при этом возникало в ценностном Зазеркалье?

Если верно, что этика успеха зачинается и зреет в недрах рациональной морали, то какой вид приобрела последняя у нас в стране и как протекал (и протекает) конфликт между двумя нормативно-ценностными системами? Что ускоряло, продвигало, а что - тормозило и искривляло данный процесс?

Из какого идейного и ценностного "материала" возводились основания этики успеха? Во-первых, какими традициями она в России подпитывалась, а какими - притеснялась и, возможно, даже табуировалась? Во-вторых, что пришлось "пересаживать" из импортного, заемного "материала", как известно плохо приживающегося в наших широтах? Каков был потенциал трансформирования в плане взаимодействия этики успеха с профессиональными ценностями страны, ее этическими религиями спасения? Какую роль при всем этом играла идея государственного служения и успехов на данной ниве? Как христианский индивидуализм сочетался с этническими архетипами и общинно-соборным сознанием? Как шел процесс

формирования граждан (а не просто подданных), частной собственности, прав человека и "юридизма"? На базе каких ценностей возникали у нас - в той мере, в какой возникали - традиции и нормы этики предпринимательства, политической этики, этики социального управления? Что с ними случилось в послереволюционную эпоху отечественной истории, какие возникли в этот период этосные образования, какие выкристаллизовались модели жизненного, профессионального, делового успеха, самотворения? Какую эволюцию они прошли и что с ними стряслось в перестроечную и постперестроечную эру, когда за каких-нибудь десять лет мы оказались едва ли не в "другой стране"? И так можно вопрошать "ad nauseam" - до отвращения!

*Модернизация в России:  
говорят ли факты сами за себя?*

Для начала попытаемся несколько упростить свою задачу. Сформулируем основной вопрос этой темы следующим образом: идут ли модернизационные процессы на просторах нашего Отечества и, стало быть, формируются ли здесь рыночные отношения и демократические институты, с которыми обычно увязывается и ход становления этики успеха, ее смысловое накопление?

Казалось бы, факты говорят сами за себя?! Но ведь известны и отрицательные ответы на этот ключевой для нашей темы вопрос. Мотивация таких ответов может быть самой разнообразной, однако инвариантны не испытывающие даже признаков истощения постоянные ссылки на фундаментальную *чуждость* этики успеха для ментальности нашего народа, его глубинных экзистенций. А в этом случае данная этика сразу проводится по статье искушающей дьяволиады, сатанинского совращения, корня отпадения от благодати, всяких смут и всяческих схизм.

*Является ли ориентация на успех  
источником "моральной порчи народа"?*

Подобные подходы имеют хождение тогда, когда модернизационные процессы начинают упираться в упругую неподатливость социальной материи, в окаменелость традиционной ментальности в целом или ряда ее существенных сторон, когда эти процессы пробуксовывают, наталкиваясь на сопротивление традиционалистских слоев населения, когда они вызывают волну недовольства в массах (по большей части вполне обоснованного), выбитых из наезженной жизненной колеи.

Традиционные ценности, по определению, всегда с трудом поддаются преобразованиям, не готовы смириться с выталкиванием их на периферию духовной жизни, согласиться со сломом своей замкнутости, самоизолированности. Они противятся десинкретизации, связанной, с одной стороны - с расщеплением монолита социума на специализированные сегменты деятельности с соответствующими ориентирами и регулятивами, с ростом формализованных, обезличивающих связей, с другой - с расширением рамок и объемов индивидуального выбора, с усилением перемещений в ставшем бесконечным пространстве социума. И все это вместо заключенности в закрытые пространства, былой прикованности к строго определенному - социально и даже физически - месту, к несменяемому виду деятельности, к ленивому течению времени.

Такие ценности предназначены поддерживать систему прирожденных, но не приобретаемых собственными усилиями и на основе личных склонностей статусов. Неудивительно, что с традиционалистских позиций без всякого воодушевления воспринимается все то, что лежит в основании ориентированной на успех деятельности, независимо от того, на какую мотивацию опирается такая деятельность - осмысливается ли достижение жизненного и делового успеха исключительно в инструментальных терминах или же еще и в терминах моральных.

#### | Четыре причины "неофобии".

Подчеркнем, что "неофобия" обуславливается вескими причинами, которые было бы совершенно недопустимо проигнорировать с позиций "прогрессистского" чувства надменного превосходства над "отставшими" и просто с позиций бесчувственности к тяготам преобразования корневых укладов жизни.

Отметим среди таких причин, *во-первых*, практически повсеместное падение и инволюцию нравов в результате модернизации, значительные *моральные издержки* (сопоставимые, пожалуй, с переходом от простых нравов первобытности к нравам цивилизации, о чем исписаны горы бумаги), невозстанавливаемые утраты, лишь отчасти перекрываемые в неведомом пока отдалении. Притом - в новой системе ценностных координат, с которой трудно как-то соотносить старую систему на предмет обнаружения того, какая из них "лучше" или "хуже", "выше" или "ниже", соответствует ли свойствам человеческой природы или же не соответствует им?

Напомним, *во-вторых*, о мучительном опыте *нетворческого*, шаблонного, подражательского, "ученического" использования универсальных ценностей деятельности, ориентированной на

достижения, об опыте того, что еще в начале нашего века О.Шпенглер называл "псевдоморфозом" - когда идет простая трансплантация чужих готовых форм организации общественной жизни, когда импортируются и сравнительно легко усваиваются всевозможные технологии, в том числе и поведенческие, преимущественно внешние формы инноваций (всегда легче "казаться", чем "быть", проще "иметь", нежели "стать") и, что нас больше сейчас интересует, когда остается слабо востребованным сам "дух" перемен с его культом аскезиса, профессиональной ответственности, серьезной воодушевленности, чувством меры, ощущением баланса между свободой и равенством, солидаризмом и индивидуализмом. А если брать вопрос шире, то речь должна идти о духе капитализма, рыночной культуры, демократии, своеобразной *метафизике успешности* и соответствующего стиля жизни (как надежного показателя усвоенности данного духа), которым безосновательно противопоставляется вдоль и поперек изведенный "национальный" дух.

Нелишне припомнить, *в-третьих*, о столь же тяжелом опыте *навязывания* ценностей достигательной стратегии - при нежелании воспользоваться методами диалога культур для подключения инноваций к логике органического развития национальных культур с их мифологией, стереотипами и архетипами.

Выделим, *в-четвертых*, печальный опыт *форсажа*, стремления спрямить естественные зигзаги исторического движения, укоротить сроки вызревания тех или иных результатов, опыт нетерпеливого подстегивания модернизационных процессов, неспособных по самой своей природе к акселерации: к ним безо всяких поправок подходит выражение "вялотекущие". Ведь одно дело - совокупность поверхностных мнений, впитанных сознанием, способным чуть ли не к внезапным сменам символических знаков, и совсем другое - сокровенное ядро сознания, устойчивая и сравнительно малоподвижная, инерциальная система ценностных ориентаций, мировоззренческих представлений, надежно укрытых от капризно изменчивых внешних воздействий. Отсюда-то раздражающая многих "градуальность", медлительность модернизационных процессов, постоянные откаты, своеобразный "моральный террор" по отношению к практичным "постепенцам", "кунктаторам". Отсюда же чуть ли не фатальная обреченность на повторы, рецессии, слабая расположенность к синтезам, расколы в общественном сознании, незавершенность начатого, непоследовательность. Все это - *locus minoris resistentiae* модернизации во всех странах, где бы она ни предпринималась, а стало быть - и у нас в России.

*Поддается ли Россия  
цивилизационной атрибуции?*

Мы, естественно, полагаем ошибочными взгляды "особупутистов", за которыми притаились и гипертрофированное национальное самомнение, и столь же гипертрофированный национальный страх оказаться на задворках технической цивилизации, в некоем культурном гетто. Даже тогда, когда сторонники "особого пути" выступают поборниками странного соединения общественного динамизма с соборностью, патернализмом, самоуправлением общинного типа (без разрушения естественных связей).

Однако из нашего подхода вовсе не следует, будто в России (и еще где бы то ни было!) должна - и может - укорениться имитационная модель трансплантированной рациональной морали и этики успеха, выпестованной в ней системы мотивации на достижения и оценок достигнутого. История свидетельствует о невероятности подобного развития и о неудачах, которые, подобно року, преследуют ретивых модернизаторов. Не может этика успеха в России быть точной копией той этики, что была впервые возвращена в своей неповторимой культурной среде: искусственно, в полном гигантского риска эксперименте нельзя смоделировать условия возникновения такой этики в неведомых для нее культурных средах. Путь мимесиса для России заказан! Да и в той самой среде, где в свое историческое время зародилась этика успеха, уже произошли столь значительные перемены (напомним хотя бы о переходе от "этики характера" к "этике личности" и - далее - к возможным их синтезам), что культурам-реципиентам достаются лишь устаревшие модели достижения. Между прочим, то, что у нас привычно предпочитают именовать "западничеством", с сильно выраженными негативными коннотациями этого понятия, на поверку оказывается всего-навсего переодетыми и застарелыми отечественными пороками.

Подлинная этика успеха, несомненно, возникнет в России (собственно говоря, множество ее составляющих уже возникают, понятно, в различных темпах и масштабах). И, с одной стороны, она не будет чем-то принципиально нетождественным классическим образцам, протомоделям - с учетом происходящих изменений, иначе ее не имеет смысла именовать этикой успеха. Но, с другой стороны, впитав национальные традиции, ей созвучные, абсорбирав ряд свойств ментальности народа, она в то же самое время окажется *mutatis mutandis* чем-то иным, неизмеримо большим, чем простая аппликация универсальных ценностей на свод ценностей уникальных, на культурно-региональные традиции. Это проявится и уже проявляется в конфигурации ценностей российского варианта этики



успеха, в принятых в ней схемах мотивации деятельности на успех, в эмоционально окрашенных символично-аллегорических формах восприятия как самого успеха, так и - особенно! - культуры успешной деятельности в различных сферах жизни общества, в ее мировоззренческих обоснованиях .

| *Опыт АТР.*

Между прочим, так и происходит на наших глазах, скажем, в странах азиатско-тихоокеанского региона, поразивших мир стремительным усвоением достижительных ориентаций и правил честной игры. При стратегически общем направлении движения своеобразии этики успеха оказывается здесь столь впечатляющим, что у наблюдателей невольно закрадывается крамольная мысль - а одну и ту же ли воплощенную в действии нормативно-ценностную систему они созерцают? Не стоит ли и в России, вместо того, чтобы призывать идти самобытным путем "агропромышленной" модернизации, не покидая при этом "священных" границ традиционной цивилизации, по примеру этих стран сконцентрировать усилия на обнаружении культурно-цивилизационной специфики формирования этики успеха, рассматривая такую этику в качестве "мотора" развития, разумеется, не упуская из вида и сохранение части традиционных ценностей, потенциала их включения в новый аксиологический контекст? Такого рода "симбиозы", "гибриды" разнотипных ценностей уже вызвали к жизни многочисленные исследования по компаративистской политологии, целую суботрасль в этике бизнеса.

| *Трудности самоидентификации с  
"цивилизацией достижений" преодолимы.*

При цивилизационной атрибуции России важно учитывать не просто страноведческую эксклюзивность (какая страна в этом смысле обойдена по части эксклюзивности!?), а субцивилизационные и суперэтнические факторы, вытекающие из ее исторической судьбы, промежуточного социокультурного положения, ее уникальной геополитической диспозиции. Очень точно определено М.Гефтером: Россия - "мир миров", "страна стран".

С одной стороны, это обширнейшая система нескольких сосуществующих цивилизаций ("азиатность", "известность", "запад Восточности") - влияла близость к азиатскому миру с его всемогуществом государства, продолжающего и дополняющего природные, родовые отношения, с отсутствием выделенности социальной и политической сфер, с доминированием власти над собственностью, неразвитостью, рудиментарностью экономической и

политической свободы, с духом всеобщего рабства, которому способны противостоять не сельские или городские общины, а лишь эзотерические социальные корпорации и этические религии, в результате чего там складываются и некоторые смутные прообразы этики успеха.

При цивилизационной атрибуции России акцентируется ее европейская "прописка". Здесь утвердился особый тип (или подтип) европейской, восточно-христианской цивилизации (хотя и с отчетливо выраженными чертами "азиатчины"). И дело заключается не просто в отсталости или в выпадении из общецивилизационного потока (впрочем и то, и другое имеет место, с вытекающей отсюда необходимостью догоняющего развития, возвращения в данный поток). Скорее всего правы те исследователи, кто в самобытности данного типа или подтипа усматривает одновременно и дополнение западно-христианской цивилизации, и конкурентный противовес ей, что позволило в целом уравновесить весь организм саморазвития человеческой цивилизации в самом широком смысле этого понятия (хотя провоцируемые идеей уравнивания понятия "миссия" и "функция" носят историософический характер).

С одной стороны: отставание, периферийность, "сверхзаконная" деспотическая власть, когда государственности придается нравственно-метафизическая интерпретация; холопство и бесправие подданных, от которых ожидают экзальтированной жертвенности; девальвация человеческой жизни; патримониальность; преобладание не рыночных методов регулирования хозяйственной деятельности, а системы "дача-раздача", экстенсивного развития с мультипликацией однажды достигнутого. Обращают внимание на безоглядное подчинение церкви государству во всех его устремлениях, ее интеграцию в государственную машину, на сильный, но к несчастью внемирской аскетизм, отсутствие самостоятельных сословий (можно говорить разве что об элементах такой самостоятельности), на слабые гарантии от всевозможных смут, на отсутствие заслонов от интервенции архаических начал в массовое сознание.

Указывают на трудности с культурной самоидентификацией, что, возможно, и объясняет наличие "русской идеи" и потребности, как сказал один наш социолог, в "самоузнавании" - в отличие от стран, уже прошедших основные фазы модернизационного развития, погасивших данную потребность. Хотя, на уровне индивидуальном, потребность в культурной самоидентификации остается навечно, образуя импульсы к духовным, нравственным исканиям. В то время как в зоне классической цивилизации достижений сегодня интенсивно идут процессы ломки национальных границ и многообразных культурных

синтезов, в зоне только начавшегося утверждения такой цивилизации - в том числе и в России - лишь теперь забурлила национальная жизнь, и потому поиск национальной идентичности приобретает здесь необычайную напряженность. И этот коллективный поиск становится опасным, если выводит на этническую или этноимперскую идентичность.

С другой стороны, Россию характеризует близость к динамизирующему Западу. Здесь сказывается влияние - через Византию - античного наследия, христианского индивидуализма, принципиальные отличия русской поземельной общины от общины азиатской, конфронтация личностных и общинных (роевых, вечевых, соборных) начал. И, главное, идет сепарирование гражданского общества от сословно-статусного строя, переход от петиционного права к регистрационному, наращивание модернизационных процессов - несмотря на их волнообразный характер, на все откаты, рецессии и контр-реформы, на болезненную и вопиющую противоречивость прогресса (выражение "катастрофы прогресса" - отнюдь не риторический оборот). Здесь возникают учреждения представительной демократии, правового государства и формируются личные свободы как обязательные условия для складывания этики успеха.

Преодолевая мощную инерцию общинно-уравнительного, локалистского сознания, но и удерживая некоторые его положительные моменты (например, нормы артельности, осуждение стяжательства, ценность благотворительности и др.), начал формироваться этос делового и профессионального успеха и ответственности, сразу же по ряду показателей занимая продвинутое - по мировому счету - позиции. Правда, в целом весь процесс образования такого этоса был достаточно скромным, во многом еще поверхностным - общенациональное сознание, чувство социальной чести, статусной солидарности людей успеха, деловая честность и ответственность только начали вырабатываться, чему препятствовали неразвитость рыночных отношений в деревне, патернализм, протекционизм, искусственные ограничения конкуренции.

*Идея успеха органична  
для родины Ивана-дурака.*

Поборники идей о непреодолеваемой "чуждости" этики успеха относительно именно российской ментальности и, естественно, об абсолютной ненужности "прививки" изображают дело таким образом, будто этике успеха здесь предстоит пришвартоваться к новым и совершенно неведомым берегам, что "успех", обретаемый собствен-

ными усилиями, ориентация на достижения, готовность к риску, индивидуальной ответственности, интенсивные личностные стратегии поведения, умение "вертеться" (в положительном смысле этого понятия, т.е. при стремлении вести при этом "честную игру") даже "не ночевали" в этой ментальности, которая жестко противопоставляет "нации прагматиков" "нацию идеалистов". В таком противопоставлении обнаруживается множество парадоксов. К одному из них мы и обратимся.

Сколько раз уже в наши дни возникали надежды на коррекцию, которую можно было бы извлечь из сравнения того, "что народ сам о себе говорит, с тем, что о нем предполагают поводыри-наездники". И вот "бессмертные заповеди национального героя" в сказках об Иване-дураке комментируются в антипрагматическом духе. Так, в сказке "Сивка-бурка" обращают внимание на то, что место "народного фаворита" было на печи - в то время, как братья его вели хозяйство и торговали. Но не трудолюбивым братьям, а именно Иванушке отец отдал Сивку-бурку, что позволило Ивану стили жизни не менять, добиваясь успехов *волшебным путем*. В сказке "Иван бесталанный и Елена Прекрасная" выделяют такое сообщение о главном герое: "Всякое дело у Ивана из рук уходит, всякое дело ему не в пользу и не впрок, а все поперек". В сказке "По щучьему веленью", где он бездействует под псевдонимом Емеля-дурак, колотся сами собой дрова, таскается вода, ездит печь, свергаются цари и строятся каменные дворцы с золотой крышей. А в итоге зажил он с красивой бабой на берегу моря назло "примерным" работающим братьям. Вывод современного публициста: "...русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь. Поэтому, когда очередной отечественный мечтатель уверяет, что наш человек стосковался по серьезному делу, что надо только слегка раскрепостить его дремлющую энергию - и пойдет лесорубка, я слышу лукавый Емелин шепот: "Это зачем? Мне и на печи тепло, я вас всех и с печи вижу! Полезный нашатырь от иллюзий..."<sup>113</sup>.

Трудно не понять воспитательной намеренности в весьма односторонней интерпретации образов русских народных сказок. Критическая трезвость в понимании нравственных традиций - условие верного диагноза и прогноза возможных сценариев реформ. И основания такой намеренности - в осознании большой значимости культурных стереотипов.

---

<sup>113</sup> Мартынов И. Так говорил Иван-дурак // Собеседник. 1991, №38.

Однако нельзя забывать о существовании весьма *разных* интерпретаций отечественных традиций. В фольклорной мудрости заложена парадоксальность: речь может идти о том, что нравственное сочувствие и сказителя, и читателя связано с теми общечеловеческими качествами народного героя, которые у "человека дела и успеха" попадают в зону повышенного морального риска именно благодаря специфике Дела. Ведь в традиционном народном сознании Иванушка отпускает Сивку, а Емеля - рыбку не корысти ради ("я тебе отслужу"), а из жалости, по бесхитрости и доброте душевной.

Что касается антипраксиологической интерпретации этого образа, то она не столь уж самоочевидна. Этот образ и допускает отношение к нему как человеку, "обреченному на успех". Специальные филологические исследования выдвигают версию, согласно которой Иван-дурак "воплощает особую сказочную стратегию", которая исходит из собственных - нестандартных - решений, нередко противоречащих здравому смыслу, а сказки, в которых Ивану-дураку "просто везет", оценивают как "результат определенной вырожденности"<sup>114</sup>.

Парадокс метафизики успешной деятельности в образе Ивана-дурака нелинеен и многогранен. Первый вариант: он выполняет поручения "в соответствии с его "глупостью", крайне неудачно - кормит клетками свою собственную тень; выдирает глаза овцам, чтобы они не разбежались; солит реку, чтобы напоить лошадь и т.п. Второй вариант: он применяет правильные знания неадекватно ситуации - танцует и радуется при виде похорон, плачет на свадьбе и т.п.. Третий вариант: кажущиеся бессмысленными и бесполезными поступки Ивана-дурака раскрывают свой смысл в дальнейшем - отправившись служить, чтобы выбраться из нужды, он отказывается при расчете от денег и просит взять с собой щенка и котенка, которые спасают ему потом жизнь и т.п. Есть и инвариант этой метафизики успешности в моделях поведения Ивана-дурака: "С помощью волшебных средств и особенно благодаря своему "неуму" Иван-дурак успешно проходит все испытания и достигает высших ценностей" (там же, с. 226).

| *Дурак - герой интернациональный.*

Кроме сказанного надлежит принять во внимание, что образ Ивана-дурака отнюдь не специфичен только для русского

---

<sup>114</sup> Иванов В.В., Топоров В.Н. Иван-Дурак // Мифологический словарь. - М., 1990, с.225-226.

сказительства и потому трудно согласиться с теми, кто полагает его атрибутивным исключительно для русского народного мирозерцания со всеми вытекающими из такого утверждения последствиями в части возможности укоренения этики успеха на нашей национальной почве.

Давно установлено типологическое родство фольклорных сюжетов и персонажей всех народов, которое просто невысказано объяснить одними культурными (так называемые "блуждающие сюжеты") заимствованиями и влияниями, тем более тем, что этнографы именуют аккультурацией. Писатель и филолог Андрей Синявский в монографии "Иван-Дурак. Очерк русской народной веры" пишет, что "сказочного дурака знают и любят не одни только русские. В сказках самых разных народов известны подобного рода герои-дураки, которые ведут себя примерно одинаково. И даже вечное лежание на печи не есть привилегия русского дурака. Другое дело, что сказочный дурак, быть может, попал в России на какую-то благоприятную почву и поэтому так процвел и приобрел такую известность. Но мы не имеем права превращать сказочного дурака исключительно в национального героя. Этот герой - интернациональный". К тому же "...неправомерно сетовать, что в сказках сравнительно слабо выражено активное, волевое, героическое начало или начало личного подвига и личной ответственности, как это, допустим, выражено в героическом эпосе разных народов. Ибо сказка древнее героического эпоса и имеет не героические, а магические корни, производным которых и становится Дурак... В широком смысле слова всякий, любой герой волшебной сказки - это где-то, в принципе, Дурак"<sup>115</sup>.

С другой стороны, об архетипах народного сознания нельзя судить только по одному - пусть даже очень выразительному, колоритному и популярному персонажу. Существует в мире народной сказки обширная галерея героев и связанных с ними архетипов. Они дополняют друг друга и только в совокупности позволяют высказывать суждения о народной (национальной) культуре. Так Иван-дурак связан с Иваном-царевичем. Как мы уже отмечали выше, по мнению специалистов, в известном смысле оба героя тождественны в своем избранничестве. И тут лишь отличаются "обретшие" успех и "способившие". То есть "налицо два сценария избранничества: искать себе царства за тридевять земель, стремиться к *успеху* или положиться

---

<sup>115</sup> Цит. по публикации четвертой главы этой книги, см.: Синявский А. О благой глупости // Независимая газета. 1996, 8 октября.

на удачу: царство само найдет избранника... Динамичность первого - уравнивается статикой второго, они - как две стороны одной медали"<sup>116</sup>.

Что же касается типичной модели успеха младшего в семье, как будто менее всего стремящегося к успеху и приуроченному к нему, то и она - при обычной вертикальной стратификации космоса в сказках, мифах, былинах, легендах - носит трансэтнический характер. Но в архетипах любой фольклорной культуры присутствуют и нецарские пути достижения (богатырь, храбрый воин, преданный слуга, разбойник в роли заступника веры, малых мира сего и др.), когда ставка делается "на победу через силу, упорство, доблесть и ратную удачу, умение заводить правильные контакты, отвечать жестким ритуальным и моральным требованиям" (там же, с.22).

Принимая эту версию мифологемы, вполне можно предположить создание по сказкам об Иване-дурачке не менее полезной книги жизнеуспеха, чем у Дейла Карнеги. Разумеется, в сказках о нем нет образа "делового человека", но и нет в них априорного приговора отечественной этике успеха, оснований для утверждения об абсолютной моральной неприкаемости российского человека дела.

Не об ангельской чистоте, но о нравственном полифонизме образа идет здесь речь, о многоцветье добра и зла, бескорыстия и пользы. И тридцатитрехлетнее сидение Ильи Муромца на печи, и коэффициент интеллектуальности Иванушки-дурачка с точки зрения, например, американских критериев, оцениваются вполне однозначно. Однако необходима поправка на различия в мировоззренческих пластах морали, в смысложизненных измерениях морального выбора. "Есть у американцев, пусть они не обижаются, - замечает А.Васинский, - какое-то простодушное убеждение, что с любой сложностью можно справиться, если владеешь методикой ноу-хау. Известный сердцевед Дейл Карнеги, книги которого и у нас раскупаются втридорога, обнаружил именно эту американскую самоуверенность. Достаточно сравнить, что он вскользь написал о бегстве Толстого и что написали на эту тему Мережковский или Шкловский, чтобы понять, о чем идет речь. Представляю, что мог бы написать Дейл по поводу неадекватного поведения и состояния духа нашего Федя Протасова, героя толстовского "Живого трупа". Так и видишь, как умный прагматик трезво апеллирует к здравому смыслу

---

<sup>116</sup> Иваницкий В.Г. Архетипы успеха в русских народных сказках. // Этика успеха. 1996, вып. 8, с.21.

Феди, учит его аутотренингу "против тоски и депрессии", тестам на умение расположить к себе окружающих и находить себе друзей, и как Дейл постепенно теряет терпение, видя, что этот русский (Федя) не усваивает его ясные, бесспорно, идущие на пользу советы и даже не слушает его, а рассеянно смотрит куда-то в русскую даль и даже находит в своей тоске какое-то странное варварское оправдание..."<sup>117</sup>.

| *Модели успеха - еще не этика успеха.*

Возвращаясь к шпенглеровской идее о "псевдоморфозе", можно согласиться с теми, кто усматривает в истории России последних трех столетий малопродуктивные попытки реализовать догоняющую модель развития. При выборе такой модели страна всегда рискует оказаться в положении Ахиллеса из известной апории, тщетно пытающегося догнать черепаху. Эта модель в значительной степени характеризуется подражательным, прямолинейно-поверхностным и нетворческим характером заимствований. Присваиваемые здесь формы модернизированного бытия упрямо не желают корреспондировать со своим содержанием. Те, кто на словах выступают за ускоренную модернизацию, на деле препятствуют ей. В то же время те, кто, казалось бы, должны выступать против "заморского чуда" модернизации всех сторон жизни, оказываются способными объективно ей содействовать. Убедительным примером подобной инверсионности может служить этика русского старообрядчества<sup>118</sup>. Тем временем огромный энергетический потенциал, связанный прежде всего с гибелью крестьянского мира, не ушел в реформацию, а сработал как деструктивный фактор предреволюционных и послереволюционных лет, быстро продвинув - о цене мы сейчас не говорим - страну по пути индустриально-урбанистического развития, но осуществив при этом "патологическую модернизацию", выработав многочисленные *модели успеха*, но не создав *этики успеха*.

| *Жестокий опыт успеха "по-советски":  
не совсем уж "утраченное время".*

В советском массовом сознании формировались установки на своеобразный успех "нового человека". Система просто не могла бы существовать без активистских моделей успеха, в которых

---

<sup>117</sup> Васинский А. Прощание с иллюзией // Известия. 1991, 5 июля.

<sup>118</sup> См. подробнее: Andreas Buss. The economic ethics of Russian-Orthodox Christianity // International Sociology. 1989. Vol.4. №3. p.235-258; №4. p.447-472.



побуждающую и лимитирующую функции обычной морали исполняли нормы этики революционаризма, а позднее этики правящей партии, этики социального управления.

Советские модели успеха персонифицировались в обширной галерее подвижников, героев подобного активизма. В ней встречались несомненные патетические и "незаметные" герои - скажем, челюскинцы, авиаторы-испытатели, выдающиеся ученые и художники, новаторы производства, участники освободительных войн и др. Пестование такого рода моделей делового и жизненного успеха мощными средствами социального стимулирования и пропаганды содействовало, с одной стороны, действительному пробуждению в людях чувства личного достоинства, а с другой - в качестве стереотипизированных образов для массового поведения служило рычагом мобилизации социальной энергии. Они использовались системой "индустриального феодализма" в качестве основного "топлива" модернизационной мегамашины<sup>119</sup>.

Однако в означенной галерее толпились "герои", искусственно возведенные в этот сан. На котурны успеха взбиралась значительная часть "вождей" всех рангов, чекистов, парттысячников, разоблачителей "врагов народа" и т.п. Среди них были и такие "успешники", что не ведали понятия "успех", тем более в личной форме, но охваченные азартом, как им казалось, классовой борьбы и соцстроительства жаждали побед "общего дела", полагая самих себя полномочными посланцами "великой идеи". Функцию социографии и бытоописания таких героев исправно исполняли искусство соцреализма и преданное ему литературоведение.

Но одновременно с ориентацией на активизм и успех в патерналистском мире не могла не культивироваться социальная пассивность на базе бездумного долга исполнительства, когда распоряжения начальства ставятся превыше безусловных велений совести.

Однако отказ от официальных и полуофициальных моделей успеха был неоднозначным в моральном плане. Дело в том, что тираническая политика бесконечных "чрезвычайных обстоятельств" была реально способна мобилизовывать социальную энергию значительной части народа, побуждая идти - если не совсем и не всегда добровольно - на длительные жертвы во имя приближения заветного рая (тем более, что подобная политика несла массам не одно только эфемерное счастье причастности к великой идее и победные

---

<sup>119</sup> Аннинский Л. Павел Корчагин как современный политический менеджер: осуществима ли идея? // Этика успеха. 1994, вып. 1.

реляции с различных "фронтов" соцстроительства, но они и приносили ощутимые плоды).

Вместе с тем существовала и потенциальная база для активного и пассивного сопротивления тирании. Оставляя сейчас в стороне существеннейшие вопросы о масштабах и эффективности такого Сопротивления, его соразмерности величине угнетения, можно зафиксировать следующее: ненаписанная еще история этого Сопротивления постепенно, шаг за шагом, приоткрывается теперь перед нами, поражая то величественным трагизмом, то вполне прозаической стойкостью людей. Под таким углом зрения было бы кощунством заикаться о пьедесталах успеха - гораздо уместнее вспомнить о мартирологе, о пантеоне славы мучеников. Все виды уклонения от соучастия в делах режима предполагало отвержение и официальных моделей успеха, а потому человек, ориентированный на успех, априорно - хотя и не всегда справедливо - воспринимался как соглашатель и даже циник.

*| О формуле "русской мечты".*

В целом государственный социализм не сумел предложить массам внятную "формулу успеха" в качестве идеала и программы действий, аналогичных знаменитой "американской мечте", оснатив - что труднее всего! - такую формулу нравственными значениями полноценного чекана. Даже минуя "мессианский" вариант объяснения данной ситуации (слишком, мол, широк против европейца и американца русский человек, тесны ему формулы успеха, трудно ему разглядеть этические основания этой формулы, а потому он склонен усматривать в ней исключительно прагматическую сторону) и не затрагивая сейчас проблему отстраненного отношения к успеху многочисленных маргинализованных и тем более люмпенизованных слоев, некоторые исследователи подчеркивают, что на протяжении всей своей истории русский народ вырабатывал идеологические формулы, организующие не личное, а прежде всего государственное бытие, в результате чего развитие получил служебный (служивый) этос во всех его разновидностях - военный, чиновничий, тягловый и др. Но не формулы частной жизни, обеспечивающие достоинство и достаток отдельной единицы.

Пролонгируя такую ситуацию на постсоветское пространство, полагают, что попытка же "современных западников экономически и духовно раскрепостить отдельную личность (народ) немедленно привела к экономическому и социальному крушению государства. А когда рушится государство - плохо всем. И внедряемая в общественное сознание формула успеха, новый положительный идеал

начинают претерпевать удивительные превращения. "Преуспеть" - для большинства российских граждан равнозначно соучастию в развале, разграблении государства... Народу очевидны нетрудовые источники любых нынешних российских капиталов... Трудовая мораль, подкрепленная суровым протестантизмом, явилась фундаментом материальной западной цивилизации. Раскинувшаяся на просторах Евразии сначала православная, а нынче атеистическая Россия не спешит "встать" на материальные рельсы". Меняются общественно-политические формации, но формула "русской мечты" по-прежнему уравнение со многими неизвестными"<sup>120</sup>.

Подобная констатация - во многом верная, хотя и не точная - подводит к пессимистическим заключениям: в России невозможно исправить жизнь посредством экономических преобразований в силу человеческих недостатков тех, кто взялся эти преобразования осуществлять, а исправить человеческую душу решительно невозможно в силу изначального несовершенства самой этой души, кою следует не исправлять, а примирять с миром посредством труда и соответствующего вознаграждения за труд. В отличие от народов Европы, это дело не заладилась у русского народа, что свидетельствует, может быть, о некоей его духовной чистоте, с одной стороны, но с другой - о странных изменениях в его психике и нервной системе (см. там же, стр.100).

Однако серьезные экономические перемены, как свидетельствует мировой опыт, просто невозможны без соответствующих духовных преобразований, сдвигов в ментальности, без обязательного этического "обеспечения". Преуспевание в разграблении государства - тенденция вполне очевидная, но ею не исчерпываются результаты раскрепощения в процессе российского реформирования. Исключительно важно обнаружить, зарегистрировать и проанализировать контртенденции в духовно-нравственной жизни страны. Пусть даже они и не бросаются в глаза, не обладают достоинством самоочевидности. К тому же, заметим попутно, не так-то и легко примирить душу с миром европейцам (американцам, японцам и др.), как это постфактум представляется, алармистские заключения только мешают такому процессу примирения на базе синтеза различных этосов-служилых с достигательными.

---

<sup>120</sup> Козлов Ю.В. "Успехи цивилизации" и "могущество бесов" - формула "русской мечты" // Этика успеха. 1994, вып.2, с.98-99.

*Неотвратимо ли "бремя наследственности"?*

Выскажем два соображения по поводу такого "бремени". Во-первых, история описания нравственной культуры и психологии народов, их этосов обязывает считаться с опасностью впасть при этом занятии в прегрешение односторонности: каждой черте, свойству, признаку такой культуры, психологии и этосов обычно противостоят отнюдь не призрачные противовесы в национальном характере, культуре, обеспечивая их известную целостность и даже гармоничность. Так свойственная россиянам всемирная отзывчивость (об этом писано-переписано, но, как заметил Л.А.Аннинский, "всечеловечность" дремлет или бодрствует в душе всего народа, хотя не всякий народ имеет простодушие кричать об этом на весь свет) сопровождалась всплесками надменности, проявлениями спеси по отношению к другим народам, напряженный поиск самобытности оказывался повязанным с изоляционизмом, свойство художественности нередко оборачивалось неприязнью к рациональным началам жизнеустройства, а готовность к состраданию, жажда полной правды жизни могли порождать пренебрежение ко всякому "постепенству", к культурному эволюционизму и т.п.

Принимая во внимание эти соображения, вывод о непрописанности идеи личного успеха и соответствующих ему ценностей в нравственном мире народа должен быть, по нашему мнению, дополнен (а) характеристиками особенностей включения этики успеха, ее норм и максим в российскую ментальность, в духовный опыт народа, (б) напоминанием о том, что слабая выраженность к ориентации на достижение, готовность к риску, индивидуальной ответственности, к интенсивным поискам личностных стратегий поведения присущи всякому традиционалистскому сознанию - естественно, в той или иной степени. И обнаружение всего этого в российском духовном опыте лишь свидетельствует о специфике характера, о темпах, сроках, цене протекания модернизационных процессов в стране, о необходимости "перемодернизации". При этом важно избежать коварных ловушек телеологического свойства: хотя известна многожды произнесенная фраза о том, что будущее России проистекает из ее прошлого ("непредсказуемого" или же эпистемологически освоенного), все же надо, согласно К.Попперу, говорить лишь о предрасположенности, но никак не о предопределенности будущего прошлым. Тем более, когда вопрос ставится в социокультурном плане, где, по словам Ю.Лотмана, позади все закономерно, тогда как впереди все непредсказуемо. Как сказал один популярный писатель, "горизонт предсказуемости,

оказалось, гораздо ниже, чем мы думали. Именно поэтому активизм опасен".

Теперь второе соображение. Аналогичной осторожности, научной корректности требуют суждения относительно продленного бытия названных выше составляющих российского духовного опыта в советское время. Вряд ли можно безоговорочно согласиться с выводом, согласно которому в наше время произошло "рафинирование", приобретение почти "эйдетической чистоты" этими составляющими. Дело, по всей видимости, в том, что модернизационные процессы конца прошлого и начала нашего столетия были грубо прерваны, если судить об этом по западным, либеральным образцам. Но они же, эти процессы были и продолжены по лекалам мобилизационной модели экономического развития (ранняя индустриализация, первичная урбанизация, профессионализация, распад деревенских общин и патриархальщины, скрытые формы индивидуализма, упакованные в коллективистские личины, усиление позиций целерационального типа поведения в общем массиве социальных действий и т.п.), но при изживании эмбрионов гражданского общества, его институтов и ценностей, в том числе ценностей и норм этики успеха.

В итоге возник своеобразный симбиоз из анти-традиционалистских ценностей и подвергнутых "рафинированию" ценностей традиционализма. Возможно - кто ведает?! - именно он и позволит обществу обрести большую независимость от давления унаследованных образов отношения к успеху и эффективно использовать разнокачественные духовные предпосылки для исторического выбора, для формирования российского варианта этики успеха.

*Перестройка: сломлена ли  
гравитация "псевдоморфо́за"?*

Радикальный перенос на наш скудный подзол рыночных и политических институтов либерально-западной, техногенной цивилизации и присущих ей моделей успеха (делового и всякого иного) не был - и в "розовую", преисполненную эйфорическими и романтическими ожиданиями стадию, и в последующие стадии современного реформирования - подкреплен соответствующими социокультурными смещениями и преобразованиями, соединением свободного рынка и права. В итоге в очередной раз была воспроизведена циклично-прерывная ситуация движения общества ("западники" и "почвенники", реформаторы и традиционалисты, либералы и коммунисты, рынофилы и рынофобы и т.п.). Не

произошло столь необходимого для главной эволюции всей общественной системы синтеза различных культурных пластов (в Западной Европе наблюдались синтезы в нескольких измерениях: христианство и язычество, сословные и индустриальные ценности, этосы рыцарства и буржуа и др.). Не был налажен социокультурный диалог сознания (или текста), активно усваивавшего рационализированные механизмы права и морали (их рационализация в России происходила одновременно или с небольшим опозданием) с рационализацией производства и связей с природой, с бунтующим подсознанием - или подтекстом - в дальних углах и подвалах которого сохраняли продленное бытие архаические пласты и традиционные ценности. В том числе общинно-соборного демократизма и этатизма, но отнюдь не рыночного и государственного демократизма. Это подсознание с легкостью отклоняет то, с чем выкладки разума предлагают безоговорочно согласиться. Оно продолжает испытывать неистребимую (во всяком случае, пока) тягу ко всякого рода мессианизму и социально-нравственным утопиям, к визионерству и мистериозности, к движению более по вектору пространства ("странничество"), чем по вектору исторического времени (солженицынское "обустройство").

*Реальные шансы этики успеха: динамизирующая  
роль целерационального  
типа действия и индивидуализма.*

Каковы же при таком положении вещей шансы на укоренение в России этики успеха? На разные лады утверждают, будто наша страна в силу своей принадлежности к органическим, солидаристским, неиндивидуалистическим цивилизациям (или, скажем, субцивилизациям) не может принять в качестве "своих" рыночные отношения и институты представительной демократии, рациональную мораль и этику успеха, даже с учетом того, что невозможна всеобщая рынкомизация, а рациональная мораль далеко не охватывает все виды человеческих отношений. Здесь преобладает *ценностно-рациональное* действие, но никак не *целерациональное* - как не соответствующее ментальности народа.

С небольшими оговорками исходный тезис подобных рассуждений о цивилизационной атрибуции России можно было бы и принять - сопроводившись он указанием лишь на прошедшее время. Ведь данный тезис означает не столько признание свойств нашей уникальной цивилизации, сколько объективное указание на универсальное свойство: все традиционные социумы, собственно говоря, принадлежали к органическим, солидаристским и

неиндивидуалистическим социальным системам и многие продолжают оставаться таковыми и по сей день. Иначе говоря, такое качество присуще определенной стадии универсальной цивилизации (аграрной, "священной", традиционной, космогенной и т.п.). Значит, этот тезис не правомочен для *другой стадии* этой цивилизации (индустриально-урбанистической, секуляризированной, техногенной и т.п.). И вывод о преобладании ценностно-рационального действия опять-таки тоже может быть принят с аналогичной оговоркой. Хотя, в этом случае, точнее было бы говорить о преобладании просто традиционного социального действия (все это в веберовской терминологии).

Обсуждая версию о неиндивидуалистическом характере нашей субцивилизации, скажем, что вопрос об индивидуализме у нас все еще как бы табуирован, отрицательно заряжен в ценностном плане. Между тем рациональная мораль и тем более этика успеха ориентируют не просто на личный интерес, если под ним понимать элементарное своекорыстие. Стоит отличать понятие "*личный интерес*" от более разностороннего по части содержания понятия "*интерес личности*". Индивидуализм непосредственно связан с интересом личности, то есть с ее стремлением к самореализации, самоопределению, к свободе выбора, инициативности, к трудолюбию, что как раз и закодировано в нормативных и мировоззренческих гранях этики успеха. По отношению ко всему этому "*личный интерес*", стремление к максимализации доходов и собственности - не более чем средство. И такие средства сами по себе в решающей степени оказываются результатом экономической и политической свободы личности, результатом ее трудолюбия, непоказного интереса к делу (Делу), - именно все это и заряжает энергетику достигательно ориентированной личности, содействует ее развитию, т.е. "*интересу личности*".

Не оправданно рассматривать индивидуализм непременно в качестве продукта распада социальных связей, атомизации личности, как нечто несовместимое со стратегией сотрудничества, кооперативности, социального партнерства. Подобный взгляд, пожалуй, можно отнести к числу предрассудков скорее всего лингвистического происхождения, хотя те или иные стороны жизни маркетизированного общества тоже подпитывают подобные воззрения. Индивидуализм совместим как с конкурентной стратегией поведения, с соперничеством (но по честным правилам рациональной морали и в контексте "мягкой", не направленной на уничтожение соперников конкуренции), так и со стратегией сотрудничества, взаимопомощи.

На наш взгляд, неверно было бы считать, что при сотрудничестве мы имеем дело с ценностно-рациональным действием,

тогда как при конкуренции сталкиваемся с действием целерациональным. Оба вида социального действия взаимопроникают и различаются разве что артикуляцией в том и другом случае. Взаимоотталкиваются же они тогда, когда индивидуализм и коллективизм выходят на крайние позиции. С одной стороны, такого рода крайняя позиция представлена в аутизме, отъединенности, эгоцентризме, когда "другой - это ад" (по давнему выражению Сартра), когда он "чужой", "враждебный", чуть ли не "антропоморфно другой", а вовсе не "друг" (вспомним формулу Мигеля де Унамуно, удачно переинтерпретировавшего старинный афоризм Теренция: "я человек, и никакой другой человек мне не чужд"). С другой - она представлена в казарменном коллективизме, несвободной корпорации, принудительно объединяющих людей, которые по историческому счету либо созрели к индивидуализации, к самоопределению, к отказу от социального опекуна во всех его видах, либо приблизились к такой стадии.

*Вариабельность национальных моделей  
этики успеха.*

От характера взаимопроникновения и отталкивания индивидуализма и коллективизма в значительной степени зависят свойства национальных моделей рациональной морали и этики успеха. В одних случаях делается большая ставка на кооперацию, на интересы общности, но со значительными пережитками традиционного действия (Россия, Япония, страны конфуцианской цивилизации и др.) В иных случаях производится больший крен в сторону индивидуализма и конкурентности, что - подчеркнем еще раз - вовсе не исключает готовности к кооперации, к коммунизму, урбанизированной общности. Здесь сильнее выражена идеосинкрзия ко всякой регламентации, ограничению "свободы рук", но при том оберегается устойчивая верность моральному порядку, нормам рациональной морали, ценностям этики успеха, ее дозволениям и запретам.

В одних версиях этики успеха заметен акцент на дисциплину труда, на отказ от эвдемонистических мотивов и избыточного потребления. В других - на "хозяйственные добродетели", на ощущение удовлетворенности от исполненного долга в границах профессионального призвания, экономической самореализации агентов рынка как самостоятельной жизненной ценности.

В одних случаях, если прислушаться к убедительным суждениям Ханны Аренд относительно отличий между французской и американской революциями XVIII века, субъектом этики был, скорее, человек, нежели гражданин, свобода которого основывалась на его правах и на публичном счастье (а это неминуемо вело к "якобинизации



революционности"), в других - скорее, гражданин, нежели просто человек, и свобода его покоилась на принципе участия в общественной жизни и на защите личного счастья, что играло существенную роль в блокировании насилия, террора, в "деякобинизации революционности". В первом случае наблюдалось последующее снижение значимости стремления к экономическому (индивидуальному или групповому) риску, к различного рода инновациям, к гражданской самодеятельности. Они ограничивались централизованной политической властью. Во втором случае механизм гражданских инициатив, ответственности, риска, конкуренции запускался на полные обороты, преодолевались, где только было возможно, регламентационные иго государственного и церковного чиновничества. Это предопределило модели этики успеха, которые впоследствии сформировались в различных регионах американско-европейской цивилизации.

| *Аксиологический маятник:*  
| *драма "дурной бесконечности"*.

Что касается России, то социологические исследования последних лет (не связанные с приказами различных политических сил и потому вызывающие доверие) показывают, что здесь еще не произошел выбор в пользу той или иной модели этики успеха. Такое состояние довольно точно определяется как духовно-нравственная *неопределенность*<sup>121</sup>. Мы сейчас не говорим о свойствах национального самосознания, которое, по определению, включает неоднородные и даже противоречащие друг другу элементы<sup>122</sup>. Речь идет о "чуде" сосуществования индивидуализма с коллективизмом в одной почти мифистофельской душе. Не в том смысле, что ничто человеческое этой душе не чуждо (и не в духе архаического коллективно-бессознательного К.Юнга и неистребимого для него раскола сознания личности), а в том, что синтеза до сих пор не произошло, во всяком случае в необходимом объеме и с достаточно глубоким эшелонированием.

К тому же данное обстоятельство плохо отрефлектировано: люди сами не ведают того, как, каким образом в их сознании и поведении уживаются столь гетерогенные начала. Самоидентифицируя себя как ординарных, "простых людей" и используя иные мифологемы относительно самих себя, они способствуют снижению

<sup>121</sup> Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. - М., 1993.

<sup>122</sup> Левада Ю.А. Судьба "человека советского": Размышления пять лет спустя // Этика успеха. 1996, вып.9.

уровня ответственности и перед самими собой, близкими и, тем более, перед дальними, - в этом и без того запутанном, слишком сложном мире трудно такую ответственность уяснить и очень легко ее "сбросить". В свою очередь, такая самоидентификация позволяет "простым людям" легитимизировать самих себя в роли благо разумно избегающих крайностей (включая ориентации на "какой-то" неведомый успех, который предварительно не был верифицирован с позицией патернализма). Поэтому-то поведение такого ценностного "тяги-толкая" - "индивидо-коллективистского" человека в каком-то отношении вполне рационально (причем и целерационально, то есть не плохо сориентировано на личные интересы, и ценностно-рационально), а в другом отношении оказывается вполне традиционным. "Абсолюты" традиционализма, лучше сказать - советского ретрадиционализма, противоборствуют с "абсолютами" рациональности и модерна. Не развиты скромные "релятивы", промежуточные звенья, стабилизаторы сознания. Есть "высшая" и "профанная" мораль. Но между ними зияет пропасть, ибо не получила развития, так сказать, "срединная" мораль, тесно связанная с формализованным правом.

В итоге наблюдаются постоянные колебания аксиологического маятника, всевозможные шараханья, прорывы и откаты не только в истории страны, но и в нравственной жизни отдельного человека. И эти колебания откладываются в его нравственных качествах: идут, минуя "золотую середину", смещения от активизма - к пассивности, от энтузиазма - к апатии, от покорности властям, судьбе, общине - к бунтарству против них всех, от легковерия, наивности и доверчивости - к хитromanству, неразборчивому негативизму, от святости - к греховности (вспомним афоризм К.Н.Леонтьева: русский человек может быть святым, но не может быть просто честным), от высокого - к низкому, от готовности трудиться в критические моменты производства до седьмого пота (а в этом, полагал В.О.Ключевский, в Европе нет равных русскому человеку) - до длительных приступов меланхолии, хандры, затяжного безделья. Затруднения связаны с дефицитом умеренности, равномерности трудовой активности, вообще с мерой. "Россия была и, по всей вероятности, остается страной крайностей, стремления во всем достигать последнего предела" (Д.С.Лихачев), "огненной неистовости в желании немедля утвердить небо на землю" (В.В.Шульгин), что поставляло излюбленные сюжеты как для отечественной трагедии, так и для юмористики. И колебания такого маятника усиливаются в Смутное время.

| *Кто виноват?*

В нынешнее смутное время усилению колебаний и негативизма по отношению к "формуле успеха", включающую в себя и этику успеха, содействовала, по мнению многих исследователей, так называемая "номенклатурная революция". Пожелавшая стать буржуазией номенклатура - полагает А.С.Панарин, к мыслям которого мы обращаемся снова, - обнаружила полнейшую свою несостоятельность как класса (не станем сейчас препираться по поводу диагностической терминологии), способного организовать жизнь общества на разумных основаниях, предложив ему заветную "формулу успеха".

Лишь небольшая часть конкурентоспособной и созидательной новой буржуазии оказалась готовой сама реализовать позитивные модели успеха, хорошо оснащенные в нравственном смысле, и предъявить их другим слоям общества. Но она пока уступает по влиятельности паразитической номенклатуре.

И судьба этики успеха в России зависит от того, кто будет распоряжаться на экономическом, политическом и культурном пространстве страны, кто сумеет положить конец дурной бесконечности колебаний ценностного маятника, кто сумеет соединить национальное сознание с цивилизационным движением постиндустриальной эпохи, объединяющих тех, кто сохранил профессиональную этику, занятых в наукоемких отраслях, в вузовской и академической науке, в сфере производства, здравоохранения и образования. "Сегодня эти стороны разъединены и намеренно заталкиваются в гетто: одна сторона - в гетто изолированного почвенничества, другая - в гетто "антиэкономики", не отвечающей жестким тестам рентабельности"<sup>123</sup>.

| *Этика успеха и российская ментальность:  
"рандеву" наконец состоялось.*

Несмотря на всю неопределенность духовно-нравственной ситуации в стране, есть основания думать, что у нас происходит постепенное отступление традиционализма и казарменного коллективизма, которые блокируют достижительную деятельность, погашают ориентацию на личный (и даже коллективный) успех, препятствуют утверждению гражданских прав и контрактных отношений, принципа разделения властей, несогласия с идеократическими началами и патерналистскими предпочтениями, которые

---

<sup>123</sup> Панарин А.С. Евразийская модель морали успеха // Этика успеха. 1994, вып.2, с.58.

создавали устойчивый каркас для привычных матриц ценностных суждений, для всего морального "кода" общения. Немалую роль (не во всем положительную) в таком отступлении сыграли развившиеся еще в доперестроечное время потребительский индивидуализм, бюрократический рационализм и десинкретизация ценностного мира как условия повышения эффективности деятельности внутри специализированных подсистем модернизирующегося социума, укрепления ответственности за последствия собственных поступков.

Наметилось, впрочем, не просто безвозвратное вытеснение традиционализма с его уже давно подорванных в этом ценностном мире позиций. Выявились предпосылки для его сближения с модерном, сближения ценностей внешнего успеха с успехом "внутреннего делания" ценностей либерализма и демократизма. Путь к этому оказался извилистым и полным всяческих перекосов. Остались и останутся различия между целерациональными и ценностно-рациональными действиями. Но теперь, в ситуации преодоления крайностей как индивидуализма, так и коллективизма, они перестают быть взаимоотталкивающими, так как и те, и другие действия стали предполагать взвешивающую стратегию поведения с оглядкой на последствия, требовать рационализации выбора (хотя при ценностно-рациональном действии не наблюдается непосредственной ориентации на успех и мы имеем здесь неполную рациональность - ввиду иррациональности *предзаданной* по своей природе ценности и отсутствия "управления ситуацией") и, соответственно, минимизации импульсивности поступков "по убеждению". Разумеется, при сложной, многоуровневой мотивации поступков остается естественное место для проявлений чувственной стороны морали, для "доброй воли". Этого требует верность нормам этики успеха, правилам честной игры, кооперативности действий, преданности своему жизненному призванию и самореализации, "безадресному альтруизму", солидаристским ценностям.

Не следует думать, будто рациональная мораль - исключительно объясняющая, исчисляющая этика, но не этика *понимающая*. Рациональная мораль предполагает не *использование*, а *постижение* Других в непосредственном общении с ними, в диалогической коммуникации. "Рациональное поведение, - пишет британский социолог Зигмунт Бауман, - не разъединяет людей, а, наоборот, объединяет, потому что каждый раз совершаются действия, которые точно придерживаются логики, вычислению, просчетам и альтернативам. И, наблюдая за действиями человека, можно постичь смысл этого действия, потому что само действие - это лишь средство для достижения цели. Таким образом, не обязательно быть в духовном

родстве с человеком, чтобы понять смысл его действия... Хотя, как бы мы ни были расчетливы и рациональны, наши действия редко освобождены от влияния привычки или наших чувств"<sup>124</sup>.

Данные тенденции фиксируются в различных социологических исследованиях, которые обнаруживают существование продвинутых групп населения (все более многочисленные "островки", уже образующие "архипелаг", но еще не слившиеся в "континент") с развитой коммуникативной рациональностью в поведении, с освоенными достижительными ориентациями<sup>125</sup>. Они воплощают умеренные формы индивидуализма и солидаризма, предрасположение к нескончаемому дискурсу по поводу правил поведения на всевозможных поприщах успеха. В то же время они воплощают результат усвоения норм и ценностей этики успеха в такой степени, что уже можно разглядеть - пусть и размытые - контуры, неясные прообразы российского варианта национальной модели данной этики.

| *"Рандеву" - акт творческий.*

Предугадать итоги встречи универсальных ценностей модернизма с культурно-региональными свойствами российской ментальности, которая сама в высшей степени неоднородна, нельзя. Ведь это - акт культурного творчества, а не просто сложения или "склеивания" ценностей; здесь вся суть скорее всего в детализовке, в богатстве нюансов. Это тот самый случай, когда история сначала делается, а лишь затем пишется, а потому метод "воспоминаний о будущем" здесь совершенно неуместен. Известно, что самые существенные переломные события в истории были маловероятны, а жизнеспособный диалог культур всегда имеет непредсказуемые результаты. Каким окажется российское единство универсальностей и уникальностей неведомо никому.

Тем более, что модернизационные процессы, как теперь становится все более очевидным, сами являются внутренне дифференцированными в различных культурных ареалах, образующих широкий спектр или контекст для интерпретаций таких ценностей этики успеха, как свобода выбора цели и способы самореализации личности, партнерства и т.п. Когда очень сильно хотят угадать черты некоей модели этики успеха, не располагая для этого достаточным

<sup>124</sup> Бауман З. Социология постмодернизма. - М., 1991, с. 18-19.

<sup>125</sup> См., например, результаты исследований фонда "Общественное мнение" ("Полис", 1993, №4; 1994, №1) и исследования И.М.Клямкина и В.В.Лапкина, опубликованные в журнале "Этика успеха", выпуски 4, 5, 6.

числом чуть ли не нотариально заверенных актов, то в итоге лишь создают новую Утопию со своей системой экспрессивных образов и символов. Такая Утопия, конечно, не пустышка, так как выражает стихийно-эмоциональные протесты масс против "паршивой" реальности, против непонятного, незнакомого и угрожающего им мира, и в этом смысле заслуживает не третирования, а самого пристального внимания исследователей. Но она же становится крайне опасной, когда превращается в идеологический Проект. Как сказал один наш социолог, надлежит избрать "смирный" путь следования за изменениями в ценностном мире, безропотно идти за фактурой.

*Часть четвертая*  
**ЦЕННОСТИ ЭТИКИ УСПЕХА**  
**В КОНТЕКСТЕ XXI ВЕКА**

| *Этический консилиум эпохи.*

В то время, как мы обсуждаем пути и перепутья модернизационных процессов в России, вся индустриально-урбанистическая цивилизация неумолимо вползает в полосу затяжного кризиса, который является прежде всего кризисом духовным, моральным. Апологеты цивилизации достижений, как за рубежом, так и в нашем отечестве, вряд ли рискнут оспорить такой диагноз, так как симптоматика кризиса слишком очевидна и выразительна.

Другое дело, что показания к такому диагнозу и, тем более, к соответствующей терапии, участники своеобразного этического консилиума могут связать с инвективами именно по адресу этики успеха. Уж не она ли, злодейка, и завела в тупики нравственное развитие беспечного человечества, совращенного соблазнами технического могущества и потребительского изобилия, к созданию которых эта этика, безусловно, причастна?! Не ей ли мы обязаны подрывом основ духовности, соборности, эгалитаризма в социалистическом или общинном духе?! Или, напротив, связать эти показания именно с надеждами на то, что этика успеха как могучий и безотказный мотор достижения сама в себе содержит возможности спасительного для нравственности самообновления, содействуя демодернизации и переходу к информационной цивилизации, неоклассическому гражданскому обществу?

| *Дорогой этики успеха. Иной не дано.*

Так или иначе, но в современной России думающие люди озадачивают себя нелегкими вопросами: следует ли нам с таким напряжением продвигаться и далее по пути модернизации, усиливая тем самым кризисные явления в общественном сознании? Избыток или недостаток ценностей этики успеха создает мучительные проблемы для цивилизации в целом, для нашей страны - тем более? Надлежит ли нам идти дорогой поддержки этики успеха, если даже "там" она столь явно демонстрирует свою органическую связь с кризисными явлениями, оказывается каким-то образом сопряженной с моральными потрясениями, поразившими всю цивилизацию? Годится ли этика успеха в "маяки" для страны, где сегодня преобразуется весь духовный ландшафт? Не окажется ли она очередным социальным

миражом, фата морганой, не приведет ли нас в тупик лабиринта - вместо того, чтобы послужить спасительной ариадниной нитью?

К тому же, особенностью современной российской ситуации, как уже говорилось, является духовно-нравственная неопределенность, не в последнюю очередь обусловленная одновременным функционированием сразу трех нормативно-ценностных систем, представляющих, хотя и не буквально, "три морали" (мы не случайно взяли это выражение в спасительные кавычки), последовательно возникшие и одновременно сосуществующие фазы исторического развития общественной нравственности, ее трихотомию. А такое одновременное их функционирование отличает состояние разбалансированности, даже конфронтационности взаимоотношений между двумя первыми системами и всего лишь пренатальное состояние - третьей. Трудно в этом случае говорить не только о каком-то продуктивном диалоге между разнокачественными нормативно-ценностными системами, но даже об их толерантности, о способности к взаимодействию и взаимоуважению, что является - как мы попытаемся показать ниже - обязательным условием развития третьей системы.

Такая ситуация разлада в духовной сфере не может не получить резонанса во всех других сферах или сторонах жизни общества и тогда, по гегелевскому выражению, причины и следствия коварно меняются местами: моральный кризис продиктован кризисом экономическим, политическим и культурным, а в свою очередь он подпитывает кризис в области морали. Предпочтения, публично высказываемые ценностям успеха на фоне повышения социальной цены реформ, стали раздражать как элиты общества, так и его массы в такой мере, что всем этим пренебрегать уже просто невозможно. Обостряется сформулированный выше вопрос: а кому, собственно говоря, служит у нас сегодня этика успеха? Всему ли обществу? Или лишь "жирным котам", привилегированным группам?

| *Современная цивилизация:*  
| *моральный кризис.*

Попытаемся обдумать все эти серьезнейшие вопросы. Заметим вначале, что моральный кризис, вопреки ходульным мнениям, не просто хаос, распад мира ценностей, тем более не полное "вымирание" морали. Это не развал нормативно-ценностной системы общества, а растянутый во времени - иначе просто не может быть - и необычайно трудный процесс обновления, если угодно - *перестройки* данной системы. Это время проявления не только деструктивных тенденций в



нравственной жизни общества, но и накопления *контртенденций*, с которыми связаны обнадеживающие перспективы.

Если быть лаконичными, можно сказать так: явственно обнаружилась пределы для продвижения процессов модернизации как вширь, так и вглубь. И это определяет границы существования нашей цивилизации. Ее дальнейшее беспрепятственное и слабоконтролируемое развитие, неразрывно связанное с ним функционирование рациональной морали вместе с этикой успеха (в бизнесе, политике, профессиональной деятельности, в социальной педагогике) предполагало бы признание нескольких допущений:

- качество рыночных механизмов способно чуть ли не само по себе приближаться к совершенству и быть саморегулятором почти всех общественных отношений (маркетизация общества);

- в распоряжении нашей цивилизации имеется неограниченное обилие ресурсов и существуют возможности для экспоненциального роста общественного производства в результате суммирования всех видов достижительной деятельности и не будет допущено прогрессирующее ухудшение качества жизни;

- это безукоризненным образом способно содействовать общественному благу даже в неблагоприятных условиях ресурсных дефицитов;

- и, стало быть, нет никакой необходимости вносить радикальные изменения в нормативно-ценностную систему общества, во все ее подсистемы (политическую, предпринимательскую, воспитательную и т.п. этики).

Увы, практика свидетельствует об обратном: все эти допущения носят произвольный характер. Перед лицом опыта трагических потрясений XX столетия, нарастающих мировых угроз речь, по существу, идет о кризисе техногенной цивилизации. Уже не первое десятилетие идет процесс осмысления морального кризиса и интенсивных поисков выхода из него: прославленные в наших палестинах сакраментальные вопросы "что с нами происходит?", "кто виноват?" и "что делать?" отнюдь не монополю принадлежат лишь России.

Трактуются моральный кризис на множество ладов: сколько существует в мире идеологий, столько и способов критики цивилизации. Больше всего обращают внимание на контрасты техногенного развития, когда производственные, технологические, организационные, информационные достижения удивительным образом сосуществуют с ростом отчуждения, с актами вандализма и терроризма, с "откатом" трудовой морали, с утратами в сфере смысловых значений. В казавшихся естественными принципах

всеобщей полезности и безостановочной экономической экспансии (в чем, напомним, отнюдь не последнюю роль играет укорененная в нравах ориентация на успех, которая поэтому несет свою долю *ответственности* за прозаичность и потребительство "довольного сознания", за грех сытости, за пуританское ханжество, воинствующее мещанство) обнаружилось зияющие бреши. Стало ясно, что названные мегатенденции не просто навязаны обстоятельствами, но и являются одновременно результатом *свободного выбора*. Выбора, который всегда присутствовал в прошлом, приобретая драматический характер в точках бифуркации развития. Выбора, амплитуда которого необычайно возросла при исходе из одной - техногенной - цивилизации и вхождении в коридоры перехода к другой - информационной, постиндустриальной.

Политические и культурные лидеры наперебой предлагают свои рецепты и варианты программ выхода из кризиса - немыслимо даже представить панораму всех аналитических описаний кризиса и проектов выхода из него, перехода к новому мировому порядку, к перестроечной нормативно-ценностной системе глобальной цивилизации.

| *Современная цивилизация:  
пути морального обновления.*

Обратимся в данной связи к названным выше контртенденциям, свидетельствующим о преодолении (пусть даже частичном) кризисных явлений в духовной жизни современной цивилизации. Они связаны, по хорошо промотивированному мнению российского аналитика Ю.А.Васильчука, со вторым этапом НТР, с информационной революцией, начавшейся в 70-е годы. Произошла феноменальная встряска всех социальных структур в связи с прекращением развития крупного капиталоемкого машинного, фабрично-заводского производства. Ему на смену полным ходом идет принципиально иное производство, когда господство капитала сменяется господством знаний, их носителей. Меняются базовые системы отношений (маркетинговые сети, финансовая, интеллектуальная, информационная, организационно-правовая, транспортная инфраструктуры). На основе высоких технологий складывается массовое поточно-конвейерное производство с ориентацией на конечного потребителя. Реорганизуется вся сфера материальных услуг. Резко снижается органическое строение капитала и прекращает действовать тенденция средней нормы прибыли к понижению. Налаживается инженерная организация труда.

"Революция производительности", гибкость производственного аппарата делают трудовую деятельность "школой характера", "школой жизни" в сложном и быстро меняющемся мире, приводят к осознанию зависимости трудящихся друг от друга, усиливают у них потребность во взаимопомощи, формируют психологическую готовность к смене форм деятельности и даже социальных сред, приучают к существованию в ситуации высокой социальной мобильности. Новая логика производства рождает личность, способную принимать ответственные решения и не от случая к случаю, а постепенно, и это стало непосредственным содержанием ее труда. Создаются условия для развития массового предпринимательства и ограничения всевластия монополий.

Материальное благополучие работников содействовало росту "среднего класса" как главного собственника и основного потребителя, ослаблению социальных конфликтов, вело к преодолению отчуждения или снижению его бремени. Вместе с гигантскими системами социального обеспечения возникли новые представления о социальной справедливости - на их основе видоизменился либерализм<sup>126</sup>, сложилась социально ориентированная экономика. Возникла "экономика мысли", когда производство лишь формирует материальную оболочку товаров и услуг, а их существо порождается духовной жизнью общества, его наукой, культурой, искусством (инверсия базиса и надстройки, если прибегнуть к нашей традиционной терминологии). Поменялись и представления об общественном богатстве. Они определяются большими научно-организационными коллективами мобильных работников, емкостью и качеством внутренних рынков, покупательной способностью семей, творческими дарованиями граждан<sup>127</sup>.

Заметим, что именно такие преобразования ожидают Россию (отчасти в этом направлении ею уже немало и сделано), а их подкрепление как раз и представляет общенациональную цель, идеологию, если угодно, ее политику и вектор программирования всех сфер деятельности.

В данной связи мы полагаем возможным говорить о том, что нравственное развитие человечества вступило в какую-то новую фазу, достигло в этом развитии новых рубежей, обрело новую аутентич-

---

<sup>126</sup> Петров И.И. Новый либерализм для России: уроки западных дискуссий // Общественные науки и современность. 1996, №5.

<sup>127</sup> Васильчук Ю.А. Эпоха НТР: новые основы массового производства и общество // Полис. 1996, №2.

ность, и в связи с этим, можно говорить о возникновении в мире и в России *третьей* - "*пострациональной*" - *морали*, в которой производятся как переоценка ценностей, так и обновление самих регуляторных механизмов. Нет спора, что можно как-то иначе обозначить происходящие на наших глазах парадигмальные сдвиги в таком развитии, в осознании кризиса и поиске способов выхода из него (в чем-то сходные термины предлагают у нас исследователи нравственности, например, Н.Моисеев, А.Назаретян, А.Зотов и др.). Но в логике предшествующего рассуждения нам кажется уместным именно такое обозначающее выражение.

*Нравы постсовременности -  
исторические пределы этики успеха?*

Ошибочно было бы думать, будто пострациональная мораль и есть нравы новейшего времени. Как некий целостный конструкт она исходит из позитивных тенденций этоса и этики успеха, а потому просто не может буквально совпадать с нравственными реалиями общества. В постсовременном обществе уже осуществились модернизационные процессы. В связи с этим зримо проявляют себя и негативные, разрушительные тенденции, берущие начало - как уже было сказано - в достижительной цивилизации и ведущие к моральному вакууму, аксиологическому коллапсу.

Так идеи призвания, ценности трудового, профессионального, делового успеха подрываются усилением имморального потребительского духа со свойственными ему жизненными стилями (вульгарно-прозаический, эстетизированный и анархический неогедонизм) и бездушным бюрократическим рационализмом. Они приводят обитателей постмодернистского социума к утрате идентичности, к ощущению иллюзорности всяких социально значимых успехов, к позициям крайнего индивидуализма. Все жизненные успехи легко фрагментируются, обретают качество беспорядочности, не образуя при этом устойчивой и динамичной жизненной стратегии. А без нее невозможно говорить об этике успеха с ее интенциями решительности, постоянства, напряженного и упорного продвижения к генеральным жизненным целям.

В самом деле, при чем тут этика успеха, если сам успех оказывается чем-то эфемерным, мимолетным, ускользающим, лишенным цементирующих его структур? Те, кто оказались в эпицентре жестокого морального кризиса, тем не менее постоянно стремятся к некоторому моральному равновесию, испытывают побуждение верить в разумность своего поведения и образа мыслей, нацеленных не столько на успех как целостный феномен, сколько на

отдельные, разрозненные его компоненты, связанные с потребительскими заботами, и для них уже нет иного ада, кроме как неудачи или даже просто осложнения в их потребительских устремлениях. Естественно, что этика успеха помещается *по ту сторону* таких устремлений.

| *В поисках морального баланса.*

Однако искомое моральное равновесие оказывается трудно достижимым и его удается создать лишь искусственно (как в свое время отмечал еще П.А.Сорокин), путем *снижения моральной требовательности* к самому себе: представления о должном и возможном посредством их девальвации приводятся в соответствие с реалиями поведения. Потребительски ориентированная личность обнаруживает, как слепой рок подмывает континент, где она что-то может сделать, испытать положительную ответственность за содеянное или упущенное. И на этой стремительно убывающей территории ей кажется достаточным сделать ничтожно малое, чтобы выйти из щекотливого положения и ощутить себя выполняющей свой долг самым исчерпывающим образом. В избытке наделенная самодовольством, она достигает равновесия при помощи отнюдь небезупречных средств.

К желанному равновесию она устремляется путем *ограничения сферы применения моральных оценок*. Она готова быть строгой лишь к прегрешениям в области фамилистических отношений (семейных, приятельских, соседских), но снисходительна в сфере стыковки личного и общественного долга. Ей представляется возможным обрести ощущение своей порядочности без особых усилий: помогая родственникам, своевременно погашая потребительскую задолженность, в срок выплачивая карточный долг, полагая, что тем самым она исчерпала круг своих обязанностей. И если далее простирается мир, в котором любое утверждение о моральности сомнительно, в нем, следовательно, можно действовать так, будто здесь вообще нет морали.

Правда, и в той узкой сфере не все столь просто и ясно, как представляется. Подобная личность и там ведет себя не лучшим образом, пропитывая "фамилистические" отношения не столько заботливостью, сколько гедоническими соображениями. "Человек для себя" находит равновесие в скрупулезном исполнении принятых ритуалов и требований, убеждая себя в том, что он тем самым устранил "моральные неликвиды". На скорую руку согласовав побудительные начала с нормативными установками, превратная совесть такого человека оправдывает погоню за мимолетными

наслаждениями и сегментированными "успехами". В такой ситуации даже добродетели неуловимо переходят в порок еще не будучи доведенными до крайностей. И тогда все предписания этики сводятся к рецептам самовнушения довольства, к "фелицитологическим" программам.

| *Антиэтика успеха.*

Автор вышедшей в 1993 году в Оксфорде книги "Этика постмодерна", уже упомянутый нами З.Бауман, полагает, что на смену человеку прозаического классического модерна, лишённого выбора между геройством и святостью (т.е. между этосами рыцарства и монашества), пытающемуся вместе с тем рефлексировать о пройденном жизненном пути с точки зрения призвания, назначения, духовной миссии, чтобы узреть в этом целенаправленное развитие, приходит человек *постсовременности*, который совсем по-другому мыслит и чувствует. Гвоздь его жизненной программы - не построение, раскрытие, изобретение идентичности, но избегание всякой фиксации социальных места, времени, позиции. Метафорой его стратегии служит фланер, бродяга, турист и игрок. Если человек модерна отличался склонностью либо перекладывать моральные обязательства с личности на конституируемые и управляемые обществом организации, либо рассеивать ответственность в глубинах бюрократического правления, то человек постмодерна - и мы снова отсылаем к П.Сорокину - вообще отказывается от любых устойчивых сетей взаимных обязательств и обязанностей.

Оказалось возможным сформулировать пять негативных житейских правил отсутствия стратегий действия, которые образуют, как нам кажется, своеобразную *антиэтику успеха*. "...Не планируй слишком длинных путешествий - чем короче путешествие, тем больше шансов его завершить; не допускай эмоциональной привязанности к людям, которых встречаешь на транзитных перекрестках, - чем меньше будешь придавать им значения, тем меньше тебе будет стоить расставание; не допускай слишком сильной привязанности к людям, месту, делу - ты не можешь знать, как долго они продлятся и как долго ты будешь считать их достойными своих обязательств перед ними; не смотри на свои оборотные средства как на капитал - ценность сбережений быстро падает, и перевозносимый некогда "культурный капитал" имеет свойство во мгновение ока превращаться в культурный *убыток*. А кроме того, не откладывай удовольствие, если можешь получить его сейчас. Ты не знаешь, каким ты станешь потом, ты не

знаешь, доставит ли тебе удовольствие завтра то, чего хочешь сегодня"<sup>128</sup>.

Все сказанное позволяет вернуться к исходному тезису: понятия "пострациональная мораль" и "нравы постсовременности" трактуют о разных предметах, взаимодействующих разве что "по касательной".

*Пострациональная мораль:  
новые роли этики успеха.*

*Пострациональная мораль*, как мы ее себе представляем, не воплощает какой-то авангард в туманном ценностном мире. Ей не предстоит вытеснить предшествующие "морали" куда-то на обочину нравственной жизни общества, просто пойти за ними во временной линейной последовательности или стать каким-то приращением к ним. Она определенным образом "надстраивается" над ними, видимо, по законам спиралеобразного движения и ей предстоит искать и обрести особые способы *существования* с предшествующими фазами развития. Причем на равных основаниях, без снисходительного взирания на "отставших", "мизерабельных", "социальных призраков".

Лучше всего пострациональную мораль, пожалуй, можно бы охарактеризовать в духе принципов *дополнительности* и аксиологического *плюрализма*. Она ставит в один ряд как приверженцев этики успеха, так и тех, кто в большей или меньшей степени предпочитают уклоняться от подобной ориентации по каким-то нравственно-мировоззренческим мотивам (или по таким вполне прагматичным резонам, что они без труда способны получить нравственное одобрение). Она против того, чтобы уклоняющихся от ценностей и норм этики успеха как-то клеймить, дискриминировать, отодвигая на обочину нравственной жизни.

В изменяющемся обществе, конечно, не исчезает потребность в универсальных моральных нормах, но удовлетворяется она не за счет ограничений для иных, в том числе культурных, ценностных ориентаций. (Кстати говоря, почти повсеместно поворот в сторону универсализации норм на основе рационализации жизненного процесса, по-видимому, плохо справляется с проблемой взаимодействия с нарастающим влиянием этнонациональных культурных образцов, что остро ощущается не просто в России в целом, но и в отдельных ее регионах.)

---

<sup>128</sup> Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995, №4.

Не улетучивается, как дым, и потребность в инновациях и инноваторах, в людях, обращенных лицом к ценностям успеха, восприимчивым к новшествам, не происходит отказа от фундаментальных ценностей демолиберализма (с многочисленными поправками по поводу некоторых отрицательных практик либерализма и демократии). Но смещения в самой этике явно происходят. Так, пострациональная мораль побуждает к ревизии установившихся взаимоотношений между ценностями делового и профессионального успеха, между этими ценностями - и ценностями жизненного успеха. И те, и эти определяются по различным основаниям и измеряются по разным критериям с неодинаковым соотношением в них объективных и субъективных начал.

По-новому пострациональная мораль подходит и к личностной проблеме соотношения *целерационального и ценностно-рационального* типов социального действия. В этой веберовской классификации, как мы уже отмечали, в первом из этих типов ставятся цели, ориентированные на индивидуальный или корпоративный успех, во втором - преследуется достижение каких-то не ориентированных непосредственно на успех ценностей (допустим, поиск истины в жизненном или исследовательском плане или же ориентация на самореализацию), но эти ценности тоже способны принести успех, правда, как бы само собой, ненамеренно, скорее всего в отдалении. В пострациональной морали ставится и положительно решается вопрос о праве на предпочтение одного из этих типов социального действия другому, об оптимизации их сочетания, их конфигурации в жизнедеятельности в целом или же в ее узловых отрезках, в критических точках жизненной траектории.

Пострациональная мораль, в отличие от рациональной морали, которая - нельзя не признать - исподволь грешила эзотеризмом и заносчивостью "людей успеха", свободно легитимизирует каждое из названных предпочтений, терпимо относится к любым их пропорциям и комбинациям. Когда-то, сопоставляя воззрения Эпикура и Аристотеля, молодой Маркс писал, что первый воплощал "божественный покой", тогда как второй - "божественную энергию". Ныне крайности сходятся, но не так, как прижимающиеся от холода друг к другу дикобразы. Принцип уважения к личности, выпестованной на ценностях энергетики успеха в рациональной морали, оказывается здесь не столь уж несовместимым с уважением к личности, воспитанной в духе ценностей солидаризма, любви к "выси" и "далям" (по выражению Н.Бердяева). И даже к принявшим квиетизм - "философию покоя", не говоря уже о тех, кто исповедует мужественный стоицизм.



России предстоит завершить  
«Спор о “древних” и новых»».

В рамках пострациональной морали возникают и зреют новые доминанты - экологические, неоasketические, неогалитаристские, коммуналистские, локалистские и т.п. Важно при этом, что в силовом поле детерминант деятельности перестают быть конфронтационными традиционная и модернистская нормативно-ценностные системы, кладется конец старинному (возникшему на рубеже XVII и XVIII веков) «Спору о “древних” и “новых”», так как "новейшие" предпочитают союзные отношения между "древними" и "новыми" в морали.

Такие неведомые для прошлого отношения, разумеется, не избавят субъекты пострациональной морали от трудностей идентификации при сопряжении, как образно выразался Мих.Ломоносов, "далековатых понятий", не исключат множества психологических смещений, фрустраций, тягостной утраты идентичности.

В свое время отвержение традиционной морали вызывало потрясения, которые хотя и не были прямыми революционными катаклизмами, но по своим последствиям превзошли любые революции. И теперь в мире - и у нас в стране - наблюдается неприятие нового как с позиций инерциального свойства, так и весьма обоснованной мотивации. В России переход от патримониальной модернизации к современной, усложненной постмодернизационными процессами, создает ситуацию, когда человек, проживая в двух культурах одновременно, ощущает себя в положении шукшинского мигранта, (“одной ногой в лодке, а другой - на берегу”), причем в обеих суперкультурах он интегрирован лишь частично, что служит источником множества межличностных и внутриличностных конфликтов.

Нравственная мудрость, на которую опирается пострациональная мораль, предполагает ясное осознание того неустрашимого факта, что, с одной стороны, *рациональная мораль* и этика успеха содержат в себе сильнейшую угрозу иссушения нравственных чувств людей, их машинизации, с другой - что одна только *естественная мораль* может сделать людей совершенно неприспособленными для существования в "открытом" обществе. Мудрость вводит запрет на отсечение двух ценностных миров друг от друга или на восприятие их как "низших" или "высших". Она предполагает понимание того обстоятельства, что нельзя обойтись без рыночной экономики, но, вступая на рыночную площадь, впитывая, ассимилируя ценности этики успеха, человек не

вправе утрачивать приверженности сокровенным ценностям, выработанным поколениями, не может пренебрегать и иррациональными глубинами человеческого сознания - не там ли затаились истоки добра и зла? Обе эти "морали", так сказать, обязаны "знать свое место" и отказаться от гегемонистских притязаний.

"Новейшая" мораль, улаживая спор "древних" с "новыми", полагает, что различия между ними берут свое начало не столько из разных исторических эпох, сколько из различных сфер жизнедеятельности (публичной и частной, профессиональной и непрофессиональной, протекающей в рамках иерархически выстроенных организаций или вне их). Не очень-то просто осознать данные различия и их источники. Но неизмеримо сложнее овладеть нравственной мудростью "новейших", прихотливым искусством переключения из одного ценностного мира в другой. Как ни стараться, но духовные издержки при этом неизбежны - с этим ничего не могут поделать ни нравственная мудрость, ни самое изощренное искусство переключения. Подобное признание не предвещает "новейшим" сладкую нравственную жизнь - останутся и драмы поиска смысла жизни, и трагедии его ненахождения. Интеллектуальный долг обязывает понять и принять такой вывод, ибо "все может надоесть, кроме понимания" (Вергилий).

В продолжение темы о "новейшей" морали заметим, что посттрадиционность не мотивируется просвещенческими идеалами с их представлениями об одновекторном прогрессе, с их претензиями на познание Истины и - страшно вымолвить - не мотивируется вытекающими из них идеями гуманизма и столь же одновекторном нравственном прогрессе ("позже пусть и не сразу, но вскорости - непременно значит лучше, выше, чище"). В этом смысле пострациональность более последовательна в утверждении конвенционального характера ее собственных повелений и оценок, а потому она и более реалистична, чем мораль рациональная.

Иногда, правда, слышатся возражения, будто подобная мораль никак не приживется в России, поскольку здесь еще не возвращена, не окрепла, не стала принадлежностью массового сознания мораль рациональная, ее нормы, стандарты оценок, особенности мотивации. Раз Россия "просветилась" лишь в "верхах" общества, да и то во многом едва ли не формально, а к тому же значительная часть просвещенного слоя была смыта Октябрьской революцией, раз здесь не получила полноценного развития частная собственность и частная жизнь, то попытки подняться над рациональной моралью могут обернуться только ретардацией в пользу традиционной морали и всякого рода архаики.

В подобных рассуждениях не принимается во внимание, что в ходе советской модернизации традиционная мораль была сильно деформирована и потеснена, по многим параметрам стала пережиточной. Советский и, тем более, постсоветский человек успели “остыть” по отношению к “общему делу”, каким бы оно ни было, успели во многом интернализировать ценности нравственной свободы со свойственными ей самостоятельным поиском долженствования, автономным моральным выбором между разносистемными ценностями, индивидуальной ответственностью (выше уже говорилось об укоренении потребительского индивидуализма, бюрократической рациональности, о фиктивности столь прославляемого коллективизма, о роли городского образа жизни, о рационализированных версиях построения всеобщего и обязательного образования). Возможно, не в той степени, как на Западе, опасность преувеличения здесь вполне вероятна, но и в России стоит задача придать паритетное звучание как традиционной, так и рациональной морали внутри системы пострациональности, которая не воспринимает какую-либо одну из них в качестве “высшей”, “истинной”, “подлинной”, отказывая в таких определениях другой нормативно-ценностной системе.

*Возрождаясь, не возвращаться  
в прошлое, а идти вперед!*

У футурологов прежде бытовала шуточная фраза: трудно предсказывать, особенно будущее. Эта трудность отпугивает и нас от ремесла предсказателей судеб морального кризиса и роли в нем всех трех нормативно-ценностных систем. Есть только один способ, не превышая разумной дозы риска, заглянуть в будущее морали: внимательно проследить ведущие тенденции развития нормативно-ценностных систем (или подсистем), охарактеризовать потенциалы перемен.

Большинство аналитиков, экспертов, публицистов и т.п., исследующих социальные процессы современной России, специфику переживаемого ею кризиса, будто сговорились, усматривая способ спасения в духовном, нравственном *возрождении* страны. Против этого невозможно спорить, и мы согласились бы с таким утверждением, если бы “возрождение” зачастую не отождествлялось просто с “возвращением”. Но к чему? В самом деле, многие духовные процессы, хотя и шли у нас с трудом, крайне противоречиво, но все же шли. И были грубо прерваны в годы революционного лихолетья. Позднее возник уродливый феномен, который можно было бы назвать “этатизированным этосом”. Он подменил собой подорванную традиционную нормативно-ценностную систему и последовательно

вытеснял ценности рациональной морали, которую в России представляли различные городские слои, предпринимательские круги, российская меритократия, группы зарождающегося среднего класса.

Так к чему же тогда призывают нас "возвращаться" возрождаясь? Создалось впечатление, что многие аналитические материалы как-то обходят стороной данную проблему. Между тем, хотя общество и пресытилось вульгарно трактуемыми *прогрессистскими* идеями (впрочем, неразумно отвергать идею как научно-технического прогресса, так социокультурной эволюции), но оно и не обрело гарантий от опасности *регрессизма*. Какова же торная дорога в развитии морали?

Мы попытались в общих чертах определить русло, магистраль цивилизованных изменений культурно-нравственного плана. России предстоит положить конец затянувшемуся в ней спору "древних" (традиционная мораль, идеология соборности) и "новых" (рациональная мораль с ценностями этики успеха), не оказывая (в духе консервативно-романтических или просвещенческих иллюзий) исключительной и демонстративной поддержки ни той, ни другой стороне, делая ставку на то, что возвышается над ними, не умаляя ни ту, ни другую.

Формы пострациональной морали не являются какими-то экстравагантными отклонениями от первых двух, некоей случайной патологией традиционности или рациональности. Они - естественный результат развития лучших тенденций, творческих возможностей как традиционной, так и рациональной морали, иначе говоря - этики, дезавуирующей по нравственным соображениям непосредственное стремление к ценностям успеха, достижения, и - этики успеха как побудительного (и ограничительного) фактора инновационного поведения.

В новой складывающейся социальной реальности России есть, так сказать, место и "подвигу успеха", и нравственно-трепетным мотивам отказа от успеха - делового, профессионального или даже в целом жизненного.

СОДЕРЖАНИЕ 1-9 ВЫПУСКОВ “ЭТИКИ УСПЕХА”

**ВЫПУСК 1**

*ЭТИКА ДЕЛОВОГО УСПЕХА (тезисы редколлегии)*

*МЕТАФИЗИКА УСПЕХА*

---

А.И.Гельман. Перспективы и опасности

Г.С.Батыгин. Деловая аскеза

*ЭТИКА УСПЕХА: СФЕРЫ ДЕЛА*

---

И.М.Клямкин. Историческая незавершенность  
советского человека

С.Л.Соловейчик. О первом и последнем в классе

А.С.Панарин. От патерналистской морали  
к морали успеха?

*ПРАВИЛА ЧЕСТНОЙ ИГРЫ*

---

Центр прикладной этики. Деловой этос региона - 93

В.И.Карасев, В.И.Шпильман. Новая игра  
требует новых талантов

Ю.В.Казаков. Правила игры "четвертой власти"  
с тремя первыми

*МОДЕЛИ УСПЕХА:*

*ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПОСТТОТАЛИТАРИЗМ*

---

Л.А.Аннинский. Павел Корчагин как современный  
политический менеджер - осуществимая идея?

А.В.Кинсбургский. "100 ведущих политиков  
России": слагаемые политического успеха

Центр прикладной этики. От "этики характера" к  
"этике личности": эволюция американской модели  
этики успеха (фрагментарий по книге Р.Хубера  
"Американская идея успеха")

*ЭТОС РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ*

---

Р.С.Гольдберг. Нравственные искания делового  
человека эпохи "нового освоения"

Центр прикладной этики. Политический этос  
региональной элиты: модели успеха

*БИОГРАФИЯ УСПЕХА*

---

Г.Э.Бурбулис. "...Конкуренция с самим собой вчерашним"

*ПЕРЕВОДЫ, РЕФЕРАТЫ, РЕЦЕНЗИИ*

---

Питер Бергер. Класс: лестница успеха  
Аннотация новой книги о консультировании  
(П.Кокман, Б.Эванс, П.Рейнолдс. Консультирование,  
ориентированное на клиента. Практическое  
руководство для внутренних советников  
и наставников)

## **ВЫПУСК 2**

### *МЕТАФИЗИКА УСПЕХА*

---

Л.А.Аннинский. Междумье. Заметки на полях  
Вестника "Этика успеха" № 1

Г.Э.Бурбулис. Культура целеполагания в российской  
стратегии модернизации

Г.Л.Тульчинский. Успех: модусы бытия и свободы

### *СФЕРЫ ДЕЛА: ЭТИКА И ЭТОС УСПЕХА*

---

В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов.

Этика политического успеха: начало дискурса

П.Н.Шихирев. Мы обречены на честное

предпринимательство

### *НОМО LUDENS: ПРАВИЛА ЧЕСТНОЙ ИГРЫ*

---

Б.Г.Капустин. Этика политики в загнивающем обществе

### *МОДЕЛИ УСПЕХА: ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПОСТСОЦИАЛИЗМ*

---

Р.Хубер. Деньги... Статус... Слава...

А.С.Панарин. Евразийская модель политического успеха

М.Ф.Черныш. "Успех" в структуре социальной

идентичности россиян

И.М.Клямкин. Парадоксы массового либерального

сознания в современной России

О.Р.Лацис. Победителей судят. Проигравших -

тем более

### *ДУХ КОРПОРАЦИИ*

---

А.Ю.Согомонов. Текст корпорации:

успешность приспособления

### *НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ УСПЕХ*

---

Ю.В.Козлов. "Успехи цивилизации" и "могущество

беса" - формула "русской мечты"

С.Керр. Судьбы "Американской мечты"

в американской школе

### *ЭТОС ФЕДЕРАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ*

---

Г.С.Батыгин. Трансфер лояльности интеллектуалов

А.В.Кинсбургский. 100 ведущих политиков России в  
1993г.: к вопросу о механизме политического успеха  
Е.Ш.Гонтмахер. Могут ли завлабы стать министрами?

---

*НОВАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА*

Ю.В.Казakov. Опуститься на землю - подняться до земли?  
Р.С.Гольдберг. Нефть и давление  
В.Л.Каганский. Тюмень в неосоветском пространстве  
*СЕВЕР. ВОЛЯ. НАДЕЖДА*

---

В.И.Шпильман. Экономическая и структурная  
политика с позиции теории успеха  
Р.Арифджанов. "Победа" над Ямалом"  
В.М.Розин. Региональное социокультурное  
программирование (на материалах  
Ханты-Мансийского округа)

---

*БИОГРАФИЯ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ*

---

И.Хакамада. "... Побеждают не те, кто ждет,  
когда их печь поедет"

### **ВЫПУСК 3 РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УСПЕХА**

---

*МЕТАФИЗИКА УСПЕХА*

---

Г.С.Батыгин. Профессионалы в расколдованном мире  
Г.Л.Тульчинский. Российский духовный опыт и  
проблема успеха  
Р.Г.Апресян. Ориентация на успех  
как моральная проблема  
А.Б.Франц. О русской модели Блага и его будущем  
*ЭТОС УСПЕХА: СФЕРЫ ДЕЛА*

---

Г.Э.Бурбулис. Потенциал солидарности успешных про-  
фессионалов в стратегии российской модернизации  
В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов.  
Этика политического успеха: продолжение дискурса  
Я.Л.Эйдельман. Деловой успех в групповом сознании  
работников промышленности  
Г.Беккер. Природа профессионализма  
О.Г.Чайковская. "Профессионализм дилетантов":  
суд присяжных

---

*НОМО ЛУДЕНС: ПРАВИЛА ЧЕСТНОЙ ИГРЫ*

Л.А.Жуховицкий. А пашет пусть золотая рыбка  
(заметки писателя)

Д.А.Гранин. "...Праведность нельзя награждать успехом"

---

*МОДЕЛИ УСПЕХА: ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПОСТСОЦИАЛИЗМ*

Л.А.Аннинский. Успех "по-русски"

Р.М.Хубер. Моральные дилеммы успеха

И.М.Клямкин. Ценность профессионализма  
в сознании постсоветского человека

А.С.Панарин. Модель успеха:

дискурс в чрезвычайных обстоятельствах

А.С.Ахиезер. Достижительный характер

либерального идеала: прогноз тенденции

---

*НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ УСПЕХ?*

С.Л.Соловейчик. "Вы блестящий учитель,  
у Вас блестящие ученики"

Ю.В.Козлов. Утолит ли жажду конь Мюнхгаузена?

В.Н.Шубкин. Система образования и  
воспроизводство новых элит

---

*ДУХ КОРПОРАЦИИ*

А.Ю.Согомонов. Текст корпорации: "страх успеха"  
или "дух сотрудничества"

Этика и этос корпорации.

"Круглый стол" Вестника "Этика успеха":

В.И.Бакштановский. Становление этоса корпоративной  
солидарности; В.А.Чурилов. О "белых воронах" в партийной системе  
и в современной корпорации; Ю.В.Согомонов. Дух корпорации и  
успешный профессионализм; М.Г.Ганопольский. Мозаика  
корпоративности; Н.В.Колотова. Легитимность как дух корпорации;  
А.В.Филипенко. Правила игры между государством и корпорацией;  
М.В.Богданова. Предпринимательский рационализм и  
корпоративность; В.И.Шпильман. Дух взаимодействия;  
Ю.В.Казаков. "Mens sana": "корпорация как взрывное устройство?"

---

*БИОГРАФИЯ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ*

М.В.Масарский. "... Влиять на ход и исход событий"

Э.А.Памфилова. "... Остаюсь романтиком в политике"

**ВЫПУСК 4**  
**ДУХ КОРПОРАЦИИ**

---

*МЕТАФИЗИКА УСПЕХА*



В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов. Дух корпорации:  
нравственные оппозиции

Р.Г.Апресян. Корпоративизм.

Опыт социально-этического анализа

Г.С.Батыгин. Неокорпоративизм и  
проблемы рационального выбора

Г.Л.Тутьчинский. Успех-призвание и самозванство  
*НОМО LUDENS: ПРАВИЛА ЧЕСТНОЙ ИГРЫ*

---

М.В.Масарский. От корпоративности государственной  
к гражданской

Н.В.Колотова. Морально-правовое регулирование  
корпоративности

В.И.Шпильман. Типология корпоративного духа

Г.Э.Бурбулис. Корпоративность в политической игре:  
теория и практика переходного периода

*ЭТИКА И ЭТОС УСПЕХА*

---

П.Н.Шихирев. От корпоративной этики  
к этике корпорации

В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов.

Этика политического успеха: Вебер, Поппер и другие

Е.Ш.Гонтмахер. Корпорация политиков и ее влияние  
на жизнь России

Л.А.Радзиховский. Потенциал корпоративности  
журналистского этоса

*МОДЕЛИ УСПЕХА: ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПОСТСОЦИАЛИЗМ*

---

А.Г.Быстрицкий. Корпоративизм в России

А.Б.Франц. Корпоративная форма организации власти  
как альтернатива тоталитаризму и анархии

А.Левинсон. Российская бюрократия  
как корпорация и объект критики

И.М.Клямкин, В.В.Лапкин. Российское общество:  
стихийный поиск формулы согласия. Статья первая

А.С.Ахиезер. Корпоративный дух в России:  
динамика эпохи

С.Матвеева. Общий и личный успех в системе  
корпоративных ценностей постсоветского общества

Р.М.Хубер. Амбиция преуспеяния

*РЕГИОН КАК КОРПОРАЦИЯ*

---

В.Л.Каганский. Регион как корпорация

М.Г.Ганопольский. Региональная общность:  
истоки корпоративности

Корпорация регионального развития

Материалы экспертного опроса.

Часть первая. - Анкета эксперта:

А.В.Филипенко. "Плюсов у корпорации больше, чем минусов";  
В.Чугунов. "...Мы должны соизмерять правила, создаваемые людьми, с библейскими"; А.Дубровин. "...Энергетика корпорации воздействует на регион"; В.И.Карасев. "...Дух достижения цели"; С.М.Шатохин. "... Коллективный индивидуализм"; С.Я.Бабаскин. «...Компромиссный вариант для двух популярных идей: "каждый за себя" и "человек человеку - друг, товарищ и брат"»; Т.С.Новашина. "... Ощущение собственной значимости в свободном полете "; В.А.Чурилов. "...В корпорации культивируется яркий индивидуализм с выраженными правилами командного действия"

Центр прикладной этики. Рациональный регионализм:

Фрагментарии гуманитарной экспертизы

*НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ УСПЕХ?*

---

М.В.Богданова, А.Ю.Согомонов. Университет как образовательная корпорация. Начало мониторинга

*БИОГРАФИЯ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ*

---

О.В.Киселев. "... Во мне сильно желание вспахать свое собственное поле"

## **ВЫПУСК 5**

### **КРЕДО И КОДЕКС ВЛАСТИ:**

### **РОССИЙСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО**

#### *ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ*

---

Дух и модели российского президентства

*МЕТАФИЗИКА УСПЕХА: РОССИЙСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО КАК ФЕНОМЕН НЕПОНЯТЫЙ И НЕПОЗНАННЫЙ*

---

А.С.Ахиезер. Россия - Власть - Президентство

Г.С.Батыгин. Парадокс Руссо

и рациональная легитимация президентской власти

И.Г.Яковенко. Институт президентства и массовое

сознание: новый облик власти в модернизирующемся обществе

*ЭТОС УСПЕХА: РОССИЙСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА*

---

А.Ю.Согомонов. Российское президентство

как самовозрастание амбивалентности власти

В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов.

Этика политического успеха:

миссия и кодекс российского президентства

Л.А.Радзиховский. Российское президентство:

образы и имиджи

Л.Я.Гозман. Российское президентство:

психология принятия и отторжения

С.А.Киселев, А.Мурсалиев. Президенты в поисках

утраченной легитимности

*НОМО ЛУДЕНС:*

*ПРАВИЛА ИГРЫ В РОССИЙСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО*

---

Б.Г.Капустин. Грядущие выборы и

правила шумпетерианской демократии (статья первая)

В.Б.Кувалдин. От полупрезидентства -

к суперпрезидентству.

В.Т.Третьяков. Российское президентство

и общественное согласие

Д.Е.Фурман. Является ли российское президентство

гарантом общественного согласия и стабильности

О.В.Киселев. Российское президентство как субъект

и объект влияния

Ю.В.Казаков. Публичное пространство

как "заповедник" гражданского мира

*МОДЕЛИ УСПЕХА: РОССИЙСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО*

*В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

---

Л.А.Аннинский. Какого президентства достойна Россия?

AMOR FATI, или кто сядет к нам лицом

Д.В.Ольшанский. Какое президентство победит

в России

А.С.Панарин. Какого президентства ждет Россия?

Б.Ф.Славин. Нужно ли президентство в России?

А.И.Ковлер. Какое президентство легально в России

И.М.Клямкин. Российское общество: стихийный поиск

формулы согласия. Статья вторая

А.М.Салмин. Российское президентство: природа и

проблемы

*НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ УСПЕХ?*

---

Г.Э.Бурбулис. Российское президентство и

новое поколение политиков

М.В.Масарский. Новое президентство: обновление или

смена?

**ВЫПУСК 6**  
**КРЕДО И КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ:**  
**РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО**

*ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ*

---

Дух и модели российского депутатства  
*МЕТАФИЗИКА УСПЕХА: РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО КАК  
НЕПОНЯТОЕ И НЕПОЗНАННОЕ ЯВЛЕНИЕ  
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ*

---

А.С.Ахиезер. Российское государство - Общество -  
Представительная власть

Г.Э.Бурбулис. Депутатство как профессия

С.А.Киселев, А.Мурсалиев. Российская законодательная  
власть: между “договором” и “вручением себя”

Г.С.Батыгин. Депутатское служение

В.Г.Иваницкий. Культурология и мифология депутатства  
в базовых моделях и архетипах

*ЭТОС УСПЕХА: РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО  
И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА*

---

А.Ю.Согомонов. Аматерство в политике:

Российское Депутатство как способ репрезентации  
Власти и Общества

Л.А.Радзиховский. Банановый парламент:

народные образы российского депутатства

В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов.

Этика политического успеха: кодекс и кредо  
российского депутатства

Д.А.Юрьев. Блеск и нищета Российского депутатства  
*НОМО LUDENS:*

*ПРАВИЛА ИГРЫ В РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО*

---

Б.Г.Капустин. Грядущие выборы и правила  
шумпетерианской демократии (статья вторая)

А.М.Салмин. О современном депутате

А.В.Фадин. Имитационная демократия в переходном  
обществе: мировой контекст

В.Игрунов, В.Я.Гельман. Депутатская деятельность:  
правовые нормы и культурная традиция

*МОДЕЛИ УСПЕХА: РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО  
В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

---

Л.А.Аннинский. Депутат как положительный герой  
постсоветской эпохи.

Какого депутатства достойна Россия?

Г.А.Сатаров. Какое депутатство необходимо России?

Д.В.Ольшанский. Какое депутатство победит в России?

Л.А.Седов. С думой или бездумно?

И.М.Клямкин, В.В.Лапкин. Российское общество:

стихийный поиск формулы согласия (статья третья)

*РОССИЙСКОЕ ДЕПУТАТСТВО В ЗЕРКАЛЕ  
ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ЭКСПЕРТИЗЫ*

---

1. *“Круглый стол”* депутатов Госдумы

*“Депутатство как образ жизни”*

А.А.Захаров. "... Не может быть призвания к тому, чтобы представлять чьи-то интересы"; Б.А.Золотухин. "...Власть депутата - прозрачна"; С.В.Бурков. "... Депутатом сложно себя проявить"; Л.П.Мишустина. "...Без меня в политике будет скучно"; В.А.Рыжков. "...Наша корпоративность даст сто очков вперед корпоративности любого западного парламента"; И.Л.Лукашев. "...Желающих выходить из-за этого карточного стола - нет"; С.А.Попов. "...Человек на выборной должности постоянно ощущает себя как бы в прозрачной спальне"; М.В.Сеславинский. "...Чем больше депутат занимается правовыми вопросами, тем меньше он увлечен чистой политикой"; В.В.Виноградов. "...Все парламентские процедуры должны быть красивыми"

2. *“Круглый стол”* "Депутатство как корпорация"

И.Хакамада. "... Корпоративность может возникнуть лишь в парламенте, имеющем большую историю"; Э.А.Памфилова. "Я - человек команды"; В.Н.Лысенко. "...Корпоративные интересы есть, но они слабее, чем у западных парламентов"; В.А.Лепехин. "Депутатская этика заключается прежде всего в том, что законодатель - пример соблюдения законов"

3. *“Круглый стол”* главных редакторов СМИ

*"Конфликт Российского Депутатства и СМИ"*

В.Г.Лошак. "... Журналисты и депутаты претендуют на одну и ту же роль в обществе"; И.Н.Голембиовский. "...Будь я депутатом, я бы к информации СМИ относился с еще большей серьезностью, чем к официальной информации"; Б.А.Батарчук. "...Не надо изобретать конфликты".

В.И.Бакштановский, А.Ю.Согомонов, В.А.Чурилов.  
Российское депутатство: от архетипического катехизиса к рефлексивной идеологии (*вместо послесловия*)

## **ВЫПУСК 7**

### **КРЕДО И КОДЕКС ВЛАСТИ: ОБНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА**

#### *ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ*

---

“Дух” и модели обновления президентской политики  
*МЕТАФИЗИКА УСПЕХА: ОБНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ  
ПОЛИТИКИ КАК ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА*

---

В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов.

“Три морали”: этика успеха и  
обновление президентской политики

В.Г.Иваницкий. Архетип обновления власти.

Русский сакрализм между магией и законом

А.С.Ахиезер. Ценностное содержание возможного  
обновления президентской политики

Г.С.Батыгин. Воспроизводство и формы представления  
политической риторики

*ЭТОС УСПЕХА: ИДЕОЛОГИЯ ОБНОВЛЕНИЯ  
КАК КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА*

---

Б.Г.Капустин. Идеологии современной России:  
поиск модальности сопряжения

А.Ю.Согомонов. Социокультурные предпосылки новой  
президентской политики

Л.А.Радзиховский. Интенции обновления президентской  
политики

И.Г.Яковенко. Идеология общественного примирения  
как новый курс российского президентства

*НОМО LUDENS: ПРАВИЛА ИГРЫ  
ДЛЯ ОБНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ*

---

А.М.Салмин. Российское президентство: проблемы и  
перспективы

В.Ф.Шумейко. “...Практически вся Россия должна  
работать над президентским посланием”

И.М.Клямкин. Обновление российского президентства  
и проблема исторического компромисса

Д.В.Ольшанский. “Кредит доверия” как политическая,  
идеологическая и психологическая проблема

А.С.Головков. Идея национального успеха:

российская модель

*МОДЕЛИ УСПЕХА: ОБНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПОЛИТИКИ  
В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

---

В.С.Гуревич. Скромное обаяние государства в эпоху  
рыночного долгостроя

Е.Ш.Гонтмахер. Обновление социальной политики?

В.Л.Каганский. Региональная политика Российской  
Федерации как проблема

А.С.Панарин. Потенциал и лимиты  
политики державности в “новом курсе”

М.А.Федотов. “...«Вооруженный нейтралитет»,  
при абсолютном невмешательстве государства  
в дела СМИ”

*“КРУГЛЫЙ СТОЛ” СМИ: ОБНОВЛЕНИЕ  
ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ СМИ*

---

В.Т.Третьяков. “..Вопрос о том, кто должен сделать  
первый шаг, странный”

И.Н.Голембиовский. “...Назначение прессы -  
быть санитаром общества”

К.А.Любарский. “..Любая плохая политика - аморальна”

## **ВЫПУСК 8**

### **НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ УСПЕХ?**

#### *МЕТАФИЗИКА УСПЕХА*

---

А.Г.Асмолов. О моделях успеха в эволюции цивилизации. (Заметки  
психолога к междисциплинарному проекту)

В.Г.Иваницкий. Архетипы успеха в русских народных сказках

Г.Л.Тульчинский. Неудача как стратегия успеха

*ЭТОС УСПЕХА И РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА*

---

Б.В.Дубин. Эта нынешняя молодежь

Н.Е.Покровский. Как реформировать океан?

(Заметки неделового человека)

В.С.Магун. От 1985 к 1995: революция притязаний

*ПРАВИЛА ИГРЫ: НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ И*

*СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕФОРМА*

---

А.Ю.Согомонов. “Маза есть?”

(Успех в культуре “нового поколения”)

Т.Л.Клячко. Новое поколение выбирает...

(О мотивации экономического образования молодежи)

В.И.Шпильман. Модели успеха у будущих поколений  
*МОДЕЛИ УСПЕХА: НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ  
В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

---

Д.И.Петросян. Молодежь хочет успеха и боится безработицы  
В.Н.Шубкин. Российская молодежь смотрит в будущее:  
надежда или ожидание катастрофы?  
А.В.Толстых, Н.Н.Толстых. Победитель не получит ничего  
*ЭТИКА УСПЕХА XXI ВЕКА*

---

Л.А.Аннинский. Устать от России (Заметки на полях  
дискуссии в журнале "Московский клуб")  
С.Л.Соловейчик. Этика заботы  
М.С.Жамкочьян. "Настойчивость ноги": конец эпохи социализации  
В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов. Бремя успеха:  
проблематизация к этике XXI века  
*СЕВЕР. ВОЛЯ. НАДЕЖДА: МОЛОДЫЕ УСПЕШНЫЕ  
ПРОФЕССИОНАЛЫ ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА*

---

Центр прикладной этики - Комитет по делам молодежи  
администрации Тюменской области. Новое поколение  
выбирает успех? (Экспертно-консультативный  
практикум)  
Центр прикладной этики - Тюменский городской педагогический  
колледж N 2. "Утро после выпуска": опыт  
игрового моделирования моральных ситуаций  
педагогического успеха  
Тюменский государственный нефтегазовый  
университет. Успешные профессионалы региона:  
модели вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня  
(Анализ экспертного мониторинга)  
*БИОГРАФИЯ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ*

---

## **ВЫПУСК 9 КРЕДО И КОДЕКС ВЛАСТИ: РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ**

*МЕТАФИЗИКА УСПЕХА:  
РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ КАК ЯВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ И  
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА*

---

Л.А.Аннинский. Родная каша (что такое "российский  
народ" и чем он отличается от "электората"?)



В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов, В.А.Чурилов.

Принципы воли в этике избирателя

В.Г.Иваницкий. Русский выбор как архетип и алгоритм

О.Т.Вите. Избиратели - враги народа?

(Размышления об адекватности электорального поведения и факторах, на ее уровень влияющих)

О.В.Давыдов. Электоральная урна

Г.С.Батыгин. Рациональная мотивация электорального поведения: историко-социологический обзор

*ЭТОС УСПЕХА: РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ И ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

---

А.С.Панарин. Политический потенциал идеи народного капитализма

Ю.А.Веденеев, В.В.Смирнов. Российский избиратель и государство: между электоральными правами и электоральными обязанностями

А.Ю.Согомонов. Социо- и антропогенез "российского избирателя" (к генеалогии постсоветского гражданства и электорального ressentiment)

А.Г.Левинсон. Воля электората и экспектации народа

А.А.Силин. Умом Россию не понять

*НОМО LUDENS: РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ КАК АКТЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЦЕНЫ*

---

Б.А.Грушин. Электоральная социология в России: что мешает ее успеху? (Полемические заметки)

И.М.Клямкин. Идеалист или прагматик?

Штрихи к портрету постсоветского избирателя

М.В.Масарский. Государству столько лет, сколько народу

А.В.Рубцов. "Гражданская оборона", или как избирателю победить на выборах

Ю.В.Казаков. Миссия СМИ и выбор избирателя

А.К.Симонов. "...Не пройдя через исповедь, перешли к проповеди"

*МОДЕЛИ УСПЕХА: РОССИЙСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

---

К.Касьянова. "Русский национальный характер": 20 лет спустя

А.А.Кабаков. "Невозвращенец" о российском случае резонанса или 8 лет спустя

Ю.А.Левада. Судьба "человека советского".

Размышления пять лет спустя

*БИОГРАФИЯ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ:*

*МОЙ ИЗБИРАТЕЛЬ*

---

Л.А.Радзиховский. Демократический выбор России

Г.Э.Бурбулис. Идеология здорового прагматизма

в сознании и поведении российского избирателя

И.А.Шадхан. Контрольная для голосующих взрослых

**Этика успеха:** Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып. 10, специальный. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. *Российская идея успеха: введение в гуманитарную экспертизу (научно-публицистический доклад)*. - Тюмень-Москва: Центр прикладной этики и Финансово-инвестиционная корпорация "Югра", 1997. - 237 с.

Редактор выпуска И.А.Иванова  
Художники М.М.Гардубей, Н.П.Пискулин

В подготовке выпуска принимали участие:  
И.В.Бакштановская, М.В.Богданова, Н.В.Попова, А.П.Тюменцева,  
Г.М.Тюменцев.

Подписано в печать 07.02.97.  
Формат 60x84/16.  
Гарнитура Pragmaica.  
Печ.л. 15.  
Печать офсетная.  
Бумага писчая № 1.  
Тираж 999 экз.  
Заказ № .  
Цена договорная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ИПП "Тюмень"625002, Тюмень,  
ул. Осипенко, 81.

## ОТКЛИКИ НА ПУБЛИКАЦИИ “ЭТИКИ УСПЕХА”

... В достаточно академическом названии все-таки чувствуется острота проблемы. Ведь сколько говорилось, в российском менталитете как бы запрограммировано сочувствие к неудачникам.

*("Сегодня". 23.09.94)*

...Пришло время в России положить конец бескомпромиссному противостоянию "древнего" (традиционной морали, идеологии соборности) и "нового" (рациональной морали с ценностями этики успеха). Относительная стабильность России (как, впрочем, и любого другого государства - тут разницы нет) возможна лишь постольку, поскольку здесь остается место и "подвигу успеха", и мужественно-трепетному от него отказу.

*("Независимая газета". 06.04.96)*

... Уже несколько лет в Тюмени выходит журнал “Этика успеха”. Он пользуется большой популярностью. Читатели удивляются: как, существует еще и такая этика? Мы привыкли, что этика - это то, что относится к запретам и неудачам. Но как, оставаясь благородным человеком, добиться чего-то в жизни, об этом мы не думали.

*("Первое сентября". 11.07.96)*

"... Авторы не ставили своей задачей соревнование на точность прогнозов - речь шла о тенденциях. А их, надо сказать, уловили и спрогнозировали и социологи, и журналисты, и философы, и политики, выступающие в журнале, достаточно точно".

*(Тюменские известия. 30.10.96)*

“Первые девять книжек “Этики успеха” - несомненный успех. Главное значение журнала в том, что он институализировал новое направление в междисциплинарных исследованиях - прикладную этику”.

*(Социологический журнал. 1996, № 3-4.)*

